АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Якутский институт языка, литературы и истории

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СЕВЕРА ЯКУТИИ

Сборник научных трудов

Якутск
Якутский научный центр, СО АН СССР, 1990

Литература народов Севера Якутии: *Сборник научных трудов.*— Якутск: ЯНЦ СО АН СССР.— 1990.— 120 с.

В статьях сборника впервые наиболее полно и последовательно освещены пути зарождения, становления и развития литератур народов Севера Якутии (юкагирская, эвенская и эвенкийская), процессы взаимодействия двух художественных систем — литературы и фольклора, представляющего собой животворный поэтический источник.

Впервые дается описание жизни и творчества таких крупных писателей Севера, как Н.Спиридонов—Тэки Одулок, Н.Тарабукин, П.Степанов-Ламутский, С.Курилов, В.Лебедев, Г.Курилов.

Сборник рассчитан на литературоведов, фольклористов и историков культуры этих народностей.

Ответственные редакторы:
к.ф.н. **А.Н.Мыреева,** к.и.н. **Ж.К.Лебедева**

Рецензенты:
к.ф.н. *С.П.Ойунская,* к.ф.н. *И.Г.Спиридонов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великий русский пролетарский писатель А.М.Горький, мечтавший видеть литературы народов СССР как единую советскую многонациональную литературу, говорил:

«И хорошо, что люди и народы не сделаны на одну колодку. Национальное своеобразие — это все равно, что согласное звучание разных инструментов в большом оркестре... Потому и хорошо, что у каждой нации — свое лицо, свой характер»[1].

Современная советская социалистическая культура стала бесспорно уникальным явлением в мировой культуре, вобрав в себя богатство национальных форм и красок. Невозможно отрицать, что все 78 нынешних литератур народов Советского Союза неуклонно шли к идейному единству, все более глубоко выражая всеобщие устремления и чаяния своих народов, борющихся за социализм. До недавнего времени мы,— может быть, и преждевременно — говорили о выравнивании уровней развития советских литератур, но дружно и справедливо отвергаем обвинения в стирании, нивелировке их национального своеобразия. Советские литературы развиваются в своих собственных формах: посредством родной, народной речи, вырастающей в современный литературный язык, с опорой на традиционную фольклорную эстетику и поэтику, и на опыт многовековых развитых литератур, осваиваемый сообразно национальным возможностям и потребностям.

Все это открывает почти безграничный простор для зарождения и развития советских младописьменных и новописьменных литератур, обеспечивая в то же время их самобытность и своеобразие.

Северными условно называются малочисленные народы Севера России и Дальнего Востока, их насчитывается 26. Процесс возникновения их письменности и литератур начался на рубеже 20—30-х годов и продолжается поныне. Северными в Якутии считаются эвены, эвенки, юкагиры и чукчи.

В предлагаемом сборнике статей, составленном отделом литературы, фольклора и искусства Якутского института языка, литературы и истории Сибирского отделения АН СССР в пределах разрабатываемой научной проблемы «Духовное развитие народов Сибири», осве-

---

[1] Шкапа Илья. Семь лет с Горьким. Воспоминания. М.,— 1964.— С. 200.

щаются в основных чертах пути становления, своеобразие проблематики, изобразительных средств эвенской, юкагирской и эвенкийской литератур, даны литературные портреты их наиболее крупных представителей: Н.С.Тарабукина, П.А.Степанова-Ламутского, В.Д.Лебедева, Н.И.Спиридонова — Тэки Одулока, С.Н.Курилова, Г.Н.Курилова — Улуро Адо.

Авторы статей в своих исследованиях опираются на выводы известных советских литературоведов М.Воскобойникова, Б.Комановского, Г.Ломидзе, М.Пархоменко, Л.Якименко и др., внимательно следивших за ростом литератур малочисленных народов Севера, вводят в научный оборот многие собственные наблюдения, малоизвестные факты регионального литературного развития, которые могут иметь немаловажное значение при создании истории северных литератур, что и является одной из предстоящих задач нашего литературоведения.

Из статей становится ясным, что рассматриваемые молодые литературы возникли во имя удовлетворения новых духовных и культурных запросов народов, сбросивших ярмо социального и национального угнетения, избравших путь социалистического развития. Создателями новых литератур были одаренные и образованные сыновья самих этих народов, впитавшие в себя их думы и заботы, горячо желающие видеть сородичей равными в братской советской семье. Все они получили высшее образование, постигли благороднейшие цели социализма в Ленинграде — колыбели Великого Октября под руководством выдающихся русских советских ученых и писателей. В произведениях писателей Севера художественно воплощалось то, что отложилось в устной поэзии как народная мудрость, и то, как жили их сородичи в прошлом и как они начинают строить новую жизнь. Это был путь литературы социалистического реализма, диктуемый самой действительностью.

Новоявленные ниспровергатели социалистического реализма, принципов партийности и народности в литературе закрывают глаза на исторический факт возникновения в СССР в 20—30-е годы качественно новой литературы и искусства, провозгласивших в качестве своих героев людей труда, ставших творцами истории. Ведь это неопровержимый исторический факт, что весь народ был охвачен пафосом созидания новых форм жизни, проявлял невиданную доблесть и геройство в боях и труде, что неизбежно и отображалось в литературе. В те годы были созданы выдающиеся художественные произведения, составляющие советскую классику и давно занявшие достойное место в сокровищнице духовных и культурных ценностей всего человечества.

Бесплодны попытки очернить и отбросить эти художественные творения, якобы созданные под сталинскую диктовку на основе выдуманных принципов классовости и партийности, будто бы предающих проклятию и забвению все человечное и всечеловеческое. М.А.Шолохов еще на Втором Всесоюзном съезде советских писателей отверг злоб-

ную клевету на советских писателей, будто они пишут свои произведения по указке партии: «Каждый из нас пишет по указке своего сердца. А сердце наше принадлежит партии и родному народу, которому мы служили своим искусством»[2].

Отрицатели достижений советской литературы и искусства закрывают глаза и на то, что в них — именно благодаря верному историко-материалистическому, классовому подходу к многообразным явлениям жизни — наиболее глубоко и ярко высвечивается общечеловеческое. Где, как ни в «Тихом Доне» или «Поднятой целине», отрицаемых иными современными критиками, более проникновенно изображены человеческая народная жизнь, любовь и ненависть, жизнь и смерть, отношения отцов и детей и другие вековечные проблемы человека?

Очень может быть, что наша литературная теория подчас отвлекалась от рассмотрения в произведениях аспектов общечеловеческого, сосредоточивая все свое внимание на классовом и партийном. Но в лучших произведениях советской литературы народные, общечеловеческие проблемы ставятся и решаются всегда, хотя и не всегда верно. Недаром советское литературоведение закрепило за литературой емкое наименование человековедения. Невозможно получить полнокровный человеческий образ на одних лишь принципах классовости, состоящий из одних лишь классовых черт,— и надо, конечно, признать, что поэтизация революционной и военной форм борьбы, которым советский народ отдал многие годы, заставляла забывать о верховенстве общечеловеческих ценностей над суррогатами «классового подхода». М.С.Горбачев в беседе с группой деятелей мировой культуры в октябре 1986 г. особо подчеркивал, что еще в начале века В.И.Ленин высказал мысль колоссальной глубины — о приоритете общечеловеческих ценностей над задачей того или иного класса[3]. В.И.Ленин писал: «С точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата»[4].

Речь не о том, чтобы вообще сбросить со счета «классовость» и «партийность», которые давно завоевали свое прочное историческое место, но о том, чтобы эти точки зрения, эти подходы вели к утверждению непреходящих, всеобъемлющих общечеловеческих ценностей в жизни общества.

Раздававшиеся в последнее время новые призывы отказаться от якобы дискредитировавшего себя метода социалистического реализма, от самого этого термина и понятия опирались на неверные утверждения о неудавшейся модели социализма в СССР, о конвергенции между социализмом и капитализмом и прочее капитулянство и нигилизм в отношении пройденного советским народом пути. Дело заклю-

---

[2] Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Речь М.А.Шолохова // Правда, 1954, 22 дек.

[3] Правда, 1986, 22 окт.

[4] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4.— С. 220.

чается в том, чтобы возродить подлинно социалистические принципы, освобожденные от разного рода деформаций, подлинно социалистические духовные и нравственные цели. Коль это так, то не столь уместно или злободневно отрекаться от социалистического реализма в литературе вместо того, чтобы всячески обогащать и совершенствовать само содержание понятия, к чему простор обеспечен уже давним признанием этого реализма как открытой художественной системы.

Авторы статей предлагаемого сборника стремятся раскрыть особенности путей зарождения эвенской, юкагирской и эвенкийской литератур, самобытность творчества их выдающихся представителей. Эти закономерные, обусловленные самой жизнью особенности, присущие и другим новописьменным литературам, могут послужить характеристике литературного процесса в стране, обогатить общую картину развития советской литературы какими-то штрихами, вновь и вновь подтверждающими ее объективное многообразие.

Анализ произведений писателей северных народов Якутии подтверждает и ту истину, что советской литературе вовсе не чуждо общечеловеческое.

Читателям сборника будет интересно познакомиться со своеобразием изобразительных средств в северных литературах, в которых по-своему используются такие понятия, как солнце, весна и лето.

Проникновение в художественные поэтические особенности рассматриваемых литератур затрудняется тем, что их исследователи пока не владеют языками оригинала произведений и оперируют их переводами на другой язык. Но у авторов данного сборника то преимущество, что они могут обращаться одновременно и к русским, и к якутским переводным текстам, ибо произведения северян почти полностью изданы на этих языках. А сами писатели-северяне владеют этими двумя и еще другими языками и всегда внимательно следят за переводом своих произведений и часто участвуют в нем, что создает уверенность в достоверности и высоком качестве переводов. Кроме этого, многие свои произведения северяне пишут на русском и якутском языках.

В условиях перестройки во весь рост встают задачи стимулирования социального развития народностей Севера, охраны их культурных достижений, языка и его функций. Должно быть решительно улучшено дело издания книг на эвенском, юкагирском и эвенкийском языках, что даст новый толчок литературному развитию Севера. Этому развитию призвано способствовать также обобщение писательского опыта и успехов, создание истории национальных литератур.

В.Б.Окорокова

РАЗВИТИЕ ПРОЗЫ В ЛИТЕРАТУРАХ НАРОДОВ СЕВЕРА ЯКУТИИ

Рождение новых молодых литератур — процесс продолжающийся: «В 1976 г. зафиксировано 76 литератур. Ныне называется цифра 78»[1].

Зарождение литератур Крайнего Севера началось в 30-х годах. Среди зачинателей известны имена юкагирского писателя Тэки Одулока и эвенского — Николая Тарабукина. Их произведения заслуженно получили высокую оценку у мастеров советской литературы: М.Горького, С.Маршака, Л.Сейфуллиной, А.Фадеева и др. Творчество Тэки Одулока и Н.Тарабукина открыло новую страницу в истории советской литературы и сыграло огромную роль в развитии литератур Крайнего Севера.

Многие представители молодых литератур, в том числе и зачинатели, пишут как на родном, так и на русском языке. Русский язык для северян играет огромную роль не только для общесоюзного звучания их произведений, но также для развития самих литератур Крайнего Севера и Дальнего Востока. Именно на русском языке представители малочисленных народов знакомятся с произведениями друг друга: ненец и нанаец, нивх и юкагир и др. Узнавая друг друга, они осознают свою общность как в литературе, так и в жизни. Это родство в литературе ощущается и писателями, и исследователями. Поэтому Б.Комановский, Ю.Шпрыгов, А.Михайлов и др. в своих исследованиях рассматривают развитие этих литератур как целостный, единый процесс. Такой взгляд особенно на современном этапе, конечно, необходим. Но при этом акцент следует делать не на целостности процесса, а на типологичности развития данных литератур. Именно тем, что не учитываются особенности каждой отдельной литературы, можно объяснить разногласия исследователей в установлении закономерностей развития молодых литератур. Существует концепция постепенного усиления реализма в молодых литературах (М.Сергеев, А.Михайлов), которую исследователи усматривают сначала в творчестве Н.Тарабукина, а затем в развитии современных молодых ли-

тератур. Эту концепцию опровергает К.Николаев на примере юкагирской и чукотской литератур, утверждая, что они возникли как предельно реалистические. Спорят также о роли фольклора в становлении литератур. Б.Комановский считает фольклор основной сокровищницей духовного развития северных народов. А К.Николаев на примере творчества Ю.Рытхэу утверждает, что эти литературы с первых своих шагов стремятся оторваться, отъединиться от фольклорных традиций. Б.Комановский, К.Николаев оба признают, что первые произведения молодых литератур в большинстве своем являлись прозаическими. Но надо учесть, что есть литературы, которые начинались и развивались в основном как поэтические, например, эвенская, эвенкийская.

Поэтому каждый исследователь, возможно, и прав, когда говорит об отдельной литературе: о постепенном усилении реализма в эвенской литературе, о предельном строгом реализме юкагирской и чукотской литературы, о том, что первые произведения некоторых литератур были прозаическими. Но он становится неправ, когда увиденную в одной литературе особенность, начинает распространять на другие молодые литературы.

А такие выявленные закономерности молодых литератур, как приверженность писателей к теме истории и жизни своего народа и их автобиографизм являются, на наш взгляд, типологическими свойствами родственных литератур схожих по социально-экономическому укладу жизни и культурному развитию народов.

Отсюда следует, что пора эти литературы исследовать более глубоко, каждую как самостоятельную литературу со своими национальными особенностями. Установить процесс, преемственность развития очень трудно, потому что представителей молодых литератур не много и процесс этот часто прерываемый. Так, например, Тэки Одулок умер в 1938 г., и лишь в 60-х гг. появился второй юкагирский писатель С.Курилов.

Тэки Одулок (1906—1938) — чрезвычайно одаренный, талантливый, яркий представитель юкагирского народа, всего за тринадцать лет прошедший путь от безграмотного паренька до писателя, ученого и общественного деятеля. В чешской газете «Чик» от 19.12.1935 г. Мария Майорова писала: «Где, в какой стране света могло так случиться, чтобы бедняк, сын такого народа, который был совершенно диким, примитивным, смог приехать в столицу, поступить в университет, найти в себе способность действительно редкую, развить ее и совершенствовать так, чтобы написать книгу такую ясную и простую, с таким прозрачным слогом, с таким плавным действием и необы-

чайной наглядностью, какой является «Жизнь Имтеургина-старшего»[2].

В 1927 г., будучи студентом Ленинградского госуниверситета, Тэки Одулок участвовал в экспедиции по изучению жизни народов Чукотки и Колымы. На основе своих путевых записей Тэки Одулок пишет географические и этнографические очерки «На Крайнем Севере» (1933), где автор запечатлел жизнь народов Крайнего Севера на переломном моменте их социального развития.

Тэки Одулок скрупулезно описывает северный край: дает его географическую характеристику, описывает реки, моря, горы, селения и города, подробно останавливается на изображении жизни и быта народов, их хозяйства, изнурительного труда северян. В центре внимания автора всегда находится северный человек, его нехитрое хозяйство, его заботы. Это дитя природы, скромное простое и бедное, которое обманывают и обирают купцы. Автор рассказывает удивительные человеческие истории, показывает нам всю сложность обстановки того времени. У власти стоят все те же купцы и богачи, которые командуют, бесчинствуют, грабят. Здесь есть купцы разных мастей: якутские, русские и даже американский купец Свенсон.

Малые народности, населяющие этот край, живут разрозненно, в нищете, изменения в их жизнь входят очень медленно. Они не разбираются в происходящих событиях, о чем свидетельствует их обращение к начальству: «Господин — табаарыс», председатель горсовета одновременно является председателем коллектива верующих, святой отец тоже «перестроился»: «Дети мои родные, товарищи трудящиеся».

В очерках неотступно присутствует образ рассказчика. Он наблюдает, высказывает свое отношение, становится участником событий: терпит лишения, невзгоды, голод на пути. Рассказчик — это грамотный, городской человек, который уже отошел от обычаев и привычек своих сородичей. Поэтому иногда его оценки происходящему даются как бы со стороны. Однако Тэки Одулок с особенной болью воспринимает бедствия своего народа. Выделяет в нем лучшие качества — веру в светлое будущее, любознательность, скромность. Он им рассказывает о Ленине, о новой жизни. Их восприятие, интерес к новому — признак пробуждения сознания народа. Очерки заканчиваются на оптимистической ноте: «Север встречал весну. Жизнь в этом крае чудесно преображалась». Писатель верит, что его родной край расцветет.

Очерки «На Крайнем Севере» значительно раздвигают рамки творчества писателя и ученого Тэки Одулока.

В 1934 г. Т.Одулок написал повесть «Жизнь Имтеургина-

старшего», которая заслуженно получила всеобщее признание. Она издавалась и за рубежом — в Праге и Лондоне.

Повесть Т.Одулока является свидетельством того, что молодые литераторы с самого зарождения выбрали свою главную тему — историю народа, его путь от старой жизни к новой.

Тэки Одулок писал, как задумал свое произведение: «Первая часть моей книги рассказывает о жизни тундренных людей — чукоч Колымского округа — лет за пятнадцать-двадцать до революции. Вторая часть книги рассказывает о том, как Имтеургин-младший живет в батраках у «собачьих людей»— у русских поречан. Третья часть — жизнь Имтеургина у «конных людей»— у якутов. В последних частях я расскажу о революции на Севере, о том, как младший Имтеургин попал в Ленинград, как он там учился и как сделался, наконец, одним из строителей Советской власти»[3]. Вот такой огромный период жизни человека, в котором отражается жизнь всего народа, хотел охватить писатель. Хотя автор и говорит о чукчах, но эти указанные хронологические этапы показывают, что повесть в своей основе автобиографична, ведь недаром он в предисловии рассказывает о своей жизни. К сожалению, писатель не успел претворить все свои замыслы. Читателю известна только первая часть повести. От второй части «Жизнь Имтеургина-младшего», рукопись которой писатель сдал в печать в 1937 г., остался только отрывок «Жизнь Имтехая у «собачьих» людей»[4].

В повести показывается жизнь семьи Имтеургина. В суровых условиях она отчаянно борется за существование. Эти люди живут в постоянном страхе, в плену суеверий и в зависимости от природы. Писатель художественными средствами достоверно показывает жизнь северного народа. Еще существуют родовые отношения, когда человек человеку брат. Так, сосед Имтеургина Каравья приходит на помощь, бескорыстно делится своим достатком. Однако в тундру начинают проникать и другие отношения, другой принцип существования: человек человеку волк. По всей тундре рыщут, как волки, в поисках своей жертвы купцы, обманывая охотников. Писатель показывает момент классового расслоения: и в среде сородичей начинает выделяться богач Эрмечин. Он наживает свое богатство на горе и слезах сородичей.

Глубокий историзм Тэки Одулока видится в том, что он сумел уловить процесс развития жизни народа: распад рода, родовых отношений, зарождение классовых отношений. Хотя бедняки возмущены поведением купцов и Эрмечина и сознают несправедливость создавшегося положения, но они еще не могут подняться на открытый сознательный протест. Писатель

реалистически показывает безвыходность положения бедного люда:

«Кух качала на руках ребенка и говорила ему: — Мы с тобой одни теперь живем. Прежде нас много было, и олени у нас свои были. Большой человек твой отец был. Первый охотник. А теперь твой отец чужое стадо пасет. Твоя сестра Тынатваль у соседа Каравьи живет. Брата Кутувью Эрмечиновы гости убили. А Рультына в большом шатре живет, Эрмечиновы обутки сушит. Кайлекым минкри — что поделаешь!»

Глава семьи Имтеургин изо всех сил борется, чтоб не попасть в кабалу Эрмечина. Однако суровая действительность такова, что Имтеургин вынужден идти в батраки к Эрмечину. Так упрочивается положение богача. Эрмечин умен и хитер. Он умеет ладить и с купцами, и с сородичами. Эрмечин сделал так, чтобы Имтеургин сам участвовал в убое угнанных от него оленей.

Повесть Тэки Одулока очень компактная, в ней писатель кратко и точно описал жизнь северного народа. Авторское повествование эпическое, автор отстранен, он своих знаний и чувств не высказывает прямолинейно. Все раскрывается через действия и речь персонажей. Л.Чуковская верно подметила особенность повести: «Лаконично, скупо, с чисто северной сдержанностью написана вся книга Одулока. Немногословны ее герои, немногословен и ее автор. Чем более драматично и напряженно положение, тем меньше слов употребляет автор и тем тяжелее, весомее, тем содержательнее каждое слово... В этой полунемоте — выразительность, сила, глубина человеческих страстей: любви и ненависти»[5].

У Тэки Одулока очень хорошо выведен характер человека. Каждый персонаж глубоко индивидуализирован. Полное раскрытие получил характер Имтеургина. Перед нами предстает образ труженика, который вынужден бороться с суровыми природными условиями и противостоять социальной несправедливости. Имтеургин в жизни наивен, прост, скромен. Он человек, еще не полностью оторвавшийся от природы.

Такова жизнь отца. А жизнь сына представлена в отрывке «Имтехай у «собачьих» людей», где сын попадает в батраки к купцу Копандину.

В 1938 г. появилась первая эвенская повесть «Мое детство» Н.Тарабукина (1910—1950 гг.). Юкагирская и эвенская проза начинается именно с крупной жанровой формы — повести, видимо, потому, что писатели хотят художественными средствами осмыслить изменение действительности, рождение нового человека на Крайнем Севере. Начало автобиографической северной прозы связывают с именем Н.Тарабукина, его повесть

«предвосхитила многие произведения писателей тайги и тундры, создавших позднее литературно-художественные автобиографии»[6].

Писатель стремится раскрыть свое мироощущение, познание действительности. Детство северного ребенка проходит в суровых условиях. Однако, как это бывает именно в детстве, в нем есть свои прелести, счастливые моменты, общение с любящими родными. Все это дается глазами ребенка. Ребенок познает природу, мир, человеческие отношения. Он веселый, любознательный, радующийся жизни, красоте природы, его согревает любовь матери, бабушки и деда. Видим, что эвенский ребенок очень близок к природе, с раннего детства он начинает охотиться, рано приобщается к труду, входит в сложный мир человеческих отношений. Каждое его столкновение со злом постепенно приводит его к пониманию социальной несправедливости.

Н.Тарабукин в основном известен как поэт. И в повести автор свою основную мысль выражает в стихах. Исследователи верно указывают на ритмичность его повествования. И вся повесть поэтичная, светлая, выразительная. Автор словно восхищается, как и его герой, всем увиденным и узнанным.

Исследователи расходятся в оценке этого произведения Н.Тарабукина. М.Сергеев писал: «Повесть «Мое детство» отличается большой непосредственной простотой и вместе с тем выразительностью изобразительных средств. Это примечательная и сильно сказавшаяся черта произведения»[7]. Другого мнения придерживается А.Михайлов: «На наш взгляд, первой эвенской повести именно не хватает выразительности в обрисовке персонажей, условий их жизни и быта»[8].

Мне думается, что безыскусное повествование писателя вышло непосредственно из фольклора и соответствует тому обстоятельству, что рассказ ведется от имени ребенка.

Эвенская литература с самого своего зарождения показала единение природы и человека, воспела природу как прекрасную человеческую обитель.

С 60-х годов начинается новый этап в развитии литератур Крайнего Севера. Особые успехи достигнуты в прозе.

Юкагирский поэт Улуро Адо (р. 1938) пишет и рассказы («Юкагирские костры» Якутск, 1965). Его рассказы примечательны тем, что посвящены жизни современной тундры. В рассказе «Пастух» Улуро Адо показывает молодого человека, его проблемы. Бригадир любит выпивать, а молодой пастух вторые сутки дежурит за него. Его борьба со сном, страх, злость, радость — смена его настроений переданы очень достоверно. Через эти мучения, трудности у него зарождается любовь к род-

ной природе, к тундре, к оленям. И хотя конфликт парня с бригадиром остается открытым, нерешенным, читатель верит, что у героя рассказа найдутся силы отстаивать свои права.

В рассказе «Чирэмэ» молодой пастух влюблен. Вместо того, чтоб встретиться с любимой, он идет спасать оленей. Но это решение достигнуто в муках, для него выше оказались такие понятия, как честь и долг.

Известный юкагирский писатель С.Н.Курилов (1935—1980) начал свою творческую деятельность с рассказа «Увидимся в тундре», впервые опубликованного в сборнике «Юкагирские костры» (1965). Проходит совсем немного времени и писатель становится автором всемирно известных романов «Ханидо и Халерха» (1969) и «Новые люди» (1975).

До недавнего времени почти ничего не было известно о народах Крайнего Севера, скудные сведения о них и об образе их жизни обрастали легендами о «незнаемых людях»: «К старым московским рассказам о Песьеглавцах и о Зонтичноногих людях Север прибавил рассказы о людях — половинках, с одною рукою, с одною ногою, о закатных тунгусах, которые с вечера выходят из-под земли, а утром уходят назад, о людях Беломедведних, которые обитают в океане, во льдах, питаются нерпою, о людях Дельфинах, которые имеют три образа и одновременно являются в океане дельфинами-касатками, рвущими на части китов, а после выходят на сушу, становятся волками, нападают на оленьи стада и тоже терзают и рвут. Далее волки уходят на юг и становятся людьми-людоедами»[9].

Описание и исследование жизни юкагиров начали политссыльные Иохельсон В.И., Богораз-Тан В.Г., Мицкевич С.И. Это были люди, увлеченные историей северных народов, относившиеся к ним с чувством глубокого сострадания и сочувствия. Среди советских исследователей юкагиров известны имена И.С.Гурвича, И.С.Вдовина, М.А.Сергеева, З.В.Гоголева, М.Я.Жорницкой, В.А.Туголукова и др.

Когда-то, гласит народное предание, огней юкагирских костров было больше, чем звезд на небе. К приходу русских в 40-х гг. XVII в. юкагиры, «судя по ясачным документам, занимали огромную территорию от Лены на западе до Анадыря на востоке и от побережья Ледовитого океана на севере до верховий Яны, Индигирки и Колымы»[10] и было их 4500—5000 чел.

Однако до революции юкагиры были «самым несчастным из северных племен, забитым, разоренным, полуистребленным народом»[11]. Перепись 1897 г. показывает, что к этому времени их осталось всего 351 чел.[12]. Эта угроза вымирания встала из-за «ясачного гнета, хищнической деятельности скупщиков пушнины, полного отсутствия медицинской помощи,

голода в неблагоприятные годы (недоход рыбы, откочевки диких оленей)»[13]. По свидетельству очевидцев (Богораз В.Г., Иохельсон В.И., Мицкевич С.И.), юкагиры терпели страшные лишения и невзгоды — это были длительные голодовки, когда грызли ремешки для собак, из-за отсутствия оленей и собак люди на себе таскали нарты, свирепствовали эпидемии оспы, гриппа, частыми были и нервно-психические заболевания.

Говоря о том, что есть «к северу от Томска необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»[14], В.И.Ленин предвидел, что эти отсталые народы вместе с русским народом пойдут по пути строительства социализма, а в области культуры этих народов Советская власть «должна за годы, за десятилетия загладить культурный долг многих столетий»[15].

В 20-х годах власти получали сведения о том, что «все малые народности находятся в процессе разорения, обнищания и вымирания»[16]. Молодая Советская республика проявила большую заботу и сделала все возможное для преодоления отсталости, для помощи в выравнивании их экономического и культурного развития. Народы Севера с помощью русского и других народов СССР включились в социалистическое строительство.

Юкагирский народ в советское время выдвинул из своей среды такие таланты, как Тэки Одулок, С.Н.Курилов, вставших в один ряд с крупными писателями зрелых литератур. Это явление подтвердило высказывание М.Горького о том, что «количество народа не влияет на качество таланта»[17].

Юкагирского писателя С.Курилова сегодня читают не только в Советском Союзе, но и за рубежом.

Высокую оценку получили романы С.Курилова «Ханидо и Халерха», «Новые люди». Путь Семена Курилова в литературу — путь многих северян»[18]. Вместе с тем его произведение по праву считается «наиболее значительным из новейших явлений романистики народов Крайнего Севера»[19]. Рождение молодых литератур, как «принципиально новое идейно-эстетическое явление, возможное лишь в условиях социализма»[20], началось в 30-х годах. Это литературы со своими закономерностями, издержками и недостатками, развивающиеся своеобразно. Они прошли эволюцию «от событийного сюжета, от описания к раскрытию психологии, внутреннего мира, к свободной композиции, основанной на раскрытии мировоззренческих нравственных сдвигов. От национального быта к национальной психологии»[21].

Мы не можем согласиться с мнением исследователя чукотской литературы К.Николаева о том, что к литературам «Северо-Востока нельзя подходить с мерками литератур давно сложившихся»[22]. Сам факт появления в них таких произведений, которые считаются большими достижениями всей советской литературы говорит о том, что они «не нуждаются в снисходительных ссылках на «молодость», «неопытность». Они соединили мощные поэтические традиции своих народов с высокими достижениями русской и мировой культуры»[23]. Один из первых исследователей литератур Крайнего Севера Б.Л.Комановский считает, что «в истории мировой литературы рождение прозы, которая достигла зрелого художественного уровня, что уже оказывает свое влияние и на другие литературы,— это нечто. подобное чуду. Такое явление стало возможно в условиях советских, в условиях возрождения народов и их культуры. Это и чудо, и закономерность»[24].

Исследователи отмечают особенность историзма в произведениях представителей молодых литератур. При этом у каждого писателя видят свое решение в художественном изображении исторического развития народов. Ю.Рытхэу в автобиографической трилогии «Время таяния снегов» показывает становление характера нового человека, который каждое утро «перешагивает тысячелетия». П.Киле в автобиографической повести «Идти вечно» «по-новому, по-своему раскрывает то же явление»[25].

Исследователи справедливо критиковали концепцию Ю.Рытхэу в последующих романах — «Сон в начале тумана», «Иней на пороге», усмотрев в них мотивы идеализации «детства» человечества: «Идеализированы патриархальные, первобытные устои прошлого и соответственно этому критерием нравственного представлен «естественный», не тронутый цивилизацией человек»[26].

Главной темой романа «Женитьба Кевонгов» нивхского писателя В.Санги является судьба рода на рубеже XIX—XX веков. Писатель художественно раскрывает процесс вымирания рода в итоге его столкновения с явлениями новых капиталистических отношений. Автор подводит читателя к суровой правде — у рода Кевонгов в том мире не было никакого другого пути, кроме вымирания.

С.Курилов в дилогии «Ханидо и Халерха», «Новые люди», отображает сложную дореволюционную действительность. В отличие от других писателей, он сосредоточивает свое внимание на ускоренном развитии жизни и сознания северного человека в условиях социалистического строительства, и, как никто другой, проникает в глубину истоков и корней этого ускоренного развития. Тем самым писатель как бы опережает историческое

исследование данного периода в жизни своего народа. Очень верно замечено, что «крупнейшие писатели молодых литератур являются одновременно и художниками слова, и историками, с научной достоверностью воссоздающими исторический путь своего народа за целые века, отражая переход его от патриархального состояния к историческому самосознанию и действию»[27]. К.Николаев пишет о Ю.Рытхэу: «Темперамент писателя социалистического реализма не позволяет ему ждать, когда наука соберется сделать свое открытие: он сам, может быть, неосознанно пытается закрыть амбразуру этой болевой точки»[28].

А о В.Санги сказано, что в романе «Женитьба Кевонгов» как «социолог и этнограф, историк и художник, автор ведет сложное, неоднозначное исследование»[29].

В науке «единства мнений о характере общественного строя у названных народов (чукчей, коряков, эскимосов, юкагиров — В.О.) к приходу на Чукотку русских и о дальнейшем его развитии до начала XX века нет до сих пор»[30]. Однако исследователи едины во мнении о сложности, многоукладности общественных отношений у народов Севера накануне Великой Октябрьской социалистической революции: «Общество малых народов Севера сочетало разнообразные по времени возникновения элементы, одни из которых уходили в древнейшую формацию человечества, другие возникли под влиянием новейших капиталистических отношений»[31]; «Своеобразное переплетение социальной структуры и составляло особенность экономических и социально-общественных отношений народов Севера, с которыми встретилась Советская власть»[32].

«Юкагиры — живой пример незавершенного процесса взаимодействия различных по уровню и характеру культуры, физическому и духовному складу народов. В юкагирах причудливо переплелись как черты, свойственные их далеким предкам — аборигенам Северной Якутии, так и черты, заимствованные ими от тунгусов и более поздних пришельцев в эту страну — ламутов, якутов, русских»[33].

Концепция «уплотненного времени» наиболее глубоко выразилась у С.Курилова. Его произведения «оригинальны и не повторяют того, что нам уже известно из книг Богораза, Семушкина, Рытхэу, Ходжера, Санги»[34].

Как и у других писателей, противопоставление веков есть и в дилогии Курилова. Например, в разговоре с исправником Друскиным Куриль в вопросах войны проявляет большую наивность. Или же возьмем сцену на ярмарке. Женщины, чтоб получить «даровую» иголку, доходят до того, что теряют человеческий облик. Американский купец Томпсон, пользуясь

их наивностью, не только обирает начисто, но еще и издевается над ними. В те времена человек «очень просто произносил жуткую фразу, когда видел плачущую по умершему ребенку мать: «А я уж испугался — думал ты иголку потеряла...». Войны были из-за иголки»[35].. Здесь «одновременно существуют разные миры: в одном иголка стоит в копейку, в другом это огромная ценность»[36]. Куриль, предавая интересы своего народа, старается быть на уровне, на одной ноге с американцем Томпсоном, который, заигрывая с ним, затевает хитрую игру. И.Смольников пишет о дилогии С.Курилова: «Мир древний, как сказка, существующий в условиях «чуть ли не каменного века», но старающийся жить по принципам высокой человечности, честности, уважения достоинства людей и правды, вступал в конфликт с миром наживы. В этом столкновении нравственные победы одерживали силы добра и правды»[37]. Конфликт в этом мире не может быть разрешен так абстрактно. Поэтому С.Курилов не только противопоставляет разные миры, но дает в своем романе концепцию социального прогресса. Писатель показывает разложение родовых отношений, выделение личности из рода, зарождение классового антагонизма, т.е. такое поступательное развитие общества, при котором оно шло к сегодняшнему своему состоянию за очень короткие сроки, тогда как другим народам на это были отпущены целые века.

Роман «Ханидо и Халерха» начинается с показа внутриродовых и межродовых распрей. Шаманы, одурманивая народ, держат его в вечном страхе и в зависимости от себя. Тачана, Токио, Сайрэ, Мельгайвач, Кака извлекают из шаманства личную выгоду, используют его как средство обогащения. Даже Сайрэ, который как будто делит все беды со своими сородичами и бедствует вместе с ними, на деле преследует корыстные цели. Вот пример. Беда потрясла обитателей стойбища: полоумный Эргэйуо ударил ножом трехмесячную Халерху; преждевременно появился на свет Ханидо. Люди обращаются к Сайрэ за помощью. А Сайрэ их беду обращает в свою пользу. Первым делом он набил свой живот: «Он объявил, что спасать надо не только мальчика, а сразу обоих детей — иначе ничего не получится. А для этого надо насытить духов — собрать всю юколу стойбища, всю — чтобы духи не обнаружили людской жадности. Он, Сайрэ, будет съедать ее, и чем скорее и больше окажется ее в желудке, тем скорее и уверенней станут действовать духи». Затем Сайрэ восстанавливает сородичей против своего личного врага — шамана Мельгайвача, обвиняя его в том, что он напустил на них беду. По словам Сайрэ, Мельгайвач «нашел этого мальчика в доме Нявала. А чтобы запутать следы, он сперва вселился в душу Эргэйуо, пролил кровь Халерхи и заставил

жену Нявала с испуга скинуть ребенка». Сайрэ этим не довольствуется, он еще решил получить в жены молодую красавицу Пайпаткэ, да таким способом, чтоб люди сами ее отдали ему. «...— И с Пайпаткэ нельзя жестоко поступать, Пурама. Добром ее отучивать надо. А лучше всего — спрятать в надежном тордохе.— В каком?... Сайрэ, однако, не мог ответить: он как раз откусил огромный кусок юколы. И чтобы люди поняли, он стал медленно, громко чавкать. А страсти горели — сама Тачана предложила: — Я хоть шаманка слабая и давно не камлаю, а поверьте мне: с умом ее может справиться только шаман-мужчина.— А почему бы не попросить Хайчэ Сайрэ, чтоб он сам присмотрел за ней?— спросил до сих пор молчавший Ланга...» Сайрэ так хитроумно сплел свои сети, что ни у кого не возникает и тени сомнения в его правоте. Шаманы, борясь между собой за влияние на среду, сеют раздоры, вражду среди народа и разделяют его.

В этих обстоятельствах прогрессивную силу представляет собой юкагирский голова Куриль. Куриль — центральная фигура дилогии. Его борьба с шаманами выходит на первый план. С.Курилова иногда упрекают в том, что в его романе слишком несоразмерно разрослась «шаманская линия»: «Молодой автор, по-видимому увлекся. Повествование про шаманов, великолепно написанные сцены камлания, ссоры и злодеяния вытеснили кое-что существенное из того, что хотелось бы видеть в подобном романе»[38]. Но здесь видим не увлечение экзотикой, не этнографизм, а саму действительность, ибо борьба народа на ранней стадии общественного развития выступала в религиозной оболочке и «при тогдашнем положении вещей выход мог быть лишь в области религии»[39]. Правомерно, что писатель особенное внимание уделяет раскрытию причин и сущности борьбы Куриля с шаманами. С.Курилов убедительно и глубоко показывает социальные мотивы этой борьбы.

Сложный характер Куриля показан в развитии, его терзает дух противоречия. В начале романа он все еще дитя того общества, из которого вышел, и находится в плену мифологического сознания: «Все муки из-за шаманства Куриль потому и испытывал, что верил чудесам и не верил». Куриль в борьбе с шаманами преследует и личную цель — самоутверждение и обогащение, которая постепенно поглощает его. Здесь мы видим двойственость его натуры. Противоречие заключается в неразрешимом конфликте общественного и личного, и здесь он человек своего времени.

Куриль не хочет делить власть с шаманами, желая стать «царем тундры», в шаманах видит соперников в ограблении народа. Он обращается к христианству. «Для неграмотного,

темного человека этот путь казался прогрессивным, и драму такого исторически неверного выбора очень ярко рисует С.Курилов»[40]. Неграмотность, здесь, конечно, ни при чем. А в Куриле заговорила верная историческая интуиция. Опору своей власти и могущества он закономерно видит в новой религии, ибо она всегда служила поддержанию единовластия, стояла на охране личной собственности. Отмечается, что введение христианства на Руси в свое время явилось прогрессивным фактом, во-первых, в отношении культурного развития народа, во-вторых, церковь вела борьбу с пережитками родового строя, укрепляла государственную централизованную власть[41]. Эти явления, хотя и в зародышевом состоянии, видны в действиях и борьбе Куриля.

М.Н.Пархоменко видит в романе «попытку доказать, что идея крещения «инородцев» возникла не сверху, а снизу... роли явно смещены»[42]. Действительно, исследователи отмечают, что христианизация была лишь формальным явлением, не проникшим в сознание народов Севера. Вместе с тем В.Г.Богораз отмечает, что «они (инородцы) понимают чутьем, что принятие русской веры не только церковное, но также государственное дело»[43]. Здесь «сложился причудливый синкретизм — смесь исконных анимистическо-шаманистских представлений с зачатками новых, христианских»[44]. В жизни северных народов наметилась и такая тенденция: «Социальная верхушка уже искала опору не в исконных верованиях, а в христианстве, которое защищало собственность, утверждало покорность судьбе и т.д. Все это соответствовало ее интересам, экономическому господству, усилении ею эксплуатации соплеменников. Отсюда апелляция к догме православия»[45]. И поэтому С.Курилов показывает это явление, как внутреннюю историческую необходимость, перед которой стоит Куриль. Куриль понимает отсталость своего народа, видит вред шаманов, он мучительно ищет пути развития своего народа. Этот путь он видит в жизни русского и якутского народов. Куриль в своем народе хочет быть Друскиным (т.е. «царем тундры») и в помощники хочет, как и Друскин, священника. Именно для этой роли готовит он Косчэ-Ханидо. Считают, что Куриль как прогрессивный человек хочет видеть Ханидо образованным[46]. Однако он посылает Ханидо на учебу не потому, что считает образование путем улучшения жизни народа, а потому, что священник ему нужен как проводник его политики. В нем он хочет видеть союзника и подчиненного.

Наконец-то исполняется мечта Куриля, виден итог его борьбы. Вот что чувствует Куриль при крещении народа: «И огромная толпа бухнулась на колени... Это было такое зрелище, что у Куриля даже мороз по спине пробежал. Люди повинова-

лись, люди стали совсем одинаковыми, люди забыли себя... Ни с чем несравнимое чувство повелителя опять омолодило юкагирского голову». Так Куриль в религии находит «опиум народа». Христианство, подчинив людей единственному, сильному повелителю и превратив их в одну серую, безликую, послушную массу, усиливает социальное угнетение народа.

Люди сознательно не приняли христианства. И когда они, повторяя слова за священником, вместо: «Дай, бог!», «Слава богу!» говорят: «Лай, бог!», «Слаб бог!», мы видим не только юмор и иронию писателя. Куриль на пути к цели окончательно теряет «демократические замашки». Он безжалостно грабит свой народ. Истинно социальное лицо Куриля обнаруживается в его отношении к чужеземцу-грабителю. Он входит в сделку с Томпсоном, давая ему простор для грабежа. Проследим за ходом мыслей Куриля при этом: «Курилю пришла в голову и такая мысль. Томпсон и его дела могут не понравиться местным и русским купцам, это он предвидит и ищет опору. В нем, в Куриле, ищет опору... Не открывая глаз, Томпсон тихо сказал: — Моего человека не обижайте. Мамахану Тарабукину передайте привет. Он говорил о Потонче, а значит, Томпсону — за счет Мамахана». Куриль так и поступает, хотя Мамахан и считается его другом, а счастливый Потонча спешит благодарить: «В долгу не останусь». Таким образом, Куриль входит в мир хищнической эксплуатации человека человеком, окончательно разлагается его личность, он скатывается в лагерь врагов народа. Так разрешается его внутренний конфликт.

Куриль достиг власти и богатства. Однако его победа призрачна. Времена уже не те, и его «большое дело», вся его борьба выглядят напрасными, обстоятельства показывают, что ему не пожинать плодов своих «трудов».

В тундре появляются новые люди. В дилогии чукча Ниникай — самый прогрессивный человек, интересная личность. Он бунтарь против вековых родовых традиций. Ниникай уходит от своего рода к Курилю, считая его борцом за лучшую жизнь народа. Ниникай во всем стремится к новому. Сперва он помогает Курилю в его борьбе с шаманами, но он идет дальше, знакомится с ссыльными. Ниникай — человек, который первым в тундре произносит имя Ленина. Теперь он противник Куриля.

Охотник Пурама сначала тоже вместе с Курилем борется против шаманов, считая, что зло исходит от них. Он по-настоящему ищет «лучшей доли» для своего народа. Оказавшись в центре происходящих событий, Пурама постепенно постигает истину, видит, кто есть кто. Он признает необходимость классовой борьбы: «А моя тихая жизнь кончилась. Много лет я был на стороне». Свои будущие надежды, как и Куриль, он связывает

с именем Ханидо. Если Куриль в Ханидо хочет видеть своего священника, то Пурама его наставляет на классовую борьбу: «Я тебе только скажу: о попе брось думать, не дело это для богатыря».

Юный, вступающий в жизнь, Ханидо знает с кем бороться: «...всех (богачей) ненавижу. И Куриля. Мстить буду им». Писатель и здесь не строит иллюзий, показывая Ханидо пока стихийным борцом за справедливость, у которого личные интересы еще не переросли в общественные. Таким образом, появляется новая сила, противостоящая Курилю, борьба продолжается на новом, более высоком уровне.

Проблема поэтики романов С.Курилова еще не затронута исследователями и в ней много еще неразгаданных загадок. Источником возникновения его романов стали фольклор и современные достижения советской литературы, что и определило своеобразие их поэтики. Если в младописьменных литературах ясно прослеживается их развитие от фольклора к роману или к роману-эпопее, то дилогия С.Курилова как бы носит в себе элементы этого движения. В ее содержании отражается «спрессованность» истории, в поэтике же — спрессованное развитие юкагирской литературы.

Фольклоризм в историческом романе молодых литератур Дальнего Востока и Крайнего Севера имеет совершенно иные корни происхождения и функции. Это не просто фольклорные вкрапления, усиливающие идейно-философское содержание произведения.

В романах С.Курилова очень много сходства с героическим эпосом: в них отражается эпоха разложения родового общества, герой романов богатырь Ханидо — мститель и борец за счастье народа, судьба его предопределена, один из сюжетов построен на фольклорном мотиве рождения и возмужания героя-богатыря, иносказательность и выразительность языка произведения. Мелетинский Е.М. пишет, что «романы возникают в результате трансформации героического эпоса и сказки. Источником романа могут быть и другие жанровые образования, например, легенды и предания...»[47]. Роман С.Курилова начинается с легенды, из которой вытекает мотив рождения героя-богатыря. Писатель показывает уровень исторического развития жизни и сознания народа, скрещение его мифологического сознания и исторического самосознания. Миф и действительность переплетены между собой. Народ верит шаманам, верит в духов, верит в чудесного героя. Они Ханидо предопределили героическое будущее и воспитывают его соответственно этому. Реализм С.Курилова в том, что он не идет на поводу этой легенды и показывает развитие Ханидо в зависимости от познания

им действительности. Так что у С.Курилова фольклоризм выступает и как объект познания, и как художественный прием в отображении действительности. «Мифы, легенды, предания, фольклор — это посох, который не отбросишь. Часто он уводит дальше любых других свидетельств»[48], писал С.Курилов, творчество которого было тесно связано с фольклором. Произведение С.Курилова глубоко реалистическое, что доказывается высоким уровнем историзма.

У писателя мы не наблюдаем высокого слога и описательности. Он даже чрезмерно беспощаден к себе: без прикрас и сентиментальности писатель изображает суровую действительность. «Нам дикие времена вспоминать не страшно, не стыдно. Дикой была жизнь»,— писал С.Курилов[49].

С.Курилов в дилогии рассматривает глобальную проблему — народ и история. При этом он не рассказывает собственно историю, а воссоздает ее в движении сознания народа. Большое достижение писателя — социально-психологический анализ. Развитие характеров освещается «изнутри», писатель следит за диалектикой души.

Яркие, колоритные образы С.Курилова не исчерпываются их социальной, исторической детерминированностью, это еще и особый психический склад характера. В романе показаны национальные черты характера. Персонажи С.Курилова умеют наблюдать, следить и «читать» мысли других, анализировать себя, они немногословны; глубоко выразительны каждый жест и взгляд, речь иносказательна, в емких диалогах улавливаются затаенные мотивы, душевная борьба людей. Писатель не только углублен в человеческий характер, но все это у него обязательно сопряжено с миром, с действительностью. Здесь удачно совмещаются аналитические и синтезирующие начала в художественном исследовании действительности.

С.Курилов о своей творческой работе писал: «Рождается страница будущей книги. В ней может разместиться целая эпоха, государство, разыгрываются драмы и комедии, торжествует добро, кипят страсти, властвует правда, оттеняемая черными бликами лжи. Завершенная страница — это живое время, спрессованное в художественном образе»[50].

«Разные народы идут одинаковой исторической дорогой, но в высшей степени разнообразными зигзагами и тропинками»[51]. С.Курилов в своей дилогии показал всю сложность, своеобразие исторического пути юкагирского народа на рубеже XIX—XX веков, которое выражается в сконцентрировании черт нескольких эпох, в итоге предстает как бы «спрессованная» история человечества.Жанр романа в молодых литературах исследователи М.Пахомова, Р.Бикмухаметов и др. опреде-

ляют как исторический: «Исторический (этот термин я отношу к тем произведениям, что посвящены эпохе господства рода — эпохе дореволюционной) роман родился совсем недавно и сразу стал определяющим в новописьменной прозе»[52]. Романы С.Курилова одни определяют как историко-революционные, другие как исторические. По замыслу они действительно историко-революционные: писатель хотел показать судьбы народа в эпоху социалистической революции. Но по особенностям историзма, когда в его романах отражены все эпохи развития человечества, они выходят за рамки историко-революционных, это исторические романы.

Много общего в творчестве юкагирских писателей Тэки Одулока и Семена Курилова. С.Курилов во многом продолжает традиции предшественника. Как и Тэки Одулок, он обращается к историческому прошлому своего народа. Но как роман, произведение С.Курилова решает глобальные проблемы: народ и история, народ и эпоха — более объемно. У обоих прозаиков наблюдаем удачи в создании типических характеров. Характеры С.Курилова должны быть оценены с позиции художественных завоеваний всей современной советской литературы. Писатель изображает человека «изнутри», обнажая весь его внутренний мир, его думы, показывает движение, развитие сознания человека, всего народа. В его психологическом анализе совместились аналитические и синтетические начала художественного исследования.

У писателей есть и сходные образы. Например, образ человека, вскормленного собакой. Возникает также ощущение, что прототипом Ханидо мог быть и сам Тэки Одулок. Так сходны и трудное детство, и то, что Тэки Одулока тоже отдавали учиться к священнику. В третьей части Ханидо, возможно, прошел бы путь Одулока от темного человека до сознательного борца за новую жизнь.

Тэки Одулок показал мифологическое сознание Имтеургина и членов его семьи, все их обычаи. С.Курилов тоже показывает мифологическое сознание народа, широко опираясь на фольклор.

Мастерство писателей проявилось также и в том, что они сумели избежать описательности. Тэки Одулок много внимания уделяет показу нравов, обычаев, национальных особенностей, образа мышления юкагиров и других народностей Севера, но не увлекаясь, в меру»[53], «Одулок не рассказывает — только показывает»[54].

У Тэки Одулока и С.Курилова особый подход к описанию быта. А.Михайлов подчеркивает: «В свое время К.Зелинский отметил, что «в большинстве первых повестей Севера отсутствует оценочный момент, что для авторов привычны и естест-

венны образ жизни, быт, обстановка, мало эстетичные для взгляда со стороны». Исследователь, сравнивая описание жизни и быта северян у русских ученых и литераторов, приходит к выводу, что эти различия «нельзя отнести за счет неразвитости реализма». Просто перед нами разная эстетика, воспитанная разными условиями жизни». Нам думается, что именно «неразвитостью реализма» объясняется былое, лишенное конкретности и этнографической обстоятельности описание условий жизни в первых повестях писателей — северян. Этот недостаток изживается, преодолевается с течением времени в более поздних явлениях северной романистики»[55].

К.Зелинский не прав, говоря об отсутствии оценочного момента у писателей-северян. Мы уже говорили, что Тэки Одулок в очерках «На Крайнем Севере» описывает быт сородичей как бы «со стороны», так что быт изображается им вполне сознательно. Невозможно согласиться и с А.Михайловым, который объясняет это явление «неразвитостью реализма». Тэки Одулок и С.Курилов сознательно идут по этому пути. Когда они описывают быт народов Севера, проявляется глубокий историзм.

Таковы черты преемственности в творчестве юкагирских писателей.

В 1979 г. вышла книга «Чаундаур», куда вошли новеллы и рассказы С.Курилова.

Новеллы остро публицистичны. В них писатель говорит о своей любви к родине, о смысле жизни, о тех кто идет своим достойным путем, осуждает тех, кто, оторвавшись от родного дома, «заблудились». Словом, эти новеллы о любви, о счастье, о детях, о жизни.

Рассказ «Островок на стрежне» полон философского раздумья о жизни. Взрывают островок на реке, который дети очень любили и где проводили все свое время. Вместе с исчезновением островка кончается детство. Но оно всегда живет в их душе. «Если б его взорвали, не видеть бы мне других островов»,— эти слова говорят о том, что жизнь развивается, хотя и с болью расстаешься с прошлым. Они поистине были детьми природы: «Земля гудела и вздрагивала, и я всерьез думал, что ей очень больно, что она стонет, ведь ее на куски разрывали»...— «Засохли лиственницы — дядя и тетя,— вздохнула мать.— Они к сырости привыкли,— сказал я,— а высоко стоять не могли... А может, не в этом дело. Не были они людьми. Деревья — не люди».

С.Курило часто обращается к сказкам и легендам — «Легенда о Ярхадане», «Исцеление Лимхи», «Чаундаур». Писатель в них черпает духовную красоту, мудрость народа и его истории.

Повесть «Увидимся в тундре» (1975) словно вырастает из

первого рассказа писателя «Увидимся в тундре» (1958—1965). Здесь одно название, одни и те же герои.

А повесть намного сложнее, автор поднимает серьезные проблемы современности. Это вполне понятно и объяснимо. Ведь между этими произведениями лежит работа писателя над историческими романами. «Это повесть о молодежи. Прежде я мало касался современности. Мои рассказы и новеллы, посвященные этой теме, стали как бы подготовительным этапом при создании повести «Увидимся в тундре»[56]. Ощущается в повести влияние его работы над рассказами и историческими романами. Особенно это заметно в обрисовке характеров.

Татьяна и Эдуард, русская и юкагир,— оленеводы, кочующие по тундре. Татьяна — умная, смелая женщина. Писатель наделяет ее и обезоруживающей красотой. Однако отношения их очень сложные, и как мужа с женой, и как оленевода и бригадира. Татьяну считают героем, и это действительно так, она единственная русская женщина — оленевод. Но Эдуарду не нравится, когда ее возносят: к ней приезжают журналисты, она депутат Верховного Совета республики. И Татьяна женским чутьем понимает состояние мужа и как любящая женщина относится к нему терпеливо, она бережет его мужское достоинство.

Однако их внутренний конфликт этим не исчерпывается, у них есть разногласия и по проблемам жизни современной тундры.

Эдуард решительно против того, чтоб совсем изменить быт и условия северной жизни: «Тундра мне ближе, чем всем приезжим людям», «Тундра не рай! Но она не может быть раем. И делать из нее рай не нужно... Жить под стеклянным колпаком, ходить по коридорам. Или вечную мерзлоту растопить? Ну, это моя тундра, так жить я не буду». Татьяна представляет лучшие черты русских людей: она отважно и смело шагнула в трудное, неизведанное дело, мужественно переносит трудности. Она и родила на нартах, но с таким положением вещей не согласна, Татьяна, действительно, хочет сделать тундру раем. Брачный союз между представителями разных национальностей — на сегодня явление обычное. Однако писатель справедливо показывает трудности, возникающие в их взаимоотношениях. С этой стороны повесть перекликается с рассказом Ю.Рытхэу «Вэкэт и Агнес», где изображаются сложные отношения между чукотским парнем и эстонской девушкой.

С.Курилова волнуют многие проблемы тундры: постепенное исчезновение «зова предков» у молодежи, поиск ими легкой жизни, стремление руководителей сгладить шероховатости и представить тундру беспроблемной, «красивой».

Успех работы писателя над характерами в исторических романах отпечатался в повести. Хотя некоторые из героев и являются слишком «рупорными», т.е. впрямую носящими взгляды и идеи автора, образы главных героев, Эдуарда и Татьяны, выписаны удачно. Писатель изображает национальное своеобразие характеров, их различия во взглядах. У Эдуарда, как представителя малочисленного народа, сильно развито чувство живого соприкосновения истории и современности: «У нас прошлое близко». И в современных героях С.Курилов видит черты «спрессованности» истории. Мастерство писателя в том, что он заставляет трудиться читателя, читатель сам познает характеры в сложных подтекстах, диалогах, в недовысказанности, в безмолвном разговоре персонажей.

Много писал и молодой юкагирский писатель Г.Дьячков (1945—1984). Особую известность получило его драматическое произведение «Розовая чайка», где говорится о том, что древний юкагирский язык красив, единственный в своем роде, что его надо беречь как редкую розовую чайку. Как и у всех юкагирских писателей, у него через все произведения проходит боль за прошлое и будущее своего народа. Г.Дьячков освещает современную жизнь Севера и его проблемы.

Его повесть «Казбек» (1980) представляет собой рассказ не только о собаке, которая разделяет все беды и радости северного человека, но и рассказ о себе, о жизни.

В рассказе «Калмык» (1981) Г.Дьячков описывает потребительское отношение к природе. Браконьер Калмык получил пощечину от друга детства, но он не злится, не обижается, наоборот, он рад, даже песню поет, потому что ему не дали опуститься окончательно: до этого его душа раздваивалась между браконьерством и зовом предков. Он удовлетворен, что возмездие, которого он ждал, наступило.

Раньше северный человек брал от природы только то, что ему было необходимо для существования и твердо верил, что дух, хозяин земли может покарать обнаглевшего охотника. Безнаказанность, безответственность породили такое явление, когда сами северяне преступили правило предков и чуть ли не уверовали в то, что браконьерство — житейское дело. Но писатель предупреждает о том, что «настало время человеку изменить свое потребительское отношение к природе, ибо защищая природу, человек защищает себя».

В рассказе «Ысыах» (1983) лирический герой, приехав из столицы, видит жизнь односельчан другими глазами. Ысыах, о котором у него с детства осталось сказочное представление, оказалось, теперь представляет собой шумиху, пьянство. Автор поднимает проблему отхода от национальных традиций, резко

критикует эти явления, порожденные застойным периодом в жизни общества.

Все это показывает, что автор смело проникает в проблемы сегодняшнего дня Севера.

Эвенский писатель Платон Афанасьевич Степанов — Ламутский (1920—1986) известен как поэт. «Давно завоевал признание эвенских читателей, особенно детей, Платон Ламутский, в частности, и тем, что творчески обращался к кладам эвенского фольклора»[57].

Писатель много сил отдал художественному отображению жизни своего народа поэтическими средствами. Его роман «Дух земли» (1987) явился своеобразной итоговой работой о судьбе эвенов. Исследователи уже давно говорили об издержках развития эвенской прозы[58] и поэтому появление первого эвенского романа явилось большим событием. П.Ламутский обращается к традиционной исторической теме — предреволюционной жизни эвенов. В основу незатейливого сюжета положены действительные события — уникальная находка, сохранившийся труп мамонта, чучело которого стоит сейчас в Ленинграде. Сюжет романа напоминает сюжет повести Н.Якутского «Золотой ручей», герой которой эвенк находит золото, хранит его тайну, через него терпит разные лишения.

В романе П.Ламутского широко показана жизнь эвенов, все их сложные отношения, обычаи, обряды и быт. Писатель изображает жизнь семьи Маркани. Подробно рассказывает об этих трудолюбивых, честных, наивных людях, которые терпят разные лишения и бедствия. Автор ярко рисует враждебные отношения богачей и бедняков. Он показывает, что народ живет в трудных условиях, он угнетен еще и страхом суеверия. Этим пользуются богачи. Они сознательно натравляют сородичей против Маркани, объясняя, что все их беды произошли от того, что он показал мамонта русским. Однако бедный люд держится вместе. Их надеждой на будущее становится ссыльный Мицкевич, который исцеляет от болезней.

Однако кажется, что автор увлекается описанием быта, обычаев, обрядов в ущерб социально-психологическому анализу характеров.

Интенсивно работает в эвенской литературе писатель А.Кривошапкин: им созданы рассказы для детей, повести о современной жизни эвенов, а также роман на историческую тему из жизни эвенов.

Рассказы для детей «Про Апоку и его друзей» — о буднях северной жизни глазами ребенка. Как и Н.Тарабукин, писатель изображает ребенка и его мир. Природа, труд, охота — вот среда, где формируется характер Апоки.

Повести А.Кривошапкина «Белая дорога», «Уямканы идут на Север» посвящены современной теме и показывают жизнь сегодняшнего Севера.

В повести «Уямканы идут на Север» писатель выступает в защиту красоты северной природы и ее богатств. Молодой специалист Аркадий Кириллов смело ведет борьбу против распустившихся, распоясавшихся руководителей — браконьеров. Он свое дело доводит до победного конца. Изображение борьбы двух противоборствующих сил прерывается рассказами о жизни снежных баранов. Их вожак — умный, смелый Однорогий тоже ведет борьбу за выживание, за сохранение стада. Однорогий словно сближается с образом Матери-Оленихи Ч.Айтматова.

Писатель глубоко раскрыл характер современников в повести «Белая дорога». Здесь тоже непримиримый конфликт между молодым специалистом и руководителями, привыкшими думать больше о себе, своей славе, чем об общем деле. Молодой оленевод Степан, кажется, без видимой причины уходит из бригады. На его место приходит Гена. Если Степан спасовал перед трудностями, оказался слабосильным и не ввязался в борьбу, то Гена вступает в борьбу с бригадиром Кадаром, с его методом работы. Он борется без показухи за сохранение племенных оленей, гордости эвенов, которых сохранили их отцы и деды, за лучшее отношение к человеку труда, к его заботам. Хотя Гену поддерживает управляющий Адитов, видно, силы еще не равны. Кто молчит, зная обо всем, хочет отсидеться, а другой и вовсе равнодушен. Кадар и Урукчэнов не сдаются, они еще грозятся вообще уничтожить Гену. Гена в пути встречает волков, но он не пасует. Волевой и решительный, как и в своей борьбе «человек шагнул навстречу волкам».

Такой финал повести показывает обреченность борьбы человека за правое дело в застойные времена, когда отрицательные явления становятся непробиваемой стеной на пути к справедливости.

Повести А.Кривошапкина ценны тем, что в них обстоятельно показана жизнь Севера, ее проблемы. Писатель ищет положительного героя в молодых современниках, возлагая на них ответственность и надежду за будущее родного края.

Роман А.Кривошапкина «Берег судьбы» посвящен истории эвенского народа. Роман по построению сюжета и раскрытию характеров близок к историко-революционным романам якутской литературы. Показывается жизнь эвенов-бедняков и богатых, их отношения. В их судьбу врываются революция и гражданская война, и они окончательно размежевываются: богатые примыкают к белому движению. А.Кривошапкин показывает

рождение нового человека, «красного звена»— это зверски убитый Чоймо и пробуждающийся к новой жизни Нэгэ. Писатель и здесь верен себе: он с упоением изображает, воспевает труд северного человека, охоту.

В суровых условиях сохраняется и продолжается род Нэгэ. Его отец позаботился о будущем своей семьи. Однако семья Нэгэ борется не только с природными трудностями, но и с кознями и жестокостями богачей. Жизнь его всегда держится на волоске, он вынужден кочевать.

Богачи Нэдэми, Корпикай связываются с сомнительными бандами Тутууйа, Канина. Их план проваливается, дни их сочтены. Эвены, которых завлекли обманом, очень быстро убеждаются в том, что конец белого движения близок и уходят из отряда. Уходят такие главари, как Байдычан и Уйбандьа, даже они не согласны удрать за границу, покинуть родной край. Этим писатель, видимо, хотел показать, что у эвенов, только что вступающих на путь классового общества, сильнее чувство принадлежности к родной земле, роду, родине.

П.Ламутский и А.Кривошапкин начали в романах художественное исследование социально-исторического развития своего народа.

В 80-е годы в юкагирскую литературу вступил третий брат Куриловых — Николай Курилов. Его произведения в основном посвящены детям. Здесь Н.Курилов широко использует фольклор, его рассказы — это как бы современные сказки.

В сказке «Почему заяц пугливым стал» автор смеется над легко узнаваемыми слабостями человеческого характера: завистью, трусостью. В рассказах «Гнезда», «Оленья тропа» Н.Курилов утверждает мысль о том, что надо бережно относиться ко всему живому: к птицам и зверям — сохранять и беречь их, вечных спутников человека.

Эвенкийский поэт Н.Калитин также пишет рассказы, посвященные проблемам современности. Как и всех северных писателей, Н.Калитина волнует отношение современного человека к природе.

Старый охотник Ефим Камыргин, герой рассказа «Осургинат», счастлив, что его внук Гриша стал «сушителем его копыт», признанным охотником. Старик Ефим согласен, что сейчас новые времена, и вряд ли Гриша станет просить священное дерево об удаче, кормить огонь и т.д. Но он никак не ожидал, что внук поднимет руку на священное дерево эвенков — Осургинат. По мысли Ефима на земле все взаимообусловлено, взаимосвязано: срубишь дерево изобилия — уйдут из леса белки. Есть неписаные законы тайги. Писателя беспокоит, что молодые бездумно относятся к народной мудрости, к народным обычаям,

к природе: «...подпиленная лиственница протянет теперь недолго, скоро с тяжким грохотом обрушится она со своего утеса в волны Лютенги и вместе с ней уйдет из окрестной тайги что-то большое, значительное».

Повести 30-х годов Тэки Одулока, Николая Тарабукина знаменуют собой этап становления северной прозы Якутии. Они заложили во многом те начала, традиции, которые продолжили современные писатели Севера.

В 60—80-е годы мы наблюдаем дальнейшее развитие эвенской и юкагирской прозы. С.Курилов, П.Ламутский, А.Кривошапкин продолжают исследовать историческое прошлое своих народов. Обращаются они и к теме современности, вскрывая острые проблемы сегодняшнего Севера.

Общей чертой этих литератур является художественный интерес к социально-историческому развитию народа. В современной прозе главенствующую роль играют произведения, посвященные вопросам экологии на Севере. Писатели показывают северного человека, развитие его сознания. Это, действительно, дитя природы, скромный труженик, простой, иногда наивный, но имеющий свою философию, свое отношение к жизни человек. Современные произведения тяготеют к философичности: это раздумье о жизни, о продолжении традиций народа.

Каждая из этих литератур имеет ряд особенностей.

Эвенская литература началась и развивалась в основном в жанре поэзии. Проза развивается в 70—80-х годах в творчестве П.Ламутского и А.Кривошапкина, которые во многом продолжают традиции Н.Тарабукина. Особенность эвенской литературы в том, что в ней сильно развита детская литература и что здесь на первый план выдвинулась тема единения человека и природы, изображение труда охотника.

«На творческой судьбе эвенских, эвенкийских и юкагирских писателей, живущих в Якутской АССР, сказывается воздействие якутского языка и литературы»[59]. Влияние якутской литературы особенно заметно в эвенской литературе.

Юкагирская литература началась прозаическим произведением и на современном этапе проза представлена в ней более мощно, она связана с именами С.Курилова, Г.Дьячкова, Н.Курилова. И в теме современности, и в исторической рельефно выступает основное чувство юкагирских писателей — их боль за судьбу своего народа.

Успехи юкагирской литературы связаны с тем, что она рассматривает глобальную историческую тематику. Глубоко прочувствованный, осознанный историзм — отличительная черта произведений юкагирской литературы.

Особенностью историзма Тэки Одулока и С.Курилова явля-

ется то, что они историю изображают в характерах, акцентируя внимание на их исследовании. В их творчестве сильно развит социально-психологический анализ характеров.

Оба писателя разными средствами показывают мифологическое сознание народа. У Тэки Одулока оно изображается через обычаи, поступки персонажей. С.Курилов широко опирается в романах на устное народное творчество, показывая в сознании народа переплетение мифа и действительности.

На сегодня силы таковы: интенсивно работает в эвенской прозе А.Кривошапкин; юкагирская проза продолжает развиваться в творчестве Н.Курилова; в эвенкийской прозе пишет рассказы Н.Калитин, начинает писать Г.Варламова-Кэптукэ.

Тема современности все более и более волнует писателей-северян. Трудноразрешимые проблемы Севера станут предметом тщательного художественного исследования молодых литератур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1] *Многонациональная* советская литература.— М., 1986.— С. 13.

[2] *Иванов А.* Сын юкагирского народа // Советская Колыма.— 1973.— 18 декабря.

[3] *Тэки Одулок.* Жизнь Имтеургина старшего.— Якутск, 1987.— С. 21.

[4] *Курилов Г.* Основоположник юкагирской литературы // Полярная звезда.— 1976.— № 4.— С. 116.

[5] *Чуковская Л.* Об одной забытой книге // Сибирские огни.— 1959.—№ 1.— С. 178.

[6] *История* советской многонациональной литературы.— М., 1971.— Т. 2.— Кн. 2.— С. 447.

[7] *Сергеев М.* Творчество Н.С.Тарабукина // Сибирские огни.— 1964.— № 2.— С. 181.

[8] *Михайлов А.* Ускорение.— Якутск, 1983.— С. 16.

[9] *Тан-Богораз.* Воскресшее племя.— М., 1935.— С. 109.

[10] *Гурвич И.С.* Юкагиры // Этническая история народов Севера.— М., 1982.— С. 168.

[11] *Тан-Богораз.* Указ. соч.— С. 3.

[12] *Гурвич И.С.* Указ. соч.— С. 176.

[13] *Юкагиры.* Историко-этнографический очерк.— Новосибирск, 1975.— С. 531.

[14] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.— Т. 43.— С. 288.

[15] *Ленин В.И.* О литературе и искусстве.— М., 1979.— С. 660.

[16] *История* Сибири.— Л., 1968.— Т. 4.— С. 288.

[17] *Горький М.* Заключительная речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей // Горький о литературе.— М., 1953.— С. 728.

[18] *Романенко Д.* Рождение романа.— М., 1970.— С. 47.

[19] *Пархоменко М.Н.* Рождение нового эпоса.— М., 1979.— С. 214.

[20] *Найдаков В.Ц.* Типологическая характеристика младописьменных литератур // Закономерности развития новописьменных литератур и проблемы социалистического реализма.— Фрунзе, 1985.— С. 50.

[21] *Бикмухаметов Р.* Десять лет спустя // Вопросы литературы.— 1975.— № 11.— С. 55.

[22] *Николаев К.* Голоса Новой Чукотки.— Магадан, 1980.— С. 129.

[23] *Якименко Л.* На дорогах века.— М., 1978.— С. 156.

[24] *Комановский Б.Л.* Самые молодые литературы.— М., 1973.— С. 128.

[25] *Бикмухаметов Р.* Десять лет спустя // Вопросы литературы.— 1975.— № 11.— С. 53.

[26] *Пархоменко М.Н.* Указ. соч.— С. 123.

[27] *Пахомова М.Ф.* Эпос молодых литератур.— Л., 1977.— С. 18.

[28] *Николаев К.* Севером овеянные строки.— Магадан, 1977.— С. 123.

[29] *Хитарова С.М., Тимофеев А.Г.* От фольклора к роману.— М., 1980.— С. 45.

[30] *Очерки* истории Чукотки с древнейших времен до наших дней.— Новосибирск, 1974.— С. 9.

[31] *Сергеев М.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера.— М.; Л., 1955.— С. 4.

[32] *Увачан В.Н.* Годы, равные векам.— М., 1984.— С. 31.

[33] *Туголуков В.А.* Кто вы, юкагиры?— М., 1979.— С. 131.

[34] *Воскобойников М.* Колыбель новописьменных литератур // Полярная звезда.— 1976.— № 4.— С. 104.

[35] *Курилов С.* Увидимся в тундре // Полярная звезда.— 1976.— № 4.— С. 16.

[36] *Цейтлин Е.* Якутские эскизы // Дружба народов.— 1986.— № 7.— С. 250.

[37] *Смольников И.* Современные легенды.— М., 1975.— С. 104.

[38] *Дорофеев В.* Талантливо, содержательно // Дружба народов.— 1970, № 2.— С. 273.

[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч.— Т. 21.— С. 313.

[40] *Николаев К.* Голоса Новой Чукотки.— Магадан, 1980.— С. 157.

[41] БСЭ. Христианство.

[42] *Богораз В.Г.* Чукчи.— Л., 1934.— Ч. 1.— С. 71.

[43] *Пахоменко М.Н.* Указ. соч.— С. 232.

[44] *Увачан В.Н.* Переход к социализму малых народов СССР.— М., 1958.— С. 25.

[45] *Вдовин И.С.* Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири.— Л., 1979.— С. 114.

[46] *Михайлова М.* Новые люди С.Курилова // Кыым.— 1977.— 23 октября.

[47] *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа.— М., 1986.— С. 214.

[48] *Курилов С.* Увидимся в тундре // Полярная звезда.— 1976.— № 4.— С. 15.

[49] *Там же.*—С. 61.

[50] *Курилов С.* Чаундаур.— Якутск, 1979.— С. 18.

[51] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 184.

[52] *Бикмухаметов Р.* Десять лет спустя // Вопросы литературы.— 1975.— № 11.— С. 62.

[53] Н.*Спиридонов.* Т.Одулок // Календарь знаменательных и памятных дат ЯАССР.— Якутск, 1966.— С. 9.

[54] *Комановский Б.* Пути развития литератур народов Крайнего Севера и Дальнего Востока.— 1977.— С. 58.

[55] *Михайлов А.* Талант, отданный народу // Социалистическая Якутия.— 1986.— 22 мая.

[56] *Курилов С.* Увидимся в тундре // Молодежь Якутии.— 1975.— 18 марта.

[57] *Комановский Б.* Самые молодые литературы.— М., 1973.— С. 113.

[58] *Комановский Б.* Пути развития... С. 60.

[59] *Там же.*— С. 30.

Н.З.Копырин

СВОЕОБРАЗИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПОЭЗИИ СЕВЕРА ЯКУТИИ

Изучение изобразительных средств поэзии писателей Севера необходимо для сравнительного изучения, для уяснения взаимосвязей новописьменной литературы с литературой других регионов и этносов, а также для познания эстетических взглядов, психологии, миропонимания самих народностей Севера.

В данной статье на основе русских и якутских переводов попытаемся обозреть в творчестве эвенских, эвенкийских, юкагирских поэтов Якутии некоторые образно-изобразительные средства, проследить то, какие объекты природы, быта, окружающей среды, как часто и в каких аспектах используются для поэтической образности.

Начнем с небесных тел.

Солнце очень часто употребляется в поэзии северян в качестве объекта образности. Солнце, согласно народному представлению, адекватно богу. Например, в «Старинной песне пастуха» зачинателя эвенской литературы Н.Тарабукина герой произведения умоляет солнце ответить ему, почему так тяжела жизнь бедняка на земле.

Солнце в поэзии северян часто ассоциируется с общественными явлениями, с Октябрем, с Советской властью, с социальным возрождением жителей Севера. По словам Н.Тарабукина, обреченный на вымирание народ до революции не видал вообще «солнечного света», он ощутил всю «солнечную» благодать только при Советской власти. Если у Н.Тарабукина идеи («законы») Ленина равносильны солнечному свету (Т — Дь, 125, 96, 94, 117)[1], то у другого эвенского поэта П.Ламутского сам облик «великого Ленина, как солнце, озарил родимую землю» (Л — ПОК, 14). В стихотворении юкагира Улуро Адо революционный красный флаг, впервые появившийся у его сородичей — это «новое солнце Севера», распространившее кругом мощный свет (У — Х, 106).

Н.Тарабукин в одном из своих стихотворений сравнивает Пушкина с пламенеющим солнцем, а себя, обретшего свободу творить при Советской власти,— с «сыном солнца» (Т — Дь, 99, 97, 98).

У северных поэтов любимая женщина похожа на «солнце незаходящее», она, «как солнце, прекрасная», ее «щеки горят,

[1] В скобках буквы обозначают условные сокращения использованной литературы, а цифры — номера страниц.

напоминая сто зорь весенних» (ВЛ — ПОК, 55), от ее «солнечного взгляда тают...» (Л — КБ, 25).

В стихах эвенкийского поэта Н.Калитина солнце «похоже на круглое лицо охотника» (К — С, 114), у юкагира Н.Курилова солнце — «небесный пастух».

Лишь солнышко утром проснется,
Вмиг посохом неба коснется.
Стада облаков подгоняя,
Работу свою начинает.
Работай, светило, работай,
Пастух круглолицый, умелый...

(НК — С, 80).

Весна, лето у северян обычно ассоциируются со свободой, счастьем, привольем, они одушевляются, персонифицируются, изображаются яркими красками. Весной деревья, вспотев от солнечного тепла, сбрасывают свои белые дохи, одеваются в легкие нарядные платья; березы, стоящие вдоль речушек, весело шепчутся, они разукрашены словно оленьей бахромчатой сбруей; толстые льды в реках, громоздясь друг на друга, спешно плывут в океан, как будто кочующие в нартах племена... (Т — Дь, 142, 143).

Как объекты образности в различных значениях используются **зима, холод, снег, лёд.** Зимой деревья одеваются в белые дохи; ерники, все мелкие кустарники дремлют, укрывшись под старым заячьим одеялом (Т — Дь, 138); волосы у почтенных стариков покрываются белым снегом (У — Х, 38); шерсть диких оленей блестит, как иней (О — Б, 43); небо прозрачно, как лед (Л — КБ, 28). Снег — символ чистоты, красоты, свежести:

Ты (любимая) нежна
Будто первый
Нетронутый снег

(АК — Т, 109).

Заискрились звуки (песни),
Как таежный снег...
Чтобы пелась песня многократно,
Стань души частицею, строка,
Словно снег, свежа и неоглядна,..

(К — СТ, 10, 21).

Таяние снега — образ покорности, слабости, исчезновения из памяти. От солнечного взгляда любимой все тает, как снег. (Л — КБ, 25).

Как снег растаяли
в мирозданье
древних идолов времена.

(К — СТ, 14)

Сугроб, залежавшийся на ветках снег — тяжелые, грустные думы:

Ох, мысли об этом — как снег, пригибающий ветки,
Тайга этой думою, словно сугробом, покрыта.

(К — СТ, 11)

В стихотворении «Тэки Одулок», повествующем о зачинателе юкагирской литературы, Улуро Адо создал интересный образ; зимы сами согревались теплом задушевных строк человека — Одулока, слишком рано, трагически ушедшего из жизни.

Отут биир эрэ сыл кыhына,
Одулок, эйиэхэ иттибит.
(Лишь тридцать одна зима
Согревалась у вас, Одулок)

(У — Х, 12)

У Н.Тарабукина есть образы, созданные, по-видимому, под влиянием якутской культуры. Например, он сравнивает холод с быком или употребляет образное выражение «рога стужи»; эти выражения своими корнями уходят в древнюю якутскую мифологию. Эти образы не могут быть исконными для эвенов, которые издревле занимались не скотоводством, а оленеводством.

Тымныы обус буолан орулуур
(Холод бесится, орет, как бык)
Дьыбар муоhун тоhутан...
(Ломая рог стужи...)

(Т — Дь, 122, 124)

Современные северяне под влиянием развития производительных сил общества при Советской власти значительно легче стали переносить суровые климатические условия родного края, потому относятся к зиме, холоду не только отрицательно, но порою положительно. Вот поэтому П.Ламутский пишет, что холод не плох сам по себе, в холоде думы крепчают, холод никого не задерживает, не душит... (Л — КБ, 27).

В исследованных мною произведениях северных поэтов **свет** и **тьма, день** и **ночь** также используются в образотворчестве.

Из природных, космических объектов, кроме солнца, употребляются в образотворчестве **небо, луна, звезды, облака, ветер (пурга), радуга, северное сияние.** Пушкинская песня светла, как лунное сияние, освещающее темную ночь; лист бумаги чист, как лунный свет; песня светла, как небо (Т — Дь, 99, 102); мое детство прозрачно, как небо (НК — Т, 28). Думы горят, как звезды:

И пусть мои раздумья над горами
Горят чолбоном — утренней звездой.

(А — ТР, 44).

Любимая — звезда: «Ты мне ярче звезд сияния» (ВЛ — ПОК, 55). «А глаза — словно звезды из мглы» (ВЛ — Р, 62). Рой звезд в небе — стада оленей (Л — КБ, 17). Иногда звезды оче-

ловечиваются: иззябшие звезды толпятся у костра, чтобы погреться (У — Х, 78). Стадо оленей, как облако (ВК — Х, 8), тяжелые думы — облака (НК, Т, 31). Горные гряды — облака:

Пленяет взор
Издалека
Цепочка гор,
Как облака.

(ВЛ — О, 40).

Олени в тундре бегут вольным ветром; ладони матери теплы, как весенний ветер (НК — Т, 28). В стихотворениях северян ветер (пурга) часто приобретает признаки существа одушевленного: угомонившаяся буря забавляется косами девушек (Т — Дь, 111); буря, словно любимая, старательно гладит щеки (мои), холодный ветер греется у костра путника и, согревшись, бежит вдогонку оленьей упряжке (НК — Т, 4, 13); охотник встречается с такими бурями, которые скручивают в калачи рога горного барана (К — Э, 26).

Эвены в своих нарядных костюмах, затеявшие национальный хоровод «сэдьэ», напоминают полыхание огней северного сияния (ВК — Х, 7). А их искусное владение арканом сравнивается с радугой:

Блеснет аркан,
Радугой взметнется
И рога ветвистые захлестнет.

(ВЛ — ПОК, 95)

Из водных стихий часто встречаются образы, связанные с **рекой, речушкой,** ее **течением.** Жизнь человеческого общества — мощная река (У — Х, 78); нескончаемый поток людей рекой устремляется к Ленину (НК — Т, 11); рокот хомуса, как бурный ручей, втянул в себя (Л — КБ, 31). У эвенского поэта Баргачана читаем:

Мой голос

. . . .

Рванись ручейком,
Позабыв про покой,
Пой людям,
Разлившись могучей рекой.

(Б — МГ, 82)

У В.Лебедева глаза — озеро, улыбка любимой — дыхание озера:

Глаза мои стали
Озерно-круглы...

(ВЛ — О, 44)

Большого озера спокойное дыханье
Напоминает любимой улыбку.

(ВЛ — ПОК, 99)

У Улуро Адо письмо друга светло, как вода весеннего озера (У — Х, 64). Редко встречаются образы, связанные с **морем, волнами, росой.** Зеленым морем волнуется поле (А.Л. — ПОК, 99); синие волны дыбятся, пенятся, как экстаз волшебного шамана (У — Х, 81); роса напоминает слезы преждевременно ушедших сородичей (НК — Т, 26).

С огнем очага, пламенем таежного костра, искрами огня сравниваются луна, звезды, слова и мысли, рождающиеся в душе человека.

Как таежный костер, золотая луна.
(К — СТ, 8).

А звезды на небе —
Как искры костра.
(ВЛ — О,17).

Слова таятся в глубине души,
Как очажка бледнеющее пламя.
(НК — С, 66).

Гора, камень — символы прочности, крепости дружбы, долголетия.

О хоть бы, как эти горы,
Нам быть всегда вместе.
(ИК — ПОК, 215)

Кусками камня станут ваши мышцы.
(А — ТР, 11).

Мечтаю жить долго, как камни.
(А — ТР, 46).

Поэты Севера по-разному выражают любовь к своему родному простору, к тундре, тайге, гордятся, что они дети сурового, но сердцу милого края, заявляют, что их счастье только здесь.

Мой край не любит суеты:
Строга природа-мать.
Здесь холода. Но теплоты
Сердец — не занимать,—
(ВЛ — Р, 10).

говорит В.Лебедев

Поэт из далеких благоухающих южных краев всегда в родную тайгу, «будто к матери сын, возвращается» (ВЛ — О, 25). Юкагирский поэт Н.Курилов вторит ему, выражая свои мысли более категорично:

Если я тундру однажды покину,
Счастье уже не сыскать мне нигде!
(НК — С, 67)

Эвенкийский поэт Н.Калитин восклицает:

Я хочу прославить в своих песнях
Даль тайги, что сердцу дорога,
Высоту утесов, поднебесье,
Чистоту лесного родника.
(К — СТ, 21)

Тундра часто выступает в качестве объекта образа и сравнения. У Улуро Адо его старая мать во всем похожа на облик тундры-бабушки: ее морщинистые щеки — просторы Севера, кровеносные сосуды на руках натруженных — бесчисленные жилы ручьев, глаза — озера, волосы — распушившиеся тальники... (У — X, 6). У Андрея Кривошапкина любимая женщина (девушка) «словно тундра», она «сердцем открыта для всех» (АК — Т, 109). А молодой Баргачан, у которого все впереди, с полным оптимизмом заявляет: «Жизнь лежит передо мной, как безбрежная тундра» (Б — МГ, 88). Иногда учение, знание — тундра. Юкагирка, провожая друга, отправляющегося на учебу, говорит, чтобы он возвратился к ним, успешно преодолев бескрайнюю тундру, т.е. получив хорошее образование (У — X, 55). Белый лист бумаги, листы, страницы книги — тоже тундра (НК — Т, 5; У — X, 8).

Человек Севера (охотник, рыболов, оленевод), его **быт, занятие, уклад жизни** и т.д.— активные компоненты образотворчества. Заснеженные вершины гор похожи на седовласых стариков, собравшихся на долгий тихий разговор (Т — Дь, 138). Родная тайга для В.Кейметинова — одновременно мать и отец, она, как эвенка, сидит, скрестив ноги, и с ним горячий чай пьет (ВК — X, 4, 5). Для Баргачана — лес смеется, как девушка:

Люблю бродить я по опушке летом,
Особенно в рассветные часы,
Когда окрасит солнце первым светом
Бутоны лилий, полные росы.
Как девушка,
Которая смеется,
Лес в эту пору смотрит веселей.
Смеются листья, хвоя. Отдается
Веселье леса и в душе моей.

(Б — МГ, 92)

Для современных певцов Севера и поэтические строки принимают иногда образ человека — девушки.

Будь, строка, как девушка нежна.

(К — СТ, 18)

У Д.Апросимова стих его «товарищ добрый, неутомимый охотник» (А — ТР, 15).

Горные ущелья, пещеры похожи на двери эвенской урасы (ВЛ — Дт, 39); северное сияние — нарядный платок невесты (Л — һ, 12); облака — шкуры неба (СК — ПОК, 223); льды в реках, как нарты, бегут, теснятся (ВЛ —О, 41); детские годы помчались, как быстрые нарты (У — Нь, 56); эвены танцуют һэдьэ, прыгают легко, без устали, «будто на утреннем холоде скользят на быстрых лыжах» (ВК — ПОК, 47); в нарядных унтах

ходят, словно танцуют, нарты по снегу мчатся и танцуют, сердце в груди от радости тоже танцует (ВК — Х, 8, 12, 13); облака, словно старые, рваные одеяла (НК — Т, 7); леса, горы дремлют под снежным одеялом (Л — КБ, 23); весной горы скидывают свои теплые дохи (ВК — Х, 26, 4).

Береза на белое тело
Тут лисью доху надела
И золотисто светится,
Как на выданье девица!

(А — ТР, 76)

Тропинка протянулась словно тетива лука-самострела (Т — Дь, 122).

Звуки оленьих копыт напоминают удары колотушкой по бубну:

В просторах перевьюженных
Трещит мороз сердито...
Как в бубен колотушкой,
По насту бьют копыта!

(НК — С, 65)

Месяц, пойманный в сети облаков, старается вскарабкаться на гору (ВЛ — Дь, 47), морщины лица, словно сети (НК — Т, 22).

Оленеводы, как известно, искусные арканники[1]. Аркан часто фигурирует в различных образах. След на снежной тундре протягивается, как аркан (ВЛ — Д, 11); журавли летят, словно закинутый аркан (ВК — Х, 14); реки, стремящиеся к Ледовитому океану — тоже похожи на закиданный аркан (Т — Дь, 119). В.Лебедев использует аркан в изображении любовных отношений.

Полюбил я девушку

Подарю ей свой аркан:
Поймает ли она мое сердце?

(ВЛ — ПОК, 95)

Только станет ли девчонка
Заарканивать меня?

(ВЛ — Р, 57)

А долганка О.Аксенова любовь к родной тундре выражает следующим образом:

Дорожу я каждым звуком, что тундрой мне дан.
Я ловлю их, как ловит оленя аркан.

(О — Б, 36)

Поэт Н.Калитин пишет:

Лабазы моих земляков
Не бывают пусты —
Хранятся в них вечно
Запасы людской доброты.

(К — СТ, 6)

[1] Аркан — это особая длинная веревка, с руки закидываемая для ловли оленей.

Здесь слово лабаз (помост на ножках для хранения охотничьей добычи) преобретает новое значение и создается емкий, многозначительный образ, отражающий весь накопленный опыт народа. Но иногда поэт с грустью восклицает:

...Неужели разматывать тропы
В отцовской тайге будет не с кем?..
Лабазом затерянным станет охотничий опыт,
А мог бы и внукам, и правнукам он пригодиться!

(К — СТ, 11)

Писательский и вообще интеллектуальный труд изображается поэтом охотничьими реалиями.

Тайга моей удачи —
Рабочая тетрадь,
Берданка за спиною —
Перо мое стальное.
Выслеживая слово,
Почти что не дышу,
Покамест песней новой
Тайгу не оглашу.
Сколь предан я охоте —
Вы по стихам поймете.

(К — СТ, 20)

Из домашних животных в образотворчестве северян исключительно активно используется **олень.** Олень — самый дорогой друг, любимец, надежда, опора и спасение человека. Об этом свидетельствуют все поэты.

Нет, я не последний
Люблю своего оленя.
Олень со мною столетья
И тысячелетья.

. . . .

В жару и в буран
Ты — мой дом,
Ты — моя пища,
Ты — мой друг,
Ты — моя одежда,
Ты — моя надежда...

(ВЛ — О, 37)

— И оленя знаю
От рождения.
Он мой самый, самый первый друг,—
В нем одном
Надежда и спасение.

—

По упряжке оленей
Скучала душа.

—

Нельзя оленей
Не любить,
Они —
Моя судьба.

(АК — Т, 90, 91, 105)

Быстроногий олень мой! Единой судьбой
От рожденья до смерти я связан с тобой.
Сколько нам испытаний досталось!
. . . .
С тобой и берданкою мне не страшна...

(К — СТ, 8)

Приведем примеры, иллюстрирующие то, как участвует **олень**, в создании различных образов. Человек в хорошем настроении чувствует себя как белый олень—самец, нашедший ягельник (ВК — X, 12); юноша и девушка сравниваются с уямканом (горным бараном) (Л — КБ, 50, 48); человек одинокий, утративший связь со своими сородичами,— безродный олененок (Т — Дь, 94, 96, 106); на лице старухи много извилин и пятен, которые напоминают оленьи пастбища (У — X, 66).

...Шаман неутомимый
Пляшет под глухие вскрики,
Словно молодой и дикий
Необученный олень!

(ВЛ — О, 79)

Его бубен гудит, как копыта оленьего стада, а колотушка бубна прыгает, словно олененок от нашествия комаров (ВЛ — Дь, 63).

Стук сердца — бег оленя:
Стучит мое сердце
В ритме оленьего бега.

(ВЛ — О, 12)

Сердце —
Ты бег одиноких оленей

(ВЛ — Р, 26)

Ретивое сердце — дикий олень, усталое сердце — ручной олень.

Сердце приустало.
Лихой буюн[1]
Ороном[2] стал...

(В — МГ, 91)

Мысли, думы, песни, радость, счастье, грусть и многие другие отвлеченные понятия часто уподобляются оленю:

Так помыслов праведных много,
Что хочется в жизнь воплотить...
С ветвями оленьего рога
Число их я мог бы сравнить.

(НК — С, 56)

Думы (человека) разбредаются, словно напуганные волками олени; мысли страдают, как павшие олени (У — X, 57, 62); детские сны (мои) олененком скакали по луне (ВК — X, 4); радость (моя) скачет олененком (НК — Т, 4):

---

[1] Буюн — дикий олень
[2] Орон — домашний олень

Тайга желала нам большой удачи,
И счастья — солнца золотой олень...

(А — ТР, 6)

Родной язык (мой) — многостадные олени (мои) (НК — Т, 15); слова (их) замечательны, как жирные олени (У — Х, 63); дни, приносящие и радость, и горе, спешат вперемежку навстречу (мне), словно увлекшиеся грибами олени (У — Х, 49).

Письма — олени (Л — h, 15), буквы — олени, бегущие по тундре (НК — Т, 6), песни — олени (НК — Т, 34; У — Нь, 51). А крылатый олень — это то же самое, что Пегас, символ поэтического вдохновенья: полетят далеко на крылатом олене песни, рожденные родной тайгой (ВЛ — Дь, 17).

Дни, годы, временные и возрастные циклы — олени: осень прибыла во двор, словно проворный серый олень (ВК — Х, 15).

Провожаю молодость. Поспешно
Дни мои бегут за окоем
Иноходью малого олешка...
Провожаю молодость. И словно
Слышу, как годы стучат в тиши
Поступью оленя верхового...

(К — СТ, 21)

С золотыми оленями детство сравню.

(АК—Т, 86)

Лодка, самолет, вертолет, пароход — олени: ветка (его)[1], словно ходкий олень, дрожит и бьется (НК — Т, 21).

Снег вздымая,
Как будто олень беговой,
Отрывается вдруг он (самолет) от тундры седой.

—

Высоко ты взлетаешь,
Олень—самолет.

(НК — С, 60, 61)

Я олень, летящий по небу (на вертолете).
Мир распахнут во все стороны.
Но безмолвно
приземлюсь я
У родной отцовской дю[2].

(Б — МГ, 86)

Последние уходят корабли
Отфыркиваясь, будто бы олени...

(НК — С, 81)

Горы, реки, ручьи, водопады — олени, стадо оленей:

Хребты Верхоянские
В вечер осенний —
Как черно-белое
Стадо оленей...

---

[1] Ветка — одноместная лодка.
[2] Дю — собирательное слово, означающее дом, жилище.

Ручеек с большой горы
Олененком — прыг...

(ВЛ — О, 17, 43)

С гор молчаливых спросонок
Мчится ручей невесомый.
Как молодой олененок,
Резв, и беспечен, и звонок.

(ВЛ — Р, 15)

Горы, горы, горы:
В глубоких ущельях длинно
Рушатся водопады,
С ровным грохотом их
Может сравниться только
Грохот копыт оленьих,
Если дикое стадо
Горной промчится тропой.

(А — ТР, 14)

Весь белый свет, различные небесные и земные явления — олени. По древнему эвенскому преданию белый олень считается священным, приносящим счастье. У В.Лебедева есть фраза:

Оленем белым
Слыл белый свет

(ВЛ — Р, 54)

Небо прекрасно, словно разукрашенный олень (Л — КБ, 28); звезды падающие похожи на пугливых оленей, плеяды оленями пугливыми толпятся высоко (НК — Т, 17, 25); полярное сияние трепещет, переливается разноцветьем, как недавно объезженный олень-самец (У — Нь, 74).

И заря подняла лучи свои на землю,
как олень — золотые рога.

(К — С, 114)

Играет в воздухе марево, словно застаявшийся олень (К — Э, 51).

Туманы — стадо оленей:

Туманов плотные стада
Без пастухов привольно бродят.

(НК — С, 60)

И туманы — белые олени —
Тихо разбрелись по склонам гор.

(Б — МГ, 91)

Дым — молоко или тени оленей: похожий на оленье молоко, белый дымок не торопясь, поднимался вверх навстречу солнцу (У — Х, 27); дым от табака напоминает тени оленей (ВЛ — Дь, 22).

Другим домашним животным, участвующим в создании образов, является **собака.** Высушенный большой котел, поставленный вверх дном, похож на спящую собаку (У — Х, 94—95); холм,

поджатый, дрожит, как собака (У — Нь, 57). Туман охотничьей собакой шуршит в камышах озера (НК — Т, 20). И ветер воет и бежит, как собака:

Как потерянная лайка,
будет ветер подвывать.

(К — С, 128)

И будет лишь ветер, как пес без хозяина, бегать
И жалобно выть...

(К — СТ, 11)

Такая абстракция, как мысль человека, сравнивается с собакой:

И скачет мысль, шалея
От радости, как пес.

(К — СТ, 20)

Все звери, обитающие в горах, лесах, в просторах тундры, участвуют в создании поэтических образов. Ветер «рычит, как зверь» (ВЛ — О, 36); транзистор и телевизор «живет в палатке, как домашний зверь» (К — СТ, 7); человек ведет себя, как раненый медведь (У — Нь, 55); грозный царь, словно медведь в берлоге (Т — Дь, 101).

Не сержусь, зеленая тайга,
На медвежью ласковость твою.

(ВЛ — О, 29)

Жилось нелегко моим предкам...
Природа повадкой
Похожа на зверя:
Опасность таится везде.

(К — СТ, 5)

Солнце и человек — горные бараны: из-за каменистых круч выскочило солнце, как горный баран (ВК — Х, 12); старики сгрудились, как горные бараны (ВЛ — Дь, 22).

Человек — косуля: вдруг дед замер, словно косуля, почуявшая опасность.

Горы — лоси:

Точно лоси к водопою,
За горой идет гора.

(Н — ЗТ, 6)

Пушные звери и их мех используются в создании положительных образов:

Заискрились звуки (песни),

. . . .

Как пушного зверя
Драгоценный мех.

(К — СТ, 10)

Любимый друг, как песец (Т — Дь, 106); письмо друга — песец (Л — һ, 15); перестал прыгать, как песец (У — Нь, 72);

тайга богатая смотрит на меня соболиными глазами (ВК — Х, 6); вдохновения (мои), как соболи... (Л — КБ, 11).

Верхушки лиственниц схожи с беличьими хвостами:

Прибавилось нарядной красоты
У лиственниц, что солнцем обогреты.
Вершины — словно беличьи хвосты...

(К — СТ, 18)

Солнце белкой скачет по деревьям (ВК — Х, 12); крик (человека), как белка, скачет по деревьям (Л — һ, 31). Песня и мысли человека тоже белки (НК — Т, 9; Л — КБ, 11). А тропинка — горностай:

Эй, тропинка,—
Ты скользишь по таежной чаще,
Точно юркий горностай·

(Н — ЗТ, 8)

В создании образов и сравнений поэты Севера активно используют птиц. Гребля веслами, как взмахи крыльев (НК — Т, 22). Хороводный танец, мысли, думы — полет птицы, стая птиц:

Как молодые, легко
Танцуют старики,
Будто в синем небе
Машут птицы плавно.

(ВК — ПОК, 47)

Твои думы, сынок,
Словно птичья стая...

(НК — С, 46)

И мечутся мысли мои — беспокойные птицы.

(К — СТ, 11)

Самолет — железная птица:

Железная птица
Высоко полетела.

(Н — ПОК, 196)

Удалой оленевод, словно орленок (Л — КБ, 30); аркан метнется, как птица-кобчик (НК — Т, 7).

Стерх — для северян благородная птица и используется только в положительных образах. Солнце поднимается, как стерх (У — Нь, 49); светлые лучи северного сияния — стаи стерхов (У — Нь, 50); девушки поют и танцуют, как стерхи (Л — КБ, 48; У — Нь, 63); олени — стерхи (Л — КБ, 22); белые каменные здания — стерхи (У — Х, 23).

После стерхов по употребляемости в образах и сравнениях идут **лебеди, гуси, журавли.** Молодежь, собравшаяся на праздник,— лебеди (У — Х, 76); песни — стая лебедей (У — Нь, 62); буквы, бисеры — лебеди (Л — КБ, 29; У — Х, 75).

Юрты, лодки — лебеди:

Близятся зимние холода,
Которым никто не рад,
И юрты стойбища кто куда
Как лебеди, улетят.

(ВЛ — О, 85)

И лодки из белой бересты здесь плыли,
Как лебеди, в дальней дали пропадая.

(А — ТР, 45)

Дети — гусята, годы — стая гусей:

Как гуси в тундре вывели гусят
И превратились те гусята в гордых
И сильных птиц, так я своих ребят
В большую жизнь сегодня выпускаю.
. . . .
Гусиной стаей пролетели года.

(А — ТР, 8)

Песни — журавли (А — ТР, 20), жена — журавль:

Мы дальше шли с моей женой,
Плывущей белым журавлем.

(А — ТР, 20)

Ракета — чайка, думы — гагары:

Мы говорим о ней (ракете): она — розовая чайка,
Наша любимая птица!

(СК — ПОК, 223)

И пусть мои раздумья...
Под облаком — рассветной полосой,
Гагарой пролетают над водой.

(А — ТР, 44)

Ночная темнота наступает черным вороном (У — Нь, 49); мальчик вырос, стал глухарем (Л — КБ, 50); сердце трепещет куропаткой (У — Нь, 47).

Юрты — куропатки, белые клавиши — куропатки:

Под горой серой
В тихом распадке
Юрты присели,
Как куропатки.

(ВЛ — О, 78)

То не куропатки
Снежные снуют,
На рояле белые
Клавиши клюют.

(К — СТ, 10)

Человек, сердце человека — пуночка (Л — Һ, 13; НК — Т, 32); думы человека — птички (У — Нь, 50); поэт — певчая птичка (Т — Дь, 97). Олененок — птичка:

Быстроногий олененок,
Ты порхай, как птичка.

(ВК — ПОК, 63)

Песня человека — кукованье кукушки:

И как кукушки куковали
Звонкие голоса запевали һэдье.
(ВЛ — ПОК, 170)

Я, кукушка, накукую
Нынче песню вам такую.
(ВЛ — Р, 55)

Рыбы — тоже участвуют в образотворчестве, но не столь часто:

Как серебристая рыбка,
Солнце всплыло в небо.
(Л — ПОК, 147)

Облака тень, что, как рыба, бела,
Плавно уходит в глубокую воду.
(НК — С, 70)

Песни — рыбешки (У — Х, 78), зародыши рыб (НК — Т, 33). Горе, гнев застревает в горле рыбьей (щучьей) костью (НК — Т, 35). Воинствующие империалисты — хищные рыбы (У — Нь, 81).

Из **насекомых** используются в стихах комары, пауки, бабочки, оводы, змеи. Дети в школе, словно комары (Т — Дь, 163).

Но однажды враги,
Словно рой комаров,
Налетели со всех сторон.
(ВЛ — О, 59)

Ребенок ходит, как паук (Т — Дь, 126). Снежинки летят, как бабочки (Л — КБ, 10). Холодный ветер оводом проникает в тело собаки (НК — Т, 10). Мысли извиваются как змеи (У — Х, 93).

Из **деревьев и трав** часто встречаются в образах лиственница и цветы. Борцы, спортсмены — здоровые, стройные лиственницы (К — Э, 56). Оторвавшийся от родины человек — одинокая чахлая лиственница Севера (Т — Дь, 107). Охотник настреляет белок, как шишек (Т — Дь, 122). Слезы на щеке, словно древесная смола (НК — Т, 35). Ученик сидит, словно пенек, слушая слова учителя (Т — Дь, 102).

Тайга смежила хвойные ресницы
И чутко дремлет, близится закат.
(А — ТР, 18)

Душа опять с потерей повстречалась —
Как укололась веткою сухой.
(К — СТ, 21)

Желтоватые руки (твои) напоминают тальниковый лубок (НК — Т, 7). Мои родичи были когда-то словно густые заросли ерника (У — Х, 37).

Оленьи рога, как северные цветы; люди похожи на цветы (Л — КБ, 10, 22, 26, 68).

Ты (любимая)...
Как первый подснежник,
Стыдлива.

(АК — Т, 109)

Зорьку летнюю
Над бескрайней тундрой,
Пляску цветов напоминая,
Сэдьэ взлетает, сэдьэ, сэдьэ.

(ВК — ПОК, 47)

Волосы (его) схожи с засохшими травами (У — Х, 98). Щеки земляникою зардеют (А — ТР, 11). Сородичи когда-то были густы, как лесистого пригорка голубики (НК — Т, 35).

Как у многих народов, из названий **благородных металлов** часто в поэтических эпитетах, сравнениях и метафорах употребляются золото и серебро. Огни солнца золотые, солнце покрывает золотом заиндевевшую землю (Т — Дь, 131, 138); снег серебристый, лучи солнца, словно олень с золотыми рогами, бодают воду реки; на серебристом снегу родного языка купался ты с детства (Л — КБ, 24, 25, 40); дорогой (тебе) человек — золото (ВК — Х, 10), девушка-красавица — золотая птичка (Т — Дь, 104); муза поэта полетела к солнцу золотой девой (Л — КБ, 39); у птички золотой язычок и золотые крылья (Т — Дь, 131).

Как все поэты, северяне любят **одушевлять,** очеловечивать предметы и явления. Поэтому типичны такие примеры: На костре чайник танцует (У — Х, 29).

Над твоей головой
Только смех ветровой.

———

Кланяются ветви,
Стонут ветви в ветре.

———

И невнятно и сонливо
Над речкой лепечет ива.

(ВЛ — О, 34, 36, 41).

Современные поэты охотно употребляют в образах и **отвлеченные понятия:** беспредельно протянуто небо, как песня (ВЛ — Ль, 37); как мечта (моя), глубокие черные глаза; дым от костра поднимается вверх, словно мысли (мои) (У — Х, 28, 29).

Я ждал этих слов, но они прозвучали, как выстрел.

(К — СТ, 11)

Речка плетет легенду,
журчит волшебный варган.

———

Эвенка
подбирала узор,
Как подбирают слова в стихах.

(ВЛ — О, 45, 20)

Используются в образах современные **достижения науки, техники, культуры.** Волк в темноте мчится, как ракета. Тундра (для меня) — планетарий, изучаю просторы неба и земли (НК — Т, 25, 24).

Сегодня, как ракета,
Не ждет,
Уходит зверь!
(К — С, 116)

Комары над головой,
Словно двухмоторные.
(Н — ЗТ, 68)

Послышался звонкий голос
Кукушки в окрестном лесу.
Опять чарующая музыка
Разлилась с приходом весны.
(ПК — ПОК, 162)

В средствах образности поэзии северных народностей наблюдается влияние, исходящее от русской и якутской культуры. Этот вопрос требует специального рассмотрения. Мы здесь приведем лишь несколько примеров, где обнаруживается якутское влияние.

Байанай — по исконному якутскому поверью, дух леса, покровитель охотников, по нашему мнению, эвенкийским поэтом Д.Апросимовым заимствован.

И эхо вдали, не тая,
Среди золотой тишины
Катится, напоминая
Добрейший смех Байаная...
(А — ТР, 77)

Образ дороги, выраженный якутской загадкой, «если б встал, до небес дотянулся бы» использован эвенским поэтом П.Ламутским в песне «Дорога открыта»:

«Встану — до неба дойду»,—
Хвалилась дорога.
До звезд далеких путь
Открыла моя родина.
(Л — ПОК, 74)

Из краткого обзора видно, что молодая поэзия (письменная) северных народов Якутии довольно богата образно-изобразительными средствами, рождающимися из всего окружающего материального и духовного мира. Объекты поэтической образности имеют тенденцию беспрерывного обновления и обогащения. Старые, традиционные объекты образности приобретают все новые и новые аспекты применения. Самыми распространенными из традиционных объектов образности являются, например из небесных тел — солнце, из земных объектов — реалии родной тундры, звери промысловые, из домашних жи-

вотных — олень и т.д. Очень часто используются в образотворчестве человек Севера, его занятия, уклад жизни, быт, обычаи. и предания.

Поэзия Севера и эстетически не замкнута в себе. Она органически впитывает, творчески перерабатывая, все необходимое из других культур, особенно соседних. При этом стремится не потерять своей самобытности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С УСЛОВНЫМИ СОКРАЩЕНИЯМИ

А — Тр — Д.Апросимов. Три родника (Сб. стихов).— М.; 1981,— 32 с.

АК — Т — А.Кривошапкин. Скала Тонмэй (Сб. стихов).— М.; 1985,— 160 с.

АЛ — ПОК — А.Лебедева. Друга напоминает // Песни оленьего края (Сб. песен).— Якутск, 1987.— 232 с.

Б — МГ — Баргачан. Мой голос // Уроки мужества (Сб. стихов).— Якутск, 1984.— 160 с.

ВК — Х — В.Кейметинов. Хобо (Стихи и поэма).— Якутскай, 1957.— 64 с.

ВК — ПОК — В.Кейметинов. Танец сэдьэ // Песни оленьего края (Сб. песен).— Якутск, 1987,— 232 с.

ВЛ — Д — Василий Лебедев. Оонньоохоон-Додекээн (Сб. стихов).— Якутскай, 1970.— 24 с.

ВЛ — О — Василий Лебедев. Белый олень. (Сб. стихов).— Лениздат, 1972.— 104 с.

ВЛ — Р — Василий Лебедев. Священный родник (Стихи и поэма).— «Современник».— М., 1974.— 80 с.

ВЛ — Дъ — Василий Лебедев. Кунум, сирим дьарҕаалара (Сб. стихов).— Якутскай, 1980.— 79 с.

ВЛ — ПОК — Василий Лебедев. Когда мы вдвоем // Песни оленьего края (Сб. песен).— Якутск, 1987.— 232 с.

ИК — ПОК — И.Курилов. Как увижу горы // Песни оленьего края (Сб. песен).— Якутск, 1987.— 232 с.

К — Э — Н.Калитин. Эркээйи (Сб. стихов).— Якутскай, 1978.— 63 с.

К — СТ — Н.Калитин. Слушай, моя тайга (Сб. стихов).— Якутск, 1982.— 24 с.

К — С — Н.Калитин. Сны в инее // Сборник стихов.— «Современник».— М., 1985.— 160 с.

Л — һ — Платон Ламутский. һэдьэ дьиэрэйэр (Сб. стихов).— Якутскай, 1975.— 64 с.

Л — ПОК — П.Ламутский. Слушайте Ленина // Песни оленьего края (Сб. песен).— Якутск, 1987.— 232 с.

Л — КБ — П.Ламутский. Куну батыстым (Иду за солнцем) (Сб. стихов).— Якутскай, 1984.— 72 с.

Н — ЗТ — А.Немтушкин. Запах тайги (Стихи и поэмы).— Советская Россия, М., 1974.— 96 с.

Н — ПОК — А.Немтушкин. Русский // Песни оленьего края (Сб. песен).— Якутск, 1987.— 232 с.

НК — Т — Н.Курилов. Туундарам сирин симэҕэ.— Якутскай, 1982.— 40 с.

НК — С — Н.Курилов. Снега... снега // Сборник стихов.— Современник, М., 1985.— 160 с.

О — Б — Огдо Аксенова. Барахсан.— Красноярск: Кн. изд-во, 1973.— 112 с.

ПК — ПОК — П.Колесов. Пробуждение // Песни оленьего края (Сб. песен).— Якутск, 1987.— 232 с.

СК — ПОК — С.Курилов. Розовая чайка // Песни оленьего края (Сб. песен). — Якутск, 1987.— 232 с.

Т — Дъ — Николай Тарабукин. Дьукээбил уота (Северное сияние. Стихи и повесть).— Якутскай, 1971.— 166 с.
У — Нъ — Улуро Адо. Ньаабалданньа суһума (Поэма).— Якутскай, 1985.— 85 с.
У — Х — Улуро Адо. Харса оонньуур харалдьыктарым.— Якутскай, 1977.— 111 с.

Ж.К.Лебедева

ФОЛЬКЛОР И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В последние годы у ученых-фольклористов появилась новая сфера деятельности, где научные задачи стали тесно смыкаться с культурно-общественными: речь идет о подготовке к изданию межнациональной серии «Фольклор народов Сибири»— 60-томной антологии, охватывающей всю фольклорную классику народов Сибири и Дальнего Востока.

В этой связи хотелось бы отметить, что у якутских фольклористов накоплен достаточный опыт публикации фольклорного наследия. Вышедший сериал томов по песенному жанру получил широкое признание не только у якутского читателя, но был высоко оценен и специалистами как образец внимательного подхода к поэтическим аспектам материала.

Таким образом, многолетний удачный опыт предыдущих изданий послужил надежным фундаментом для подготовки межнациональной серии, к осуществлению которой приступили якутские фольклористы. Фольклорная классика якутов, эвенов, эвенков, юкагиров должна предстать в советской науке.

Следует отметить, что в последние годы значительно возрос интерес всей общественности к проблемам национального фольклора. Неслучайно к ней обратилась и писательская организация, которая вот уже в течение ряда лет ведет планомерную работу среди творческой молодежи, пишущей на фольклорной основе. Так, в 1980 г. в Ялте на очередном семинаре молодых писателей Севера была создана специальная группа литераторов, которая в своем творчестве активно использует все художественные возможности фольклорной традиции. На юбилейном заседании, посвященном 60-летию образования СССР, правление Союза писателей РСФСР совместно с Комиссией по литературам Севера и Дальнего Востока при Союзе писателей РСФСР заслушало ряд докладов и сообщений по теме функциональности фольклора в младописьменных и новописьменных литературах, а в 1983 г. в Магадане состоялся очередной Всерос-

сийский семинар писателей народов Крайнего Севера. Он явился как бы продолжением той деятельности, которая планомерно и плодотворно ведется в нашей республике. Работа этого семинара выгодно отличалась от предыдущих тем, что в нем приняли участие крупнейшие мастера художественного слова, творческая молодежь, ученые-фольклористы и носители народной духовной культуры — сказители и певцы народов Севера.

Подобные мероприятия, несомненно, оставляют прогрессивный след в науке. Так, например, исследования последних лет показали, что традиционный фольклор в современной новописьменной литературе народностей Севера претерпел историческую эволюцию, став в ней одним из художественных методов, сохранил свои типичные признаки как в художественной сюжетике, так и в жанрово-стилевой системе.

Современный процесс развития литератур народов Крайнего Севера открывает в советском литературоведении проблему разработки фольклоризма — одного из важнейших аспектов взаимоотношения литературы с фольклором, его типов в процессе зарождения и дальнейшего становления северных литератур.

Так, например, анализ творчества нанайской поэтессы Анны Ходжер показал, что основа ее поэтического слова глубоко связана с устно-поэтическим песенным творчеством. К примеру, стихотворение под названием «Сикояко» создано по нанайским фольклорным мотивам и в основу ее структурного оформления легла обрядовая поэзия, в частности такой жанр, как народные плачи: это плач по мужу, а последовательное обращение к рыбам — щуке, окуню и осетру — это заклинательные молитвы.

Сверху по реке спуститесь, сикояко,
Снизу по реке подниметесь, сикояко,
Рыбки, мне, сикояко,
Новости поведайте, сикояко!
Тетушка кета, сикояко,
Мужа-друга, сикояко,
Как потеряла, сикояко,
Девять лет прошло, сикояко!
Тетушка щука, сикояко,
Не видала ли, сикояко,
Окунь-зять, сикояко,
Новости поведай, сикояко! и т.д.

В песнях Анне Ходжер удается приблизиться к высокому уровню художественного мастерства, в связи с чем собственно фольклорный материал стал частью литературного сюжета.

Ительменский прозаик Нэлля Суздалова — широко известная на Камчатке собирательница ительменского и корякского фольклора. Часть фольклорных записей ею художественно обработана и опубликована в местной печати в разное время.

Рукопись «Сузвай», с которой нам довелось подробно познакомиться в Ялте на Всероссийском семинаре молодых литераторов народов Крайнего Севера, представляет собой цикл фольклорных произведений, каждое из которых характеризует жанровый состав устного творчества ительменов и имеет несомненную историко-культурную ценность.

В ней содержатся этнографические зарисовки ительменского быта и ранние мировоззренческие представления народа (глава «Нонгаач», что в переводе с ительменского означает «Клюв-спина» — хозяйка очага в облике маленькой женщины), фрагменты этиологического мифа (гл. «Братья Ухт», Ухт — ительменское божество, во владении которого вся фауна; деятельность его протекает на земле, но место обитания — Солнце, куда он взбирается по живой лестнице своих подданных — зверей.), ительменские обереги, шаманские фольклорные мотивы и поздние исторические сюжеты о межплеменных войнах ительменов с курильцами (гл. «Какарил»).

Однако следует отметить, что форма использования фольклора в ее творчестве пока еще не связана с современным литературным сюжетом. И все-таки рукопись Н.Суздаловой представляет собой литературный вариант, качественно отличающийся от фольклорного первоисточника. В каждой главе повествование ведется от имени сказителя, который привносит в текст информацию из современной жизни ительменов. Думается, этот художественный прием использован для того, чтобы связать прошлое с настоящим. Но пока это остается творческим замыслом, а каждая глава рукописи существует на правах самостоятельной народно-поэтической единицы.

Опубликованная в печати новелла Натальи Селивановой «Сказки мастерицы» создана также на фольклорно-этнографическом материале. В экспозиции новеллы даны этнографические зарисовки из народного быта, среди которых особую ценность представляет рассказ о способе обработки материала и изготовлении изделий народных художественных промыслов. Переход от вступительной части новеллы к основной осуществляется путем своеобразных художественно-логических мостов, которые несут в себе фольклорную нагрузку. Для этого автором используются фрагменты двух народных песен и ассоциативные сравнения, в основе которых лежат ранние мировоззренческие представления об окружающем мире. Основная повествовательная часть новеллы состоит из двух сказок. Сказка первая — синкретическая по жанровому составу. В ней можно выделить эпическое и повествовательное начала. Авторское лирическое отступление в виде пейзажной зарисовки служит логическим мостом от одной сказки к другой. Сказка

вторая помимо фольклорных элементов содержит также этнографические сведения и ранние мировоззренческие представления. Автор очень умело переходит к заключительной части, логическим мостом к которой служит вставной фрагмент из этиологического предания. Сама заключительная часть — это пейзажные зарисовки.

Новелла Н.Селивановой иллюстрирует использование фольклорного материала в сюжетном звене литературного произведения. Но фольклор, являясь источником основной повествовательной части, в то же время служит и элементом художественной структуры.

Ощутима образно-стилевая основа фольклорной традиции и в творчестве молодой эвенкийки Г.Варламовой-Кэптукэ. Подобно ительменке Н.Селивановой, Кэптукэ в эссе «В голубом тумане дымокуров» использует сказочный мотив о прекрасной мастерице Унякантун. В ее произведении фольклор служит иллюстрацией и в то же время оттеняет мысли автора. Этот прием довольно распространен.

В рукописи «Умусликэн и его друзья» фольклорные мотивы используются более глубоко. Мотив одиноко выросшего и воспитанного зверями героя использован как основной сюжет повести, написанной в духе киплинговского Маугли.

В серии рассказов «Единоличники» фольклорные мотивы использованы в новых формах. Здесь фольклор живет в самих героях, в их мировоззрении и поступках. Обрядовая поэзия сопровождает и обслуживает действия героев и не кажется чем-то чужеродным. Например, отчим девочки находит на берегу реки повешанные кем-то много лет назад колокольчики. Он воспринимает это как дар реки и особое знамение неба. Вечером совершается обряд благодарения реки и обращения к духу реки с песней, в котором участвуют все. Текст песни-обращения к реке и описание обряда, называемого алгавка, вписан в ткань рассказа как естественное и необходимое событие.

Познакомившись с творчеством этих молодых представительниц северных литератур, можно сделать вывод о разном уровне использования ими фольклора. Из четырех примеров ясно видно, что в творчестве этих авторов преобладают фольклорные идейно-эстетические принципы, а в творчестве Кэптукэ выявляется акт творческого освоения условно-поэтически трансформированных идей и фольклорных образов.

В очерке «Когда в причудливый узор сплетаются слова» Кэптукэ обращается к острой социальной проблеме — сохранению родного языка. Лирический герой, слушая песнь старого мудрого эвенка, задает себе вопрос: Почему я не могу сложить песнь также просто и непринужденно, но вместе с тем талант-

ливо? Где и когда утеряна та нить, некогда связывавшая молодое поколение с глубокими традициями народа? Идею автора усиливает легенда о великой шаманке, погибшей ради того, чтобы вернуть эвенкам их язык и песни.

К социальным проблемам обращены рассказы юкагирского прозаика Н.Курилова. Так, его рассказ «Гнезда» построен на актуальном сюжете, затрагивающем в целом экологическую проблему человек — природа и связан с ранним мировоззренческими представлениями народа. Казалось бы, на первый взгляд сюжет построен незамысловато: старик Пэкэлэ идет навестить свою старую знакомую, но встрече их не суждено состояться: дом ее снесли, и она живет в другом. Однако все это в рассказе — канва и составляет фон его, а на передний план выдвигается совершенно другая сюжетная линия, вокруг которой развивается вся повествовательная часть. Дело в том, что дойдя до прежнего жилища своей знакомой, Пэкэлэ неожиданно видит на земле упавшее птичье гнездо. И это увиденное на земле зрелище охватывает все его сознание и порождает гамму чувств. Он поднимает гнездышко и устанавливает его между деревом и своим костылем, который он втыкает в качестве подпорки в землю. Эту «скорую помощь» Пэкэле оказывает птичке на случай, если она вернется в свое жилище в его отсутствие. На следующий день Пэкэле со своим внуком прикрепляет это гнездо на дереве и с тех пор, говорится в конце рассказа, из этого гнезда вылетело не одно птичье поколение. А место, где стоит это дерево, люди назвали «Пэкэлева нога».

Поднятая в рассказе до высокого звучания экологическая проблема неразрывно связана с нравственно-философской проблемой, составным компонентом которой является также мысль о нерасторжимости поколений и их преемственности.

В 1984 г. на очередном республиканском совещании молодых писателей Якутии стало известно, что Н.Курилов приступил к работе над историческим романом из жизни юкагирского народа. Время охвата событий с 20-х годов до наших дней. С этой целью он обратился к изучению колымского партийного архива, тщательно собирал мемуарный материал от людей старшего поколения, которые сами участвовали в установлении Советской власти на местах, и от людей, на глазах которых происходили коренные преобразования в исторической судьбе народа. Несомненно, при написании романа молодой прозаик будет испытывать определенные трудности, но они обусловлены теми проблемами, к которым обратился автор. Назовем две из них, которые уже сейчас обозначены — это социально-историческая (якутский бандитизм на Колыме) и демографическая (снижение численности юкагиров). Последняя

проблема высвечивается через партийные перегибы, которые имели в то время место не только на Севере. Вследствие чего большую часть юкагирского населения обратили в эвенов, хотя этническое самосознание юкагиров живо и в новом поколении, которое по паспорту числится как эвенское население.

Помимо названных проблем, хотелось бы остановиться и на психологических нюансах, а именно показать эту проблему в ретроспективе: из сегодняшних дней заглянуть в 20-е г., т.е. психологию, мышление юкагира показать в исторической динамике. Несомненно, все эти проблемы и другие, которые пытается осветить Н.Курилов, имеют свои генетические корни.

Н.Курилов — самобытный и вполне сложившийся поэт. Его индивидуальность — в экономном выражении своих мыслей. Об этом говорят колоритно созданные поэтические образы. Следующая особенность, какую можно отметить,— его оригинальное поэтическое мышление, своеобразное художественное видение действительности. К примеру, возьмем детское стихотворение о пауке. Это образец детского восприятия, детской души и мышления, переданный художественным словом. А рассказ о чучуна? Поражает неожиданная концовка рассказа. Оказывается, чучуна — трактор. Но если внимательно вникнуть в эту «неожиданность», то станет понятно, что этот художественный прием помогает писателю раскрыть народное восприятие сегодняшней действительности на Севере. Из знакомства с ним чувствуется, что поэт тонко, выпукло и умело передает психологию северных людей. Здесь, видимо, помогает поэту Курилову художник Курилов. «Где-то на днях,— вспоминает Степан Дадаскинов,— я видел его рисунок «Поют сети». Видно, как ветер колышет сети, а за ними — стоят девочка и собачка. Это же поэзия! Настоящая поэзия в живописи! На этот сюжет так и напрашиваются стихи!».

Если обратиться к северной классике (роман В.Санги «Женитьба Кевонгов», роман Г.Ходжер «Амур широкий», Ю.Рытхэу «Современная легенда»), то легко можно заметить сознательное обращение писателей к фольклорной эстетике, что является показателем творческого профессионализма. В последние годы пристальное внимание критиков обращено к творчеству В.Санги. Внимание это обусловлено ярко выраженным фольклоризмом и, добавим, этнографизмом его произведений. В творчестве В.Санги можно наблюдать и генетическое отношение к фольклорной традиции (сборник «Легенды Ых-мифа») и примеры творческого функционального ее применения (романы «Ложный гон» и «Женитьба Кевонгов»). Обратимся к двум последним романам. В них нашла воплощение эпическая история нивхского народа. В связи с этим можно считать право-

мерным и обоснованным обращение писателя к национальному художественному фонду — фольклорным истокам. События в романе «Женитьба Кевонгов» развертываются вокруг главной темы — поиска невесты, в основе своей темы эпической. И, естественно, автором используется весь арсенал фольклорных художественных средств и этнографические элементы. Здесь и бытовые зарисовки, семейные институты (обычай левирата), брачная система родства (люди рода тестей распоряжаются мужчинами рода зятей, или когда маленькую девочку из рода тестей отдают в род будущего мужа на воспитание), обряды (сватовство, омовение новорожденного, обряд «Медвежий праздник», все составные части которого описаны почти с этнографической точностью: «укращение духа медведя, проводы души медведя, обряд его захоронения», ритуально-промысловый), а также традиционное летоисчисление (не годовой цикл, а сезонный) и архаическая система счета.

Нашла отражение жанровая система нивхского фольклора: здесь и обрядовая поэзия (заклинание-благопожелание к духу-хозяину местности с просьбой о содействии в удачной ловле рыбы, ритуальное моление, чтоб родился сын, благопожелание к духу местности — угодий), здесь вкраплены и этиологические мифы о создании ландшафта земли, антропонимические предания (как в старину ребенку давалось имя), эпонимическое предание (о возникновении рода), жанр песни (женские трудовые, любовные, обрядовые; песня — объяснение в любви; песня, предворяющая сватовство; песня, сопровождающая сватовство), шаманские песнопения.

В.Санги предстает мастером психологического анализа. В этом плане любопытен эпизод в романе «Женитьба Кевонгов» (сцена описания традиционной национальной игры «фехтование на палках», сцена последняя, завершающая роман). По смысловой нагрузке этот эпизод несет огромный функциональный заряд. Старейший Кевонг присутствует на ритуальном испытании своего сына, который обязан победить соперника в фехтовании на палках, после чего невеста станет его женой. Но происходит непоправимо-трагическое: сын проигрывает. И старейший Кевонг в отчаянном отцовском горе обращается: «Что же произошло, люди! Что случилось в этом мире? Что случилось, лю-ю-ди?».

Что же произошло? Кевонг интуитивно ощущает происходящую перемену, именно при его жизни стали рушиться традиционные устои их общественной жизни, и эти начавшиеся исторические перемены у нивхов В.Санги передает символически и экспрессивно.

Ростки ранних форм социалистического сознания нивхов,

которые еще органически связаны с понятием родовой организации. автором описаны в той же лапидарной манере. «Уже давно ходила пугающая весть: роды собирают вместе и из них организуют какие-то артели. Знающие люди утверждали: артели, колхоз — это новый укрупненный вид рода. «Какой же этот род, когда произойдет смешение крови родов?— спрашивали недоуменно старики?».

Бесспорно, эти два момента говорят об историческом чутье писателя. Обратимся к названию книги В.Санги «У истока» («Современник», М., 1981), куда вошли оба романа — «Женитьба Кевонгов» и «Ложный гон». Название заключает в себе философский смысл и о нем можно судить по-разному: нивхи у истока новой общественной формации, органическая связь прошлого с новой зарождающейся общественной формацией, которая зиждется на народной традиционной жизни, а с другой стороны, возможен акцент на художественные истоки самого писателя — это народная духовная традиция, это взаимосвязь фольклора и современных художественных средств в творческой лаборатории писателя.

В последние годы идут плодотворные изыскания в области литературы малочисленных народов Севера и тихоокеанского региона. Ученые подчеркивают прогрессивное значение литератур этих народов, признают ее значение в плане социального опыта этих народов и отмечают истоки ее национальной самобытности. Последнее обстоятельство указывает на значение фольклорной традиции.

И.И.Николаева

ТВОРЧЕСТВО ТЭКИ ОДУЛОКА. ИСТОКИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЮКАГИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тэки Одулок... Младший Одуул... Многим с детства знакомо это певучее имя, многие из нас впервые открыли для себя жизнь северных народов из его произведений...

Лет двадцать тому назад, в первые годы моей читательской биографии, роясь в книгах школьной библиотеки, я нашла книгу в серой обложке, на которой была нарисована колоритная фигура старика в меховой одежде и с трубкой во рту. «Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина старшего»,— прочитала я на обложке.

Сколько дней после этой находки я жила жизнью доселе незнакомых, но так быстро ставших мне родными, людей, охотясь вместе с ними, гоняясь за оленями, радуясь их радостям и сострадая их горю...

Темная жизнь людей тундры, их нескончаемые беды, открытая тирания богачей оставили неизгладимый след в моей детской душе, вызвав протест против такой жизни, стремление к защите обездоленных.

Это была моя первая встреча с книгой Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина старшего», начало нашей дружбы.

Сколько раз после этой встречи я возвращалась к ней, как к хорошему другу, сколько раз перелистывала, перечитывала, заново вникая в смысл слов, в строгую, простую красоту слога этой книги.

С тех пор я уже не пропускала мимо имя Тэки Одулока, специально искала и читала его произведения, следила за всеми публикациями, статьями, воспоминаниями о нем. И не только следила за этими немногочисленными публикациями и изучаа их, но и составила для себя небольшой библиографический указатель, в котором набралось уже около 70 названий книг и статей о писателе, о его роли в становлении юкагирской литературы, об истории развития юкагирского народа, различных изданий произведений Тэки Одулока.

Тэки Одулок стал первым человеком, который открыл своим собратьям длинную дорогу в литературу, в науку, в общественный прогресс, человеком, который вынес культуру юкагиров на мировую арену. Юкагирский писатель и ученый Улуро Адо сказал как-то: «Тэки Одулок стал первым человеком, который громко заявил о нашем народе. Его творчество оказало большое влияние на развитие не только юкагирской литературы, но и на развитие литературы всех народов Севера»*.

В 1906 году 22 мая в одной из юкагирских семей, жившей в с. Нелемное Верхнеколымского района на берегу реки Ясачная, родился одиннадцатый ребенок — мальчик, которого назвали Нюка (Николай).

В те времена прибавление семейства, тем более, рождение мальчика было связано с большими расходами — родители с каждой мальчишечьей головы должны были платить ясак, размеры которого никем не устанавливались. «Ясак взимался по принципу «брати с них... по скольку будет мочно»[1]. Сколько хотели, столько и требовали, угрожая физической расправой. А в семье Спиридоновых и без Нюки уже 8 сыновей. И эти налоги совершенно обездолили и без того полуголодную семью.

Еле сводя концы с концами, часто недоедая, дружно жила многочисленная семья Спиридоновых.

Но не за горами была и беда. «Когда Нюке было лет 5—6, семью постигло большое горе — утонули во время рыбалки

* Одуул норуотун чулуу уола / Телепередача.— Якут. респ. ТВ.— 1986.— 19 мая.

старшие дети — Настасья и Николай, которые были кормильцами семьи, ее надеждой и опорой»[2]. После этой трагедии семье пришлось идти по людям, детей постарше отдали по разным хозяевам, а Нюка остался при родителях. В те времена им пришлось хлебнуть много горя: годами не снимали оленьих кухлянок, питались корой с деревьев, в лучших случаях — бутугасом, жили в деревянной яранге, где свободно гулял холодный северный ветер.

Семи-восьми лет родители отдали Николая богатому эвену в Нелемное, в надежде, что он выживет. Совсем еще ребенком стал Нюка батраком, познал все тяготы батрацкой жизни, унижение.

В скором будущем хозяин продал Нюку русскому купцу, тот через некоторое время — якутскому купцу. Об этом периоде своей жизни Н.И.Спиридонов вспоминал так: «Каждый день я возил для хозяев из лесу дрова на собаках и носил им воду из реки. Я топил печи, чистил хотон — хлев, кормил собак, чинил собачью упряжь, мял коровьи кожи на подошвы и собачьи шкуры на одежду. Работал с утра до ночи, спал на полу, в кухне без постели и одеяла, никогда не умывался и совсем не знал белья. Облезлая оленья рубаха и штаны, надетые на голое тело, были единственной одеждой в течение многих лет подряд»[3].

Когда Нюка жил у русского купца, хозяин, заметив смышленность мальчика, решил сделать из него священнослужителя и по совету местного священника отдал его в церковно-приходскую школу. Нюка учился там недолго, но успел выучиться грамоте. Как только находилась свободная минута, Николай занимался или чтением, или письмом. Бумаги не было, и он ухитрился писать на бересте. Он до того увлекался этой нелегкой работой, что перестал замечать все вокруг себя, не слышал зова... Вот так вспоминает об этом сестра писателя Акулина Ивановна Спиридонова: «Как-то мы выехали рыбачить на заимку. Он (Николай) сделал себе отдельный шалашик и пропадал там целыми днями, много читал и писал. Чтобы позвать его рыбачить или пить чай, нам приходилось идти за ним, так как криков он не слышал. Когда приходили за ним, он бывал весь поглощен чтением, работой. Но вот он повернется, улыбнется и с веселым смехом бежит к нам...»[4].

Во время гражданской войны хозяин Николая, якутский купец, сделался хорунжим в войсках у белых. И Николай, отданный ему в батраки, вынужден был работать на него. Но это был уже не темный, забитый мальчик, а юноша, который начал понимать жизнь и ее беды, понял, где друзья и где враги.

Он был членом Коммунистического Союза Молодежи и гордился этим званием.

Когда белые были изгнаны из тундры, юношу направили на учебу. По дороге в Якутск, на Индигирке, он попал в плен, его бросили в тюрьму, не поили, не кормили, требовали показать дорогу к красным, перейти на сторону белых... Но ответом было молчание.

Мысль о побеге ни на минуту не покидала его и улучив удобный момент, а это случилось только через 11 месяцев после плена, Николай ушел на лыжах в лес.

Только выучка охотника, закалка коренного северного человека, и, конечно же, большое стремление к свободе, жизни помогли Николаю перенести дорожные мытарства, голод, холод, ночевки под открытым небом и добраться до Якутска.

Об этом эпизоде жизни Н.И.Спиридонова рассказала его сестра А.И.Софронова: «Он (Николай) заметил лыжи, воткнутые в снег и вечером, когда стемнело, он попросился выйти на улицу. Быстро встал на них (лыжи) и под покровом темноты подался по целине в лес, и поминай, как звали. Шел голодный, изможденный. На его счастье, он нашел несколько куропаток в петлях, которые немного подкрепили его. Николай дошел до Ямской станции, он весь продрог, устал. Его мучила жажда и он глотал снег. Он зашел в избушку, где жили старик со старухой. Его встретили вопросами: «Откуда? Кто такой?» Когда он сказал, что осматривает петли, его накормили и предложили остаться ночевать. Он, остерегаясь, что будет погоня, поблагодарив стариков, встал на лыжи и продолжил свой нелегкий путь в сторону Якутска»[5].

Совсем по-иному сложилась жизнь Николая после перехода в Якутск: желанная, оттого увлекательная учеба в Якутской советско-партийной школе; успешное окончание школы, вступление в члены партии и направление в Ленинградский университет. Как это много и как ответственно для выходца из народа, не имевшего даже своей письменности, народа забитого, обреченного на медленное вымирание. Это ли не доказательство правоты политики «Советской власти, коммунистической партии, которая нацелена была с самого начала на то, чтобы вывести национальные меньшинства на широкую дорогу развития!»[6].

Ленинград встретил Спиридонова радушно, стал для него как бы второй родиной. Потом он неоднократно сюда возвращался, но, конечно, самое яркое, ошеломляющее впечатление получил он в первый раз. Ведь Николай стал первым юкагиром, выросшим в тундре, в чуме, который попал в большой город — в сердце революции.

Первые два года учебы пролетели незаметно: унивеситет, библиотека, книги, учебники, общение с сокурсниками и преподавателями... Помимо занятий — долгие прогулки по городу, по улицам, мимо зданий, столько видавших на своем веку... Может именно во время этих прогулок зародилась у Николая любовь к этому городу, чувство причастности к жизни города, общества, страны?.. Но нет-нет, да взглянет Николай в сторону родной тундры, вздохнет украдкой: «Как там, дома?».

И когда в 1927 году стало известно об организации научной экспедиции на Колыму, Николай попросился в эту экспедицию, где проявил свои незаурядные способности будущего ученого, умение собирать материал, анализировать и обобщать.

В 1928 году Николай вернулся в Ленинград для продолжения учебы и в 1931 году успешно окончил этнографическое отделение Ленинградского университета. Эти годы стали годами не только занятий в университете, но и долгих раздумий о судьбе своего юкагирского и других малых народов Севера. Потом они — эти думы — выльются в художественные произведения, научные статьи, а пока это — и боль сердца, и бессонные ночи, и тревожные вечера...

Именно в эти годы встретил Николай свою подругу и жену Ольгу Николаевну, уроженку г. Ленинграда.

В 1931 г. Николай Иванович стал аспирантом Института народов Севера. Будучи аспирантом, он поехал на Чукотку в составе оргкомитета Дальневосточного крайисполкома для организации Чукотского национального округа, где пробыл 7 месяцев. «Сначала жил в Анадыре, потом выехал в бухту Креста, в бухту Провидения, в бухту Лаврентия, заезжал и в другие чукотские селения. Затем побывал у чукоч (чукчей), которые живут по берегу Беренгова моря к югу от Анадыря. Таким образом, побывал почти во всех крупных пунктах Чукотии (Чукотки), ознакомился с жизнью чукоч (чукчей), как береговых, так и тундренных»[7].

Успешно закончив теоретический курс аспирантуры, в мае 1934 г. при Институте народов Севера Н.И.Спиридонов защитил диссертацию на ученую степень кандидата экономических наук.

О ленинградском периоде Николая Ивановича вспоминает его сын Николай Николаевич Спиридонов—Шатунов: «Первый раз я запомнил отца, когда он только что вернулся из экспедиции с Севера. Это было в 1934 году. После приезда его у нас, в доме, стали появляться новые, интересные вещи. На стене повесили большущие оленьи рога с разветвлениями и отростками. В углу приспособили кожаную боксерскую грушу. А в коридорчике, рядом с обувью, улеглись две пары коньков.

С появлением отца жизнь в доме резко изменилась. Часто стали приходить гости: земляки — студенты Института народов Севера и другие.

В почтовый ящик больше стало поступать газет и журналов. В том числе и для меня приходили газета «Ленинские искры» и журнал «Чиж».

Отец с утра всегда садился за работу и целый день писал. В его комнате все стены были заняты полками с книгами. Иногда он вставал из-за стола, входил в общую комнату, подходил к печке и долго стоял, смотрел на огонь и молчал. Потом также молча возвращался и садился за стол.

После защиты диссертации отец стал совмещать научную работу с литературой. В это время к нам стали приходить писатели Г.Гор, С.Маршак, В.Бианки, К.Золотовский. Как раз в это время получила известность его повесть «Жизнь Имтеургина старшего».

Однажды пришел к нам А.Н.Толстой и подарил свой только что вышедший «Хлеб» в красном переплете»[8].

В 1934—1935 годах Н.И.Спиридонов стал секретарем Аяно-Майского РК партии, затем — заведующим национальным сектором Хабаровского правления Союза писателей, а в июне 1936 года уехал в Ленинград.

В годы культа личности Н.И.Спиридонов необоснованно был репрессирован и умер в 1938 году. «Отец любил Ленинград,— вспоминает его сын,— и все же его все время тянуло на родину, на Колыму. Все свои планы на будущее он связывал с жизнью на родине. Он уже совсем было собрался ехать, но я тяжело заболел, и мать побоялась меня везти, стала отговаривать от поездки отца. Но он должен был выполнить задание партии. Отец уехать не успел, он стал жертвой произвола, царившего в период культа личности. В 1938 году отец умер в тюрьме»[9].

Впоследствии он был реабилитирован посмертно.

За сравнительно короткое время научной деятельности Н.И.Спиридоновым было опубликовано несколько научных работ, статей. В 1930 году в журнале «Советский Север» была напечатана его статья «Одулы (юкагиры) Колымского округа». В первое издание Большой Советской энциклопедии вошли его статьи «Юкагиры» и «Юкагирский язык».

«Очерки его,— отмечала Лидия Чуковская,— представляют, по мнению специалистов, большую научную ценность»[10].

Но имя Николая Ивановича Спиридонова известно широкому кругу читателей, прежде всего, как имя талантливого самобытного писателя, обладающего своеобразным, новаторским для своего времени стилем.

За период своей непродолжительной литературной деятель-

ности он создал под псевдонимом Тэки Одулок (маленький юкагир) ряд художественных произведений — повесть «Жизнь Имтеургина старшего», начало второй повести, которое увидело свет под названием «Имтехай у собачьих людей», книгу путешествий «На Крайнем Севере».

Для многих поколений читателей произведения Тэки Одулока стали открытием нового для них мира, совершенно иной жизни, о которой они имели очень смутное представление. Жизнь северных народов со всеми ее тяжелыми условиями проживания и выживания, трескучими морозами и длительным голоданием, полным бесправием и гнетом богачей, нескончаемой заботой о еде, чтобы выжить, об оленях, чтобы выжить, о тепле, чтобы выжить...— вот что предстает со всей яркостью и обнаженностью со страниц книг Тэки Одулока.

«Тэки Одулок описал жизнь оленевода-охотника не как ученый-этнограф, не как литератор-наблюдатель, а как оленевод-охотник, изведавший на собственном опыте, что такое метель, обледенелый полог чума, волчьи следы на снегу, прошедший суровую школу труда[11]».

Эта повесть, о которой говорит Л.Чуковская,— «Жизнь Имтеургина старшего»— является самым крупным произведением Тэки Одулока, завоевавшим широкую известность среди различных кругов читателей. О признании ее читателями свидетельствует хотя бы тот факт, что «книга выдержала несколько изданий, была переведена на английский язык и издана в Лондоне под названием «Снежные люди»[12]. За 1951—1959 годы эта книга четырежды была переиздана в Праге на чешском языке. Издавалась она и в других европейских городах[13]. Положительную оценку этой книге давали Максим Горький, Алексей Толстой, Александр Фадеев...

В ней повествуется о судьбе одной семьи оленеводов-чукчей, во главе которой — Имтеургин. Жил себе человек, жил, временами голодал, временами мерз, но был у него свой очаг, своя семья, были у него олени в количестве «трех человек, сверху один человек, еще полчеловека, да еще лоб, два глаза и нос». Жил себе, жил, оленей своих пас, защищал их от волков, от злых духов — келе, от «обезкомья — болезни» кормил семью охотой... Так и жил бы, может, спокойно до самой смерти, но нет... Круто изменилась его жизнь со времен «большого ветра». Оленеводы бая Эрмечина угнали его оленей. Гости бая Эрмечина безнаказанно убили сына Катавью. Приезжие купцы выманили обманом весь его запас шкур. И не стало у Имтеургина своего очага, пришел он батраком к тому же ненавистному баю Эрмечину. Иначе — смерть. И такая судьба была самой типичной и характерной в те времена.

Лаконично, с чисто северной сдержанностью написана эта повесть. Сжатая форма изложения очень точно передает скупость языка, немногословье народов Севера. И благодаря этой сжатой форме каждое слово повести несет в себе огромную смысловую нагрузку, возрастает роль каждого слова в общем звене повествования. Ни одного лишнего выражения, ни одного ненужного слова. Умение с помощью всего нескольких слов показать затаенное движение человеческой души, глубокие раздумья, смятение, самые разные чувства, живущие в каждом человеке,— это одно из самых больших достижений Тэки Одулока.

Читая повесть, воочию видишь картины из жизни чукчей, тундры, чувствуешь вкус крови только что убитого оленя, усталость от гонки по тундре, голод во время долгой пурги.

В работе над повестью Тэки Одулока очень помог Самуил Маршак, о чем подробно написала Лидия Чуковская .

Преждевременная смерть писателя не позволила ему написать продолжение этой повести, в которой он планировал рассказать о судьбе младшего Имтеургина. Предполагается, что это продолжение должно было быть в какой-то степени автобиографичным.

Художественная зрелость повести «Жизнь Имтеургина старшего» дает нам полное право ставить Тэки Одулока в первые ряды многонациональной литературы тех лет.

Неоценимо значение творчества писателя для зарождения, становления и развития не только юкагирской литературы, но и литературы всех народов Севера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1] *Башарин Г.П.* История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — сер. XIX в.).— М.: Изд-во АН СССР, 1956.— С. 41.

[2] *Бандеров Н.С.* Рассказ сестры писателя // Сов. Колыма.— 1966.— 24 мая.

[3] *Тэки Одулок.* От автора // Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина старшего. Повесть.— Якутск: Кн. изд-во, 1987. С. 19.

[4] *Бандеров Н.С.* Указ. соч.

[5] *Там же.*

[6] В братской семье советских народов // Сов. Колыма.— 1966.— 30 апр.

[7] *Тэки Одулок.* Указ. соч.— С. 21.

[8] *Шатунов-Спиридонов Н.Н.* Что я помню об отце?// Сов. Колыма.— 1966.— 13 мая.

[9] *Там же.*

[10] *Чуковская Л.С.* Маршак — учитель и наставник юкагирского писателя // Сов. Колыма.— 1966.— 19 апр.

[11] *Чуковская Л.* Об одной забытой книге // Сиб. огни.— 1959.— № 1.

[12] *Семенов Д.* Писатель, ученый, общественный деятель // Сов. Колыма.— 1966.— 20 мая.

[13] ~~*Чуковская Л.С.* Ма~~ршак — учитель и наставник юкагирского писателя // Сов. Колыма.— 1966.— 19 апр.

П.Д.Аввакумов

ОТ ПОЭЗИИ К РОМАНУ
(О творчестве П.Ламутского)

Платон Афанасьевич Степанов-Ламутский (1920—1987) всю свою жизнь посвятил развитию культуры и литературы родного эвенского народа.

Его поэтические произведения, отмеченные печатью истинного таланта, глубоки и мудры по содержанию, полны патриотического звучания. В его стихах неизменной сквозной темой присутствует чувство сыновней любви к родному краю. Так, в стихотворении «Север, край мой тундровый», говорится*.

Солнца золотым половодьем осиянный,
В мириадах слепящих снежных блесток,
Дорогу торную издали высветив,
Встретит Север, край мой тундровый[1].

Бесхитростным этим словам веришь, потому что знаешь: они идут от чистого сердца и полноты чувств.

Герои, которых воспевает поэт, не покладая рук и не требуя признания, беззаветно трудятся на благо любимой Родины, сильны духом и мужественны, способны успешно противостоять даже тяжким испытаниям, которым ежечасно подвергает их суровая северная природа. Именно поэтому они, по выражению поэта, способны, коль то потребуется, «срыть могучие холмы, взволновать пучину моря, дробить горные породы, оттаять вечную мерзлоту». Такую исполинскую силу им придает горячая любовь к родной земле, животворный дух солидарности со всеми народами, населяющими землю. Движимый этим чувством, поэт вправе заявить громогласно:

Состою я в дружбе с тысячью людей,
Говорю с ними на трех языках.
Есть слово — пароль для всех нас:
«Үлэ» — по-якутски, «Гургэ»— по-эвенски,
По-русски же звучит: «Труд».
В труде созидательном радость познал,
Рос, развивался благодаря лишь ему[2].

Без ложной скромности поэт выражает радостное удовлетворение, что свободно владеет тремя языками, но все-таки отдает предпочтение родному эвенскому языку, который он извечно любит и им гордится. Поэтому особенно проникновенно звучат в его устах строки:

---

* Здесь и далее стихотворные отрывки и цитаты из романа даны в подсрочном переводе В.Т.Николаева.

Язык мой праматерь, язык древних предков,
Ты извечно прекрасен и роскошно богат:
В плоть и кровь я тебя впитал
Вместе с материнским молоком[3].

Первые стихи, написанные на эвенском языке, Платон Ламутский напечатал еще в далеком 1939 году. Они были посвящены детям, и, как хрестоматийные, были включены в учебники для начальных классов эвенских школ. Стихотворные произведения поэта, написанные на детскую тематику, впоследствии были переведены на якутский язык и изданы в 1970 году отдельной книжкой, названной «В снежных суметях».

Первая книга поэта была встречена вполне доброжелательно как читателями, так и специалистами. В том же году народный поэт Якутии Кюннюк Урастыров в статье «Певец северного края» дал ей высокую оценку, особенно выделив стихи, посвященные детям. В частности, он писал: «...особенно ему удались стихи, посвященные детской аудитории... Они основаны на сюжетах, взятых из народных преданий, расхожих сказок, легенд и других видов фольклора. Сравнения и эпитеты ярки, точны и полны внутренней экспрессии. На высоком уровне и другие художественные приемы. Стихи его с малых лет учат благородному чувству любви и уважения к родной речи, прививают им ростки заинтересованного увлечения материнским языком»[4].

Платон Ламутский всю жизнь проработал педагогом. Начиная с 1937 г., после окончания Якутского педагогического училища, он учительствовал в школах северных районов Якутии. Стихи писал постоянно и сделал немало. Поэт издал на эвенском языке книги «Эвен унен икэгэн», «Эвен икэн», «Хонначан», «Онир укчэнэкэн», «Этикэн хурэлни», «Гянулосикатал», на якутском языке издал сборники «Хомурах устун» (По снежным заметям), «һээдьэ дьиэрэйэр» (Окрест разносится сээдьэ), «Эвен остуоруйалара» (Эвенские сказки), «Куну батыстым» (Иду вслед за солнцем). Кроме того, многие его стихи, в переводе на русский, были включены в ряд сборников.

Его охотно переводили на якутский язык. Стараниями таких известных поэтов, как Элляй, Константин Туйарский, Степан Дадаскинов и другие, его стихи не потеряв в переводе своеобразной прелести оригинала, в лице читателей-якутов нашли широкую благодарную аудиторию.

Имя Платона Ламутского одного из ведущих поэтов, вдохновенного певца новописьменного эвенского народа приобрело широкую известность. В 1962 г. он был принят в члены Союза писателей СССР, а впоследствии ему было присвоено почетное звание заслуженного работника культуры Якутской АССР.

В стихах П.Ламутского находит верное и беспристрастное

отражение вся жизнь народа, к которому принадлежит он сам, его светлые чаяния, высокие радости, созидательный труд, неизбывно богатая душа. Щедрый природный талант поэта пышно расцвел на благодатной почве интернационалистского духа, присущего всей советской литературе. Поэт об этом так сказал в стихотворении «Песнь эвена»:

Не песни пели предки наши,
Сетовали на смертные муки.
Зато вот у нашей молодой поросли
В песнях — счастья разливанное море![5]

Здесь зримо присутствует прямое противопоставление горькой участи народа в царское время счастливой жизни нынешнего молодого поколения. Тему счастливой судьбы своего народа поэт не минует. Он пишет:

В поклоне земном великому вождю,
Я даю священную нерушимую клятву:
— Заветы твои мы в жизнь претворим,
Мир и счастье на земле сотворим![6]

Развернутое стихотворение, озаглавленное «Москве», полное гражданского пафоса, не случайно завершено следующими строками:

Полон гордости великой Москвой,
И счастлив сознанием,
Что мой малый северный народ
С другими во всем стал наравне,
Смело иду по столичным проспектам[7].

В свои стихи поэт часто вводит образ великого вождя В.И.Ленина, уподобляя его жизнетворному солнцу:

Ленин над всей землей
Засиял жизнетворным солнцем,
Он счастье принес в наш тордох,
И песни наши вдаль понеслись[8].

(«Слушайте Ленина»).

Ленин пришел в наш убогий тордох,
Солнечным светом все вокруг осиял...[9]

(«Ленин в эвенском тордохе»).

Эти строки хранят в себе всю благодарную любовь, которую питают эвены к родной Коммунистической партии и к Ленину, ее основателю. Поэт считал своим гражданским долгом выразить сыновнее чувство великой благодарности от имени своего осчастливленного бессмертной судьбой народа. Он писал:

Я буду жить насколь возможно долго,
Знаю тайну жизни, в узел завязанную.
Просторы тундры песнями наполню,
Взор людям открою на прекрасное...[10]

(«Буду жить я долго»).

Платон Ламутский был истинный сын и своего народа, и своего времени, жил и творил в самой гуще народа и жизни. Роли стороннего наблюдателя он был чужд. Его стихи полны своеобразного очарования, ни на чьи не похожи, колоритны, легко узнаваемы, звучат звонко, как напев хороводного танца эвенов — сээдьэ. Они очень самобытны, любое описываемое событие увидено глазами северного тундровика, неутомимого охотника и следопыта, настоящего сына природы. Северная экзотическая атрибутика присутствует во всех его стихах. Например, в стихотворении «Крылатый корабль», описывая самолет, он не преминул упомянуть и железный аркан — маамык, и большегрузные нарты — турку.

Много он преуспел и в создании светлого образа северянина-тундровика — неутомимого в труде, в простоте своей душевной поистине светозарного, преданного в дружбе, верного в любви, отважного и смелого во всем.

Счастье — не пышный цветок на земле,
И не беззаботная божья птаха.
Счастье творится не легким трудом,
Счастье выстраивается сердца биением![11]

Так говорит лирический герой стихотворения «Готового счастья не принимаю». Он труженик, удачливый охотник и умелый следопыт, доволен собственной судьбой и горд, что он не кто-либо другой, а именно промысловик, подобно ветру носится по тундре на быстроногих послушных оленях. Выстраданная в самой гуще жизни мысль, что счастья достоен лишь тот, кто трудится, красной нитью проходит и в стихотворениях «Где ты, моя молодость?», «Молодость может вернуться». В них же не выспренно, а простыми доходчивыми словами говорится, что человек приобретает счастье и любовь на земле собственными стараниями, не уповая на подарок свыше. В стихотворениях «Прекрасной Ченмэричээн», «О, радость и муки мои!», «Три подруги», «Мика-Миканга» живописуется молодая любовь, робкая и светлая — как она ярким костром возжигает сердца, наполняет их счастливыми муками.

В поэзии Платона Ламутского особое место занимает образ великого А.С.Пушкина. К этой теме, волнующей его, он возвращался не раз, иногда через большой временной промежуток. В стихотворении, посвященном светлой памяти Тарабукина — первого писателя эвенов, он пишет:

Сызмала ты рос, вдоволь купаясь
В золотоносном снеге речи родной.
Настал срок, и на алтарь Пушкина
Ты высыпал те снежные блестки[12].

В стихотворении «Пушкин и эвен» он с великой благодарностью признает возвышающее воздействие волшебной поэзии Пушкина на своих современников, поднявшихся наравне с другими народами на высокую ступень интеллектуального развития.

Платон Ламутский с гордостью отмечал, что у эвенов очень эмоциональная, песенная душа, тонко улавливающая все оттенки чувств. Посредством песни любой народ открывает тайники собственной души, легче и ближе сходится в дружбе с другими народами, торит путь к сердцам людей, творит добро и мир. Песня шагает в ногу с жизнью, черпает в реальности тему и идею, возвышает добро, зовет к лучшему будущему, питает людей надеждой.

В стихотворении «Вспоемте дружней!» поэт говорит:

Мы завладели счастья белым оленем,
Приручили волшебную песню — бога таланта;
Впредь на себя смотрим с бодрой надеждой,
Расцвели пышным цветом, умножились[13].

Многие стихи Платона Ламутского созданы на фольклорной основе. Он умел в художественную ткань своих произведений вкрапливать исторические детали, ставя цель ознакомить молодежь с историей своего древнего народа. Характерен пример из стихотворения «Мой дед родился трижды»: в каком-то эвенском роде во время очередной перекочевки женщина разрешается от бремени крепышом-мальчиком, возможным продолжателем их хиреющего рода. На плач новорожденного прилетает певчий клест и начинает петь. Достопочтенный старец рода по этому поводу говорит:

Это — доброе предзнаменование!
Знать, появился продолжатель
Нашего рода — наматканов.
Он имя наше продлит,
Счастья и удачи прибавит,
От бед и напастей избавит!
Гляньте, душа его песенна!
Недаром же на его голос,
Поданный в мире впервые,
Тотчас слетел певчий клест
И запел одухотворенно![14]

Платон Ламутский участвовал также во многих специальных научных экспедициях, всю жизнь собирал фольклор эвенского народа и стал его глубоким знатоком. Эти знания у него не лежали втуне: при любом удобном случае он вкрапливал их в свои произведения. Вот почему в его стихах такое завидное изобилие метких слов и ярких запоминающихся образов. Свои произведения поэт прежде всего адресовал молодежи, жил ее

нуждами и заботами. Он старался сделать все возможное, чтобы молодая поросль его народа шла по стопам легендарного национального героя — богатыря Омчэни, стала такой же целеустремленной, волевой и отважной, со светлой верой в будущее.

Омчэни — герой эвенского эпоса. Современную молодежь поэт называет прямым потомком этого легендарного героя, образ которого часто незримо присутствует в его стихах. Платон Афанасьевич использовал фольклорные темы и образы умело, мастерски. В этом отношении весьма примечательны его стихотворения «Ягоды Ааныкчан» и «Подарок матери». В образах Ааныкчан и матери, как под лупой, выпукло собраны все добродетельные качества эвенских женщин, главная черта которых — желание добра, мира и счастья всем людям без исключения. Они верят в спасительную силу волшебных слов. Бусы и корольки, которые невзначай выронила на землю мастерица-рукодельница Ааныкчан, густо произрастают ягодой, украшают скудную северную землю. А плод морошки, преподнесенный матерью сыну-малышу, не простая ягода земная, а олицетворение земного благополучия и счастья:

Это — заветный подарок матери,
Это — нетленный подарок родины,
Это — воплощение благополучия,
Это — сгусток мира и счастья![15]

Стихи Платона Ламутского хранят в себе кладезь вековой мудрости народа, квинтэссенцию его духовных воззрений, представляют собой сгусток национальной сути. В стихотворении «Потомки Омчэни» поэт от имени всего народа правомерно говорит:

Мы стремились к свету и добру,
Вынесли много горя и мук.
И лишь стоической волей,
Долготерпеливым трудом своим
Пробились к нынешнему счастью,
Которое греет нас не меньше,
Чем излюбленные нами меха![16]

Начав писательскую стезю с простых напевов һэдьэ — хороводного танца, Платон Ламутский в конце жизни написал первый в эвенской литературе роман «Дух земли» (Сир иччитэ). Здесь он проявил себя глубоким знатоком истории, нравов и обычаев своего народа.

К созданию этого большого прозаического произведения автор шел долго: собирал нужный материал, в тихом уединении переваривал его в себе, осмысливал и перекраивал. Писал не торопясь, исподволь, с высокой к себе взыскательностью. Шутка ли: для первой книги задуманного романа-дилогии понадобилось целых десять лет отпущенной ему не столь, к сожалению,

долгой жизни! О том, как продвигается работа и какие встречаются затруднения, он без утайки рассказывал своим друзьям-писателям В.С.Соловьеву — Болот Боотуру и С.Е.Дадаскинову, спрашивал у них совета, консультировался с другими.

Работа, отнявшая у автора много времени и усилий, наконец, в 1984 году была завершена. Через некоторое время, в переводе на якутский язык роман был издан сначала в журнале «Хотугу сулус», затем отдельной книгой — в 1987 году. Роман был встречен широкой читательской аудиторией доброжелательно. В 1988 году он был выдвинут на соискание государственной республиканской премии имени П.А.Ойунского.

В романе Платон Ламутский высветил трудную, полную лишений и горя жизнь эвенов, кочующих по бескрайним просторам сурового колымского края.

Сюжетным стержнем, вокруг которого развиваются события, служит действительный случай: в 1901 году на Колыме, близ речки Березовка, в вечной мерзлоте, была найдена туша мамонта. Отталкиваясь от реального факта, писатель развернул широкую картину кочевого народа, оттеняя ее событиями социальными.

Эвены, ведя кочевой образ жизни, добывали себе блага только охотой и зависели от окружающей природы. У них была сильно развита вера, в том числе в различные потусторонние силы. В их полуязычеcкой вере существовали многочисленные запреты. Например, мамонт у них считался запретным зверем, соприкосновение с которым могло навлечь беду. В романе есть эпизод, когда невзначай наткнувшись на вытаявшую из вечной мерзлоты тушу мамонта один их сородич тронул ее — позарившись на клык. Все подумали, что это — знак беды, за которым последуют многочисленные напасти: поднимутся хвори да болезни, уйдет дичь, охота станет бездобычливой. Такой оборот дел наруку шаманам, которых простодушные соплеменники очень почитают, как единственную силу, способную уберечь их от зловредных козней злых духов. Все бедствия и напасти, случающиеся в жизни, шаманы объясняют людскими погрешностями, невольного виновника выставляют на суд соплеменников, навлекая на его голову неисчислимые бедствия.

Изгоями в собственном племени становятся члены семьи Маркани. Поначалу его два сына и дочь ненароком натыкаются на тушу мамонта. Охваченные суеверным ужасом, они возвращаются домой и о своей нечаянной находке сообщают родителям. Тех охватывает сильное беспокойство и вместе с тем, вполне понятное по-человечески любопытство.

Глава семьи Маркани с братом Тинькани и сыном Мэнгдуни едут к месту обнаружения туши мамонта. Убедившись, что

вытаяла из-под земли действительно туша запретного зверя — мамонта, во избежание лишнего греха он решает скрыть находку от других. Чтобы уберечь тушу от растерзания зверями и птицами и скрыть от нескромных глаз людских, он принимает решение зарыть огромную тушу в землю. Так они и поступают. Маркани понаслышке знает, что бивень зверя представляет собой большую ценность и, соблазненный тайным намерением запродать его купцам и кое-что на этом выгадать, на свою беду отрубает у мамонта один бивень и увозит с собой. Содеянное он за большой грех не считает. Одно соображение его удивляет: «Сэлии, конечно, зверь примечательный. Почему предки наши не сделали его себе предметом священного почитания, духом-охранителем? Будь то так, туша зверя нам бы теперь плохим ничем не угрожала. Все-таки какой может быть неумолимый грех трогать ее?»[17].

У эвенов принято при обнаружении туши мамонта ничего не трогать. В памяти народа живо предание о том, что люди, полуживые от долгого голода, поев мамонтового мяса, вымерли. Почитаемый в роду человек, старик Этейле рассуждает так: «Наши люди до того случая в туше сэлии (эвены мамонта называют так) особой угрозы не видели. Страшная та беда открыла им глаза, и люди стали избегать соприкасаться с запретным зверем. Ведь в жизни все взаимосвязано, и опыт, даже такой ужасный, много значит». Он накидывается с руганью на сына своего Маркани: «Зверь неспроста ушел под землю, скрылся от людского глаза. А ты, не довольствуясь тем, что видел собственными глазами, принялся рвать зубами, подобно алчному зверю? Нет чтобы побояться греха, все лезут напролом. Вот откуда так сыпятся на нас все беды и напасти!»[18].

Волею случая все предчувствия старого Этейле вскорости оправдываются: Маркани чуть не гибнет в схватке с ярым медведем, на одного из парней злой дух насылает сплошной кошмар, и т.д. Старый Этейле убеждается, что вся эта напасть непосредственно связана с находкой туши сэлии. Другие сородичи убеждены в этом тоже.

Сородичи Этейле, как бы ни каялись в грехах и ни умоляли духов, от возмездия не уходят, вызывая к себе острую ненависть соплеменников. Шаман Нергун, их тайный недоброжелатель, объясняет: «Это вы совершили смертный грех, обнаружив тушу запретного зверя! Из-за вас начались все беды и напасти. Вместо того, чтобы промолчать, вы о своей зловещей находке растрезвонили на всю матушку Кулуму! Ишь, додумались... Нет чтобы повиниться перед всем народом в допущенном смертном грехе! Прогнать их прочь из нашей земли — этого еще мало!»[19]. Маркани, виноватый в том, что будучи пьяным

проболтался о своей редкостной находке агенту купца Явловского и тем самым разгласил великую тайну, пытается оправдаться: «Я выполнял указ самого солнца-государя царя!.. Не поступи я так, был бы обвинен высшими чинами в еще большем преступлении. Иначе сделать я не мог. Мой поступок и для вас должен быть не бесполезным...»[20]. Он, хотя понимает свою конечную правоту и никак не может принять предъявленные обвинения, все же не в силах доказать свою невиновность. Он растерян наплывом событий, невольно сомневается в собственной правоте, теряется в безуспешных догадках и дает себя загнать в тупик. Это и понятно: он — невольный пленник окружающей косной жизни, сам полон предрассудков и суеверия, не в силах разорвать невидимые путы вековечных устоев, обычаев и нравов.

Доведенный общим преследованием до отчаяния, он рассказывает о беде русскому врачу С.И.Мицкевичу, приехавшему к ним в стойбище по случаю эпидемии кори: «Из-за того, что я заявил властям о находке туши мамонта, все мои сородичи затаили на меня зло. Они открыто чинят мне зло, проклинают на семи ветрах, лишили спокойного житья, обвиняют во всех смертных грехах. Погибает человек — виноват я, отыскавший тушу сэлии. Среди оленей начинается мор — валят опять на меня. Исчезает дичь — опять то же самое. Теперь вот поднялась волна коварной кори и уже ползет под землей зловещий слух, будто и тут виноват я...»[21]. На что Мицкевич, оправдывая его, отвечает, обращается к людям: «Вы многого не знаете, и потому о многом судите неправильно. Вот скажите мне: что за грех, по-вашему, связан с найденной тушей мамонта? Это — пустые россказни, никакого греха нет и не может быть! Хворь, напавшая на человека или моровое поветрие среди оленей ну никак не связаны с тушей мамонта, обнаруженного тут и к тому уже отправленного далеко отсюда. Вы тут в корне не правы, когда обвиняете Маркани в бедах и напастях, случающихся у вас»[22].

Ведя кочевой образ жизни, переезжая с места на место по ягельным урочищам с изобилием охоты, эвены часто встречались с людьми иной национальности. Так, у них издавна сложились тесные отношения с якутами, юкагирами, чукчами. Живя с ними бок о бок, эвены проникаются их заботами. В эти северные края в погоне за барышами нередко заглядывают торговцы-хищники. Найденная туша мамонта становится причиной знакомства местных жителей с русскими, приехавшими выкопать эту редчайшую находку и увезти ее с собой. К местным жителям русские относятся гуманно. Щадя религиозные чувства эвенов, они ведут себя осмотрительно, соблюдают этикет, проявляют уважительность к местным обычаям и нравам.

Характерен диалог между Маркани и начальником экспедиционной группы русских.

«— Господин, мы поклоняемся духу-хозяину матушки-земли. Я невольно согрешил перед ним — открыл сокровенную тайну земли, и тот дух-иччи очень зол на меня. Как бы он не сжил меня со свету..,— проговорил Маркани донельзя испуганным голосом и покосился на бородатого русского.

— Не беспокойся, тебе ничего не будет. Весь тот грех мы берем на себя и увозим с собой,— уверенно и обнадеживающие произнес господин»[23].

Большое значение в романе имеет образ русского врача, соратника Ленина С.И.Мицкевича, сосланного царскими властями на Колыму за революционную деятельность. Находясь в более чем стесненных обстоятельствах, Мицкевич горячо переживает за местных жителей, попавших в беду, предпринимает деятельные шаги по их спасению. «Они на грани беды. Дичи не стало, охоты нет, запасов они не имеют. Поневоле примутся резать своих оленей, и могут остаться вовсе без них, пешие. Обездвижутся, попадут в отчаянное положение. Надвигается массовый голод, который начнет косить людей. Надо срочно поехать в Среднеколымск, поднять тревогу, настоять, чтобы начальство приняло меры по спасению этих людей!»[24]— принимает он решение.

Образу С.И.Мицкевича в романе отведено не очень много места, но разработан он глубоко, имеет большое социальное звучание и дает возможность предположить, что в скором будущем в судьбе этих обездоленных детей природы — эвенов произойдут большие и необратимые перемены к лучшему. Мицкевич пытается открыть бедноте глаза на правду их подневольной жизни. Он говорит: «Вы вот круглый год выпасаете огромные стада оленей, принадлежащих богачам. И что получаете в оплату своего тяжелого труда? Почти ничего. В виде подачки те отколупнут ну там немного чаю и табаку, и весь сказ. Оленей дадут во временное пользование. Конечно, вам этого никак не может хватить надолго, и вы опять идете к тем жадюгам, несете им почти задаром всю добытую пушнину. А они ту вашу пушнину пускают в оборот, выигрывая барыша в несколько раз»[25]. Мицкевич дает им знать, что возможна иная, лучшая жизнь. В дальнейшем эта беседа принимает более углубленный характер.

— «Земля велика и чрезвычайно просторна. Вот, например, эти люди с тушей мамонта в нужный им Петербург смогут приехать лишь через два месяца, и то — если будут поспешать.

— Уй-уй!— поразился Тинькани улышанному.

— Везде идет острая классовая борьба, потому что на всем

протяжении земли простой народ живет очень тяжело, под гнетом богачей. Вы вот живете в исключительно тяжелых, трудных условиях. Вы вконец обнищали, на пути к вымиранию, становитесь все малочисленнее. Некоторые уничтожаются, иные мрут с голода, многих косят болезни. В вашем племени, как я вижу, всего-то осталось около двадцати кочевых семей.

— Это и вправду так,— согласился Маркани.— Говорят, когда-то встарь нас было очень и очень много. К лету на заимке Кэрбендя собиралось столько семей, что белая чайка, пролетая над стойбищем, успевала от густого дыма чумов вся пожелтеть.

— Будь у вас условия жизни хоть бы сносные, вас бы и теперь набралось больше, и плодились бы дальше,— промолвил Мицкевич.— Все это — отрыжка вашей трудной подневольной жизни. Великий Ленин, наш вождь, именно чтобы спасти всех обездоленных, подобных вам, и собирает бедноту и поднимает ее на борьбу. О вашей трудной судьбе он знает.

— Барахсаны-ы!..— не сдержал восхищения Гиргини Петука.

— Вот бы чем малым суметь помочь тому человеку!— живо откликнулся Мэнгдуни, весь преображаясь»[26].

Слова Мэнгдуни звучат символически: можно понять, что этот молодой человек в наступающую новую жизнь войдет не сторонним зрителем, а активным бойцом.

Герои романа — простые люди, живут простой, обыкновенной жизнью, снедаемые обыденными нуждами и заботами. Их гложут многие сомнения, часто настигают разочарования в мечтах и идеалах. Они нередко глубоко задумываются о жизни, о месте человека в ней, горячо любят свой суровый край. Не случайно Маркани посещает мысль, что «Правы, конечно, те, кто говорит, что матерь наша природа в сути своей бесконечно добра к нам, людям,— может развеять грусть и тоску, снять усталь, дать отдохновение и радость, вывести из тяжких сомнений»[27].

Платон Ламутский, знаток народной жизни эвенов, сумел правдиво ее отразить даже в мелочах.

Известно, что эвены живут разрозненно, родовыми семейными группами. В романе таких родов несколько: дьялданкины, доткинцы, дойдары, уегенкены, булырцы. Зимой они разъезжаются по охотничьим угодьям, а летом собираются на условленном месте в большой круг. Каждый род имеет своего главу — князька. Тот правит сородичами, распределяет охотничьи угодья, собирает царскую подать, разбирает жалобы и споры. Есть прослойка зажиточных и богачей, среди которых имеется свой негласный глава, обладающий наиболее многочисленным оленьим стадом. Он принимает к себе в услужение

старых и неимущих людей, держит их в черном теле. Он не упускает случая по мелочи ссужать бедняков деньгами и съестными припасами, выплачивает за них казне долги, тем самым крепче и надежней прибирает их к рукам, опутывает неоплатными долгами, начисляет немыслимые недоимки. В конце концов бедняков-сородичей он закабаляет.

Сородичи Маркани из рода дьялданканов — выходцев из момских эвенов. Они — бедняки, пропитание себе добывают промысловой охотой, имеют лишь ездовых оленей. В трудные годы они с большим трудом сводят концы с концами, живут впроголодь, но благодаря своей неутомимости и находчивости они «сохраняют свой дым».

Старый Этейле, самый уважаемый и почитаемый в роду человек, о далеких днях молодости вспоминает так: «С покойной супругой мы соединились судьбами, будучи бедняками. Я ходил в прохудившихся торбазах, в старой облезлой шубейке, в простом, без украшений, кожаном нагруднике-нэлэке. Даже за собственным свадебным столом я сидел в чиненой-перечиненой одежде. Да и жинка моя молодая была одета нисколь не лучше. Жили мы в мире и ладе, трудов не жалели, с годами кое-как с нищетой сладили, жили не припеваючи, но по миру с протянутой рукой не ходили. Дыры в хозяйстве затыкали сами, с недохваткой управлялись. Нет, грех будет сетовать на судьбу»[28],— простодушно заключает он.

Попытка разжалобить других, вызвать к себе сочувствие не в привычке суровых северян. Но в пору, когда Мэнгдуни, племяш старого Этейле, достиг совершеннолетия и замыслил жениться, его мать Агундя не удержалась, пожаловалась: «Парню бы надо справить новый кафтан, но подходящей шкуры не имеем. Все нужда проклятая! Старая его одежда настолько обветшала, что никакой искусной починки уже не выдержит. Если когда у нас и появится новая шкура, то разве пустим ее на одежду? Обмениваем на чай и табак. Прорву расходов требует и спиртное. Отдаем последнее...[29].

Спиртное было бичом для всех северных народов. Показу бед и напастей, связанных с неумеренным употреблением алкоголя, в романе отведено много места. Так, Маркани, находясь в плену винных паров, в гостях у купца Явловского, перестает держать язык за зубами, пробалтывается, попадает на подготовленную хитрым купцом удочку. Протрезвев, он кается в совершенной глупости, но понимает, что назад пути нет. Соблазнительное зелье подстерегает их повсюду. Торговцы, агенты именитых купцов, чтобы было легче выманить у них пушнину за бесценок, специально подпаивают простодушных охотников допьяна, а потом облапошивают их, как хотят. Прием

гостей, свадьбы и другие семейные торжества без спиртного не обходятся. Как-то сложилось так, что спиртное стало считаться чем-то очень желанным, вожделенным, наиболее ценным в их непростой жизни. Писатель не без скрытой внутренней горечи приводит следующий эпизод: «Старый Джолкяни приятелю своему Этейле через Тинькани, как дорогой гостинец, послал тайком две сотки спиртного. Увидев, как Тинькани вручил деду заветную бутылочку, все, кто был в то время в тордохе, не удержались от громкого радостного возгласа. Небольшая четушка водки оказалась дороже и желанней, чем шалевый плат, купленный для Экичи, и отрез цветного ситца, назначенный Агундье на новое платье»[30].

Далее автор подчеркивает: «Для этих кочевников спиртное — поистине редкое лакомство, поэтому тем ценней. Когда приспичит, за стакан спиртного могут без сожаления отдать и взрослого оленя. Пользуясь этим, купцы при помощи спиртного поистине грабят местных людей среди белого дня»[31].

Спиртное в жизнь эвенов вошло неожиданно, тая в себе разрушительное гибельное воздействие. Спиртным угождают даже духу священного очага, самому почитаемому божеству в языческом пантеоне. Из опаски, что, огорчившись, душа может покинуть тело своего хозяина, даже малому ребенку по капельке закапывают спиртное в ротик.

Роман содержит много этнографического материала, сведений о магических обрядах и мистериях. В эпизоде, посвященном свадьбе Мэнгдуни с Гявун, полностью описывается свадебный обряд, бытующий у эвенов. В развернутой многоперсонажной картине есть два очень интересных и любопытных момента. Первый из них относится к жениху.

«Мэнгдуни со всего плеча принялся рубить дрова, заготовленные еще вчера — только щепки так и полетели. Заряженное ружье он прислонил неподалеку от себя к дереву.

Старый Этейле сидел внутри тордоха, перед тарелкой с налитым топленым жиром и внимательно прислушивался, чтобы не упустить момента, когда прогремит выстрел.

Внезапно Эте Нику выстрелил из ружья в воздух, ему вторил тотчас же и Мэнгдуни. Этейле, едва прозвучали выстрелы, подлил в огонь из жира и вполголоса стал творить заклинания.

Послышались чьи-то приближающиеся шаги, но Мэнгдуни продолжал махать топором по-прежнему. Обычай требует, чтобы он ни на что постороннее не отвлекался, весь уйдя в работу — так он перед людьми показывал прилежность в работе, неутомимость и силу»[32].

Второй момент относится к невесте.

«Оставшись с Гявун наедине, Агундья вывела девушку из

полога за руку. Невеста тем временем успела переодеться по-домашнему. Она была очень взволнована, и это красило ее: с ярко зардевшимися щеками, с пылающими улыбчивыми глазами, поверх приспущенных долгих черных кос повязавшая головку цветным платком, с блестящим колечком на тонком нежном пальчике, она была невесть как хороша. Сейчас она должна выйти и у всех на глазах приготовить стряпню. Чьими-то услужливыми руками медные котлы были уже приготовлены. Гявун сходила за порцией мяса, привезенного ею, и поставила в огонь варево, заодно и чайник. Зная, что ей нельзя ударить в грязь лицом, она очень и очень старалась, пытаясь успешно выдержать этот своеобразный публичный экзамен. В этом по сути-то не так уж хитром деле ей помогали мать Татина и тетка Калбин»[33].

Мы видим, что в обряд древней свадьбы включались испытания обоих брачующихся в повседневном хозяйственном труде, т.е., говоря современным языком, использовались приемы народной педагогики. В романе часто приводятся случаи, когда молодых людей или вовсе детей взрослые, держа рядом с собой, берут даже и на опасные дела, загодя прививая им необходимый в жизни опыт и закаляя характер.

Если даже случайно какое-то требование обычая будет нарушено, волнение охватывает целый род. Виновный молодой человек и его родители обрекаются чуть ли не на остракизм, на них начинают недобро коситься, могут даже предпринять меры карающего, осуждающего характера.

Дарри, дочь князца Кирияна, еще в малолетстве, по уговору между родителями, была предназначена быть женой Чиктигута, сына богача Альдимара. Она хорошо понимала, каких строгих правил надо придерживаться в девичестве.

Однажды, во время игры в сокола и уток, Чиктигут, выступая в роли сокола, невзначай хватает девушку за грудь. Так себя вести парню негоже. «Чиктигут в приливе чувства неловкости и стыда, с загоревшимся лицом кинулся к своему чуму, вбежал в него и бросился ничком на лежак. Ей-богу, все получилось как-то нечаянно, он девушку не лапал... А Дарри теперь, наверное, начнет про него думать нехорошо. Может, даже возненавидит»[34],— покаянно думает он.

Дарри, в свою очередь, тоже очень растревожена. «Как же все это получилось?— думает она.— Стыдно получилось, нехорошо... Нареченный жених схватил меня прямо за грудь. Я ведь должна была хоть прикрыться рукой. Он меня облапил при всех, вверг в стыд, опозорил. Наверное, после этого нам уже не обручиться. Дойдет до слуха родителей, и те уговор давний посчитают нарушенным и откажутся от принятых обязательств.

Мечте, взлелеянной еще с девических лет, быть разрушенной так нелепо?! Эх, горе-то какое?![35].

Дарри, может быть, поколебленная в своих лучших ожиданиях, дает себя обмануть писарю Алеке, приехавщему к ним издалека с официальным поручением от властей. Алека, опытный соблазнитель, под видом обучения грамоте, сначала приручает к себе диковатую таежницу, затем обманно сватается к ней, заговаривает зубы туповатому князьку Кирияну и соблазняет Дарри, делает ее своей любовницей. Затеянному Алекой сватовству противится старшина Петурчян, охранитель старых обычаев и правил. Он говорит: «...Любой наш человек должен бы строго придерживаться старых обычаев и установленных правил. По моему мнению, Дарри имеет нареченного еще с детства жениха, и выйти за другого права не имеет. Скажу прямо: тот давний уговор нарушен, втоптан в грязь. Делать этого не приличествует»[36]. Он имеет причину заявлять так. Между родителями, имеющими давний уговор, происходит решительное объяснение. Что они говорят? Давайте послушаем.

«— Я и вправду перед Альдимаром сильно провинился, взял на себя грех преступить данное слово. От охватившего стыда не знаю, куда лицо свое деть. Но уверяю вас, что все это у меня получилось как-то нечаянно, без дурного умысла. Я сдуру влез в приготовленную хитроумную ловушку,— сказал с напряжением Кириян.

— Уговор ни при каком обороте дела нельзя было втоптать в грязь,— с напором проговорил Анибирин.— Нарушен обычай, проявлено неуважение друг к другу. Дело не хорошее. Альдимар вправе потребовать с тебя отступного за позор. Что он, впрочем, и делает»[37].

По словам Анибирина, «этот поступок противоречит всем требованиям обычая, из ряда вон выходящий. За подобное еще со времен прапредка эвенов Омчэни виновник давал отступного за позор десятичным приплодом от десяти важенок»[38]. Хотя точное количество возмещения тут не указывается, можно подсчитать, что разговор идет о стаде оленей в сто голов.

На охоте, на похоронах и во время кочевок все, от мала до велика, строго придерживаются неписаного правила, необходимость которого доказывается всей историей народа, его повседневной жизнью, потому что люди эти впрямую зависят от природы, от нерушимой целостности окружающей их среды. Нажитой положительный опыт народ инстинктивно старается передать из поколения в поколение, обеспечивая тем самым высокую степень выживаемости. В этом отношении показателен следующий эпизод.

—«...Эвены очень умело и красочно украшают свою одежду.

А вы этого еще не умеете, следовало бы научиться... Нас в свое время старые люди этому искусству обучали с большим тщанием.

— Вот и ты поучи нас! — с задором вставила Мэнгдек.

— И вправду я за вас возьмусь. Это просто необходимо. Но — потом, сейчас не к спеху, других дел невпроворот. Умелые мастерицы класть узоры славятся далеко окрест, имя их переживает их век.

— Наша мать любила повторять, что умело сшитая одежда, если ее беречь путем, может быть носка в течение жизни нескольких поколений. Наверное, чтобы сладить такую одежду, надо обладать особым даром, который дается не каждому. Мать, помнится, очень приставала к нам с этим...»[39].

Старый, умудренный промысловик, обучая молодого секретам охоты, обязательно говорил, что, — кроме упования на удачу, о которой возносить молитвы и заклинания, конечно, надо, — необходимо самому много знать, еще больше уметь делать. И все-таки устоявшиеся в веках традиции верований превалируют в их жизни над всем. Это наиболее выпукло отображается в образах шаманов. Их в романе несколько: Иркуни, Нергун, Кянучан. Каждый из них опекает собственный род; в случае возникновения распрей между родами, они вступают между собой во вражду. Автор романа довольно пространно описывает обряд магического камлания шамана, приводит текст его заклинаний. Характерен эпизод, описывающий ритуальное действо шамана Кянучана.

«Пока шаман продолжал свое действо, парни привычной рукой очень быстро завалили и разделывали пегой масти оленя-трехлетка. Другие из дерева вырезали идола — подобие человека и обрядили его в смертные одежды. Идола всего вымазали свежей оленьей кровью, положили в гроб и, тайком от всех, отнесли в далекий овраг, указанный им шаманом и зарыли в землю.

Шаман Кянучан, неустанно гремя бубном, поехал «по верхней дороге». Поскакал-попрыгал, велел кинуть в огонь оленью шерсть и, нависая над очагом раскосмаченной головой, пустился в сетования. Наконец, он стал творить заклинания, подобающие благополучному возвращению домой...»[40].

Одновременно с ним, соперничая, в другом чуме камлает и шаман Нергун, противоборствующий с Кянучаном. Закончив свое действо где-то лишь к полуночи, он сообщает результат своего провидения: «Тушу запретного зверя обнаружили люди из рода дьялданканов. Согрешив, они еще принялись кричать во весь голос о своем проступке. Тем самым преступили великий запрет, открыли вход в царство погибели. Им за это отомстилось: беды и напасти, вырвавшиеся из преиспод-

ней, напали на них самих...»[41]. Шаман этот — великий плут и хитрец, он озабочен лишь тем, чтобы уберечь от треволнений собственный род и под удар подставляет других.

Старый Этейле тоже шаман. Может показаться, что такие шаманы водятся в каждой семье. Каждый из них — прирожденный лекарь, может успешно пользовать людей, творить добрые заклинания. Все они готовы встать горой за людей собственного рода. Болея за общее благополучие, они строго следят за соблюдением правил и требований, основанных на полуязыческом веровании, пришедшем к ним из глубины веков. В этом отношении эвенские шаманы несут положительный заряд, людям зла не творя и пользуясь у своих сородичей авторитетом и признанием. Но в случае больших ссор, затрагивающих жизненные интересы нескольких родов, старейшины прибегают не к помощи шаманов, а обращаются с жалобой к власти предержащим. Вот так же происходит в межродовой распре, возникшей из-за обнаружения и разглашения тайны мамонтовой туши. Писатель точно отобразил, как в обыденной жизни эвенов причудливо переплетаются архаичные правила и нормы поведения с новыми законами административных властей.

За действо шаману полагалось платить, и не мало. Этейле это объясняет С.Мицкевичу так: «Пользуя людей, избавляя их от злых духов, я беру с них плату. Такой обычай водится у нас издавна, нарушать его считается грехом. Любая услуга должна быть соответственно вознаграждена. Так ведь?»[42]. А Мицкевич, немало труда положив на излечение больных, ничего с них не требует. Более того, отказывается от предложенной мзды, повергая тем самым людей в большое недоумение. Они его никак не могут понять и не верят в чистоту его помыслов.

С большой изобразительной силой и знанием дела автор описывает летнее празднество эвенов, собравшихся со всей округи на зеленую заимку.

Традиционные эти игрища развертываются на просторной чистой лужайке, на речном юру. Люди свои чумы ставят по окружности лужайки, на торжество собирается и стар, и млад. Затеваются игры спортивного типа: силачи схватываются в борьбе, легконогие соревнуются в беге, состязаются и в прыжках. Старшие и тут строго наблюдают за соблюдением норм приличия и правил этикета. После завершения соревнований по прыжкам старый Этейле напоминает молодым: «Ребята, коль вы закончили, то метки полагается убрать. Оставлять так грех, можете обезножить»[43]. Рассказывают, что молодым он был очень резв на ногу: мог запросто пешим загнать дикого оленя, по весеннему снежному насту подгонял сохатого к самому чуму и заваливал, чтобы легче было потом разделывать тушу зверя.

Названный в свое время чуть ли не крылатым, теперь по-стариковски недоволен современной молодежью, считает ее слабой. Обычно на празднике соревнуются в метании аркана, организуется хороводный танец, который имеет два вида: сэдьэ и киндивкан, различающиеся между собой по запеву, по характеру телодвижений танцоров. Автор очень красочно описывает эти танцы.

«Хоровод не прекращался — сэдьэ и киндивкан попеременно сменяли друг друга, танцующие были неутомимы. В сэдьэ запевала и вторящие ему танцоры искусно имитировали голоса различных перелетных птиц, подражали кукушке. Слитный хор голосов то становился тише, то опять взлетал высоко, далеко оглашая окрестности. А в киндивкане лад напева иной: может показаться, что на луг ворвалось многочисленное испуганное оленье стадо, под копытами которого начинает дрожать сама незыблемая мать-сыра земля, стоит сплошное хорканье, присущее тугутам.

Запевалы из рода дьялданкинов и уегеткенов в хороводном сэдьэ повели «Песнь радости охотника»:

Сэдьэ! Игой-мара!
Санде! Игой-на-а!
Сэкку! Игой-нанал!
Сэччу! Ихо-эмукен!
Сарам! Ихо-чээлкэм!
Сара! Гадер-гадер!
Сарил! Гале-гале-гале!
Си-дэ! Ихо-доо-донг!
Сун-дэ! Ихо-чо-о!

В хороводе, имеющем соревновательный смысл, сошлись вместе и стар и млад обоих родов и пошли кружить в убыстряющемся темпе, со временем переходя в скачущий галоп. После них, выдержав приличествующую моменту паузу, хороводный круг повели дойдарцы и дулгары. Они запели о первой чистой девичьей любви...»[44].

Конечно, те, кто в себе чувствует певческий импровизационный дар, способность к плавному грациозному танцу, стараются показать себя в полном блеске и много в том преуспевают, вызывая у людей справедливое чувство восхищения прекрасным. Вот, например, Миканга, парень во всем остальном посредственный. «Когда в сэдьэ начинает запевать он, вознесясь ликующим голосом на недоступную для других высоту, то даже самый что ни на есть захудалый человек принимается вторить ему самозабвенно, сам втихомолку удивляясь, откуда только у него взялся голос и появилась молодая прыть?»[45]. Да, действительно, завораживающий напев хороводного һэдьэ, сказочной живой водой окропляя души этого северного народа, пришел

в наше время из глубин седой старины и сейчас переживает свою вторую молодость.

«Дух земли» Платона Ламутского является первым романом в молодой эвенской литературе. Роман этот отвечает требованиям современного читателя. Взыскательный к себе автор свое эпическое произведение писал в течение долгого времени, буквально выпестовал. И не мудрено, что книга была встречена доброжелательно и читательской аудиторией, и специалистами.

В короткой статье об этом удивительном романе П.А.Ламутского многого, к сожалению, не скажешь. Мною сделаны лишь эскизные, отрывочные заметки, не претендующие ни на глубину, ни на всеобъемлющий охват темы. Надеемся, что исследователи скажут о первом эвенском романе свое веское квалифицированное слово.

К сожалению, этот роман для Платона Афанасьевича оказался «лебединой песней». У него было много творческих планов. Он горел желанием еще тщательней изучить фольклор своего народа, доискаться до глубинных исторических истин и написать на этой основе большую исследовательскую работу. Но за свой не очень продолжительный век он успел сделать многое. Его талантливые стихи, его роман, первая ласточка в эвенской литературе, в культуру народа вошли драгоценным вкладом и обретут бессмертие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1] *Платон Ламутский.* Күнү батыстым (Иду за солнцем).— Якутск, 1984.— С. 19.

[2] *Там же.*— С. 8.

[3] *Там же.*— С. 10.

[4] *Куннук Урастыырап.* Хатаппын саҕабын (Высекаю искру).— Якутск, 1979.— С. 123.

[5] *Платон Ламутский.* Указ. соч.— С. 44.

[6] *Там же.*— С. 11.

[7] *Там же.*— С. 11.

[8] *Там же.*— С. 3.

[9] *Там же.*— С. 44.

[10] *Там же.*— С. 17.

[11] *Там же.*— С. 22.

[12] *Там же.*— С. 40.

[13] *Там же.*— С. 9.

[14] *Там же.*— С. 46.

[15] *Там же.*— С. 17.

[16] *Платон Ламутский.* Һэдьэ дьиэрэйэр.— Якутск, 1975.— С. 27.

[17] *Платон Ламутскай.* Сир иччитэ. Роман (Дух земли. Роман).— Якутск, 1987.— С. 25.

[18] *Там же.*— С. 25.

[19] *Там же.*— С. 210

[20] *Там же.*— С. 210.

[21] *Там же.*— С. 291—292.
[22] *Там же.*— С. 292.
[23] *Там же.*— С. 261.
[24] *Там же.*— С. 293—294.
[25] *Там же.*— С. 285—286.
[26] *Там же.*— С. 289—290.
[27] *Там же.*— С. 156.
[28] *Там же.*— С. 119.
[29] *Там же.*— С. 118.
[30] *Там же.*— С. 45.
[31] *Там же.*— С. 77.
[32] *Там же.*— С. 149.
[33] *Там же.*— С. 151—152.
[34] *Там же.*— С. 184.
[35] *Там же.*— С. 184.
[36] *Там же.*— С. 191.
[37] *Там же.*— С. 193.
[38] *Там же.*— С. 194.
[39] *Там же.*— С. 221.
[40] *Там же.*— С. 205.
[41] *Там же.*— С. 206.
[42] *Там же.*— С. 294—295.
[43] *Там же.*— С. 171.
[44] *Там же.*— С. 172—173.
[45] *Там же.*— С. 173.

Д.Е.Васильева

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПОЭЗИИ В.ЛЕБЕДЕВА

Творчество лауреата Ленинского комсомола Якутии поэта и первого эвенского ученого Василия Лебедева стало неотъемлемой частью всей советской многонациональной литературы.

Предки В.Л.Лебедева до недавнего времени хорошо знали только письмена на белой бескрайней тундре — следы различных пушных зверей да птиц. Они не владели грамотой, не имели своей письменности и литературы. Только в 30-х годах нашего столетия появляются у эвенов свои первые писатели, своя литература, родоначальником которой был выпускник Института народов Севера в Ленинграде Н.С.Тарабукин.

В конце 50-х годов, как свежий весенний ветер, смело и стремительно вошел в эвенскую литературу молодой поэт Василий Лебедев. Его первый поэтический сборник «Омчэни» ярко засвидетельствовал, что появился самобытный талант, тонко чувствующий душу своего народа, дыхание своего времени и эпохи.

В.Д.Лебедев родился 20 декабря 1934 года в Догдо-Чебогалахском наслеге Момского района Якутской АССР, в одном из ущелий Верхоянских хребтов, на берегу речки Умбэ.

Ленинградское телевидение, готовившее передачу о В.Д.Лебедеве, образно заметило, что повивальной бабкой ему была зима, а купелью — пуховый, молочный снег, в котором его обмыла мать. И этот факт оказался символичным, ибо впоследствии все светлые устремления и помыслы поэта были тесно связаны с родной землей, с Верхоянским хребтом.

Родители В.Д.Лебедева — охотники-оленеводы долгие годы кочевали по Индигирской тайге. Отец его — Лебедев Дмитрий Степанович умер, оставив троих сыновей на руках их матери Неустроевой Евдокии Михайловны.

«Воспоминания детства поэта — пишет ближайший друг и жена поэта Ж.К.Лебедева,— связаны с волнующим образом родной природы: песцовый покров искрящегося снега, укутавший уснувшую землю, величавая лиственница, вечно юная и манящая к себе девственным ароматом хвои, и несущиеся ввысь к небу, к мерцающим звездам незыблемые горы — вот что осталось навсегда родным и бесконечно дорогим ему сердцу». Но самым незабываемым и ярким впечатлением детских лет для В.Д.Лебедева была встреча с талантливым педагогом и первым эвенским писателем Н.С.Тарабукиным. Николай Саввич, кочуя по бескрайним просторам тундры, учил детей и взрослых грамоте, старался пробудить у них любовь и тягу к знаниям. Он впервые познакомил их с творениями русских классиков в своем собственном переводе, экспромтом сочинял броские четверостишия — песни. Так будущий поэт приобщился к грамоте и изучал творчество корифеев литературы.

Самым значительным событием в жизни В.Лебедева был его первый приезд в Ленинград в 1951 году. Тогда он поступил на подготовительные курсы северного отделения Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена. В эти годы в институте преподавала эвенский язык крупный тунгусовед проф. В.И.Цинциус, которая заметила и развила творческие задатки юного Василия Лебедева. Первой пробой пера были переводы на эвенский язык таких книг, как «Мишка на Севере» С.Михалкова, «Встречи в тайге» В.Арсеньева, «Что такое хорошо и что такое плохо» В.Маяковского, «Домик на Курейке» К.Лисовского и другие.

Как вспоминал поэт позже, на его творческое и научное становление как поэта и ученого повлияли педагоги Н.С.Тарабукин и В.Н.Цинциус, а также город Ленинград — вторая родина В.Лебедева. И потому в своем творчестве поэт не раз обращался к городу своей юности, к городу своего поэтического вдохновения и творческой зрелости. Он с гордостью называл себя «ленинградцем из этих таежных краев и таежником с далекой Невы». Ленинграду он посвятил такие проникновенные слова:

Ты научил меня всему, что знаю.
Я взглядом в глубь столетий проникаю:
Я слышу гул истории самой;
Я смысл извечной жизни постигаю,—
И я теперь по праву называю
Тебя своею Родиной Второй![1]

(«Город Ленина»)

Сын оленевода, Василий Лебедев получил прекрасное образование в Ленинграде: в 1970 году закончил аспирантуру Ленинградского отделения института языкознания АН СССР и защитил диссертацию на ученую степень кандидата филологических наук.

Будучи студентом первого курса, он увлекался исследовательской работой: участвовал в научно-диалектологической экспедиции под руководством видного ученого Л.Д.Ришес; в 1959 году в трудах «Ученых записок» ЛГПИ им. А.И.Герцена появилась его первая научная статья. С тех пор В.Лебедев до конца своих дней регулярно занимался сбором полевых материалов на большом регионе северо-востока Азии. По итогам этих многочисленных поездок появились в свет два его фундаментальных труда: «Язык эвенов Якутии» (1978) и «Охотский диалект эвенского языка» (1982), вышедшие в Ленинграде. По утверждению специалистов филологов-эвеноведов, он был глубоким знатоком своего родного языка. Недаром его научные труды были посвящены изучению языка эвенов Якутии и Хабаровского края, Магаданской области и Камчатки.

Помимо изучения своего родного языка, культуры и литературы, он занимался и вопросами народного образования. Его перу принадлежат учебники и учебно-методические пособия по эвенскому языку. Незадолго до смерти В.Д.Лебедев совместно с К.А.Новиковой работал над усовершенствованием орфографии эвенского языка, результатом которого явились «Правила орфографии эвенского языка» (Якутск, 1980).

В основных трудах В.Д.Лебедева даются довольно полные представления о социально-культурной жизни эвенов, первые сведения об эвенском эпосе, эпических певцах и их сказительской школе. В приложениях к работе «Язык эвенов Якутии» даны образцы текстов эвенского эпоса «Мэнгун» и «Нелтэк» с научными комментариями. Они ценны в этнографическом отношении, ибо в них отражены черты мировоззренческих представлений эвенов, а также детали древнего быта, ныне не существующие.

Большой интерес представляет приложение к статье «К вопросу об эвенских заклинаниях-благопожеланиях». Записи В.Д.Лебедева дополняют фольклорно-этнографическую коллекцию В.Г.Богораза заклинаний-благопожеланий к духу-хозяину мест-

ности с просьбой сохранить и приумножить стадо оленей, о содействии в удачной охоте и рыбной ловле, пожелания жениху и невесте.

Поздняя научная статья В.Д.Лебедева — «Обрядовая поэзия эвенов». В ней затронуты теоретические аспекты фольклористики. Он полагал, что изучение обрядовой поэзии открывает исследователям перспективы в изучении не только собственно этнографических проблем, но и фольклорных, в частности, такой, как структурно- и сюжетнообразующая роль обрядовой поэзии во всей фольклорной системе[2].

Фольклорно-стилевые средства он успешно использовал в своем поэтическом творчестве.

Действительно, в нем удачно сочетались ученый и поэт. Когда он работал над научной статьей об обрядовой поэзии, его как поэта интересовали строй языка устного народного творчества.

Фольклор озаряет его с самого начала поэтического творчества. Первые стихи В.Лебедева вышли в журналах «Полярная звезда», «Дружба народов», «Дальний Восток», а первая книга стихов — в 1963 г., и называлась она «Омчани» по имени эпического богатыря. Старинные обрядовые песни, традиционная символика помогают высказать поэту больше, чем простое описание или закручивание замысловатого сюжета. Фольклор он использовал в творчестве, чтобы передать, «познать и осмыслить историю родного народа, не закрепленную письменными памятниками»[3].

Поэтом опубликованы десятки поэтических сборников на русском, эвенском и якутском языках. В центральных издательствах вышли сборники стихов «Белый олень» (1972, Л.), «Священный родник» (1974, М.), «Оран» (1982, М.).

Большинство его произведений, включенных в эти и другие сборники, пропитаны соками родной земли, запахом родной тайги, согреты чутким сердцем поэта-северянина, национально самобытны и художественно оригинальны. От стихотворений В.Лебедева веет бескрайней тундрой, сказочным Севером, пространством, белым снегом, оленьим бегом. И даже сердце поэта «стучит... в ритме оленьего бега, в ритме дождей, в ритме старинных песен»:

Рвалась и металась
Живая душа,
В дорогу,
В дорогу,
В дорогу,—
Спеша!
Стремглав,
Как стрела,

Я по свету летел,
Считая, что это
И есть мой удел...
В родные края
Возвратился я вновь.
Здесь в чаще косматой
Бормочут ключи.
Здесь жизни начало,
И свет, и любовь,
Здесь песня родится,
Как месяц в ночи.
(«Мой путь»)[4]

Да, действительно, с каким душевным трепетом он возвращался в родную Мому, мы можем представить себе, прочитав следующие строки:

Лечу я в пространстве высоком,
Гляжу — не могу наглядеться.
Лечу я к далеким истокам,
Лечу я к забытому детству
(«Лечу на Мому»)

«Просторы родные, мое Верхоянье»— с любовью и нежностью он называл свой отчий край. Здесь он черпал темы для своего поэтического вдохновения, здесь он изучал язык и фольклор родного народа:

В дремучей тайге
Родилось мое слово
В горах Верхоянских
И в тундре песцовой.
Они в моем слове —
Жизнь и основа,
И к ним возвращаюсь
Я снова и снова[5].
(«В дремучей тайге»)

Образ родных мест появляется в стихах В.Лебедева «как бы помимо воли поэта. Вот его сравнения: «длинную эту дорогу я, словно аркан, мотаю», «мчится ручей несоленый, как молодой олененок», «У зимы охотничий глаз», «звезда в небе — шаманский бубен», «отроги гор, как скаты нарт»... Описывая тайгу, Лебедев только в ней черпает материал для своих образов,— пишет Татьяна Бек на страницах «Литературного обозрения»[6].

Но в этом милом сердцу поэта уголке земли, где «замерзает здесь птица порой на лету, замерзает здесь зверь на бегу» не останавливается жизнь ни на минуту и даже «заклубившийся сумрак ночей» отогревается от теплых человеческих рук:

Пусть бушуют бураны
В безумстве своем
Девять месяцев долгих в году,
Но прекрасней этих
Суровых краев
Я краев никогда не найду!
Ни награды,
Ни славы не требую я
Только бы смене метелей
И вьюг
Замечать, как теплеет родная земля
От тепла человеческих рук!

В.Лебедев в своих произведениях создает портреты тех людей, которые отогревают своим горячим сердцем и трудолюбием этот суровый край. Они по стойкости духа, мужеству не уступают природе, породившей их:

Человек похож на край,
где вырос!
Где глаза свои открыл
впервые.
Так и я живу на белом
свете
Поверяя душу Верхояньям...
Я приучен севером суровым
Скуке и хандре не поддаваться
Месяцами ждать свою удачу,
В пляску солнца веры не терять.
(«Ждать весны»)

Лирический герой произведений Василия Лебедева — это думающий герой, человек активной жизненной позиции, а не простой созерцатель жизни. Его раздумья о смысле жизни, о высоком назначении человека, о месте поэта в трудовом строю глубоки и философичны:

...Лишь движение жизни основа,
Лишь в пути обретаем себя мы!
Так к чему же пустая тревога?
Пусть падем мы бойцами на марше,
Но останется наша дорога
И другие пройдут ее дальше!
(«Дорога»)

Поэт не замыкается в узконациональных рамках. Для него Якутия и Россия, Якутск и Ленинград были как единое целое. С ними он был связан тысячью нитей, душой и сердцем. И потому ощущение единства, слитности со всей советской страной красной нитью проходит через все творчество В.Лебедева. Его поэзия проникнута чувством глубокого братства и любви к великому русскому народу. Об этом мы можем прочитать в стихотворениях из ленинградского цикла:

Здесь навсегда сдружился я
С великим русским языком —
И с целым миром стал знаком,
Признав законы бытия.
Как мне тебя благодарить,
Вторая родина моя!
И, обновлен, в тайгу свою
Я возвращаюсь каждый раз.
И там, на Севере у нас,
Я щедро людям раздаю
Твои подарки: знаний свет,
Улыбку добрую твою!

(«Город Ленина»)

Лирический герой В.Лебедева — это истинный патриот и интернационалист. Так, в стихотворении «У памятника Родине-матери» мы читаем:

На Кургане ночном
Я стою у живого огня,
Это свет деревушек
Российских,
Кавказских аулов.
Свет тордохов
В нем вижу я...
Не один, не один
Я сегодня поднялся сюда —
Верхоянские горы со мной
В легкой дымке тумана
И тяжелая волжская
Мерно струится вода
И бессмертной волной
Омывает подножье Кургана.

(«У памятника Родине-матери»)

Мир, который предстает со страниц поэтических сборников В.Лебедева, привлекает читателей полнотой чувств, убеждением в неразрывности судеб советского народа и всего человечества. Лирического героя одинаково волнуют и судьбы родной земли, и судьбы всей вселенной. И потому чуткая душа поэта улавливает тревожный гул истории и пульс самой жизни:

Очень трудно об алмазе говорить.
Всем людям бы этот камень подарить,
Чтоб щедро он повсюду засверкал
И по свету разноцветье расплескал,
Чтобы радугою радость расцвела
Там, где жизнь еще грустна и тяжела!

(«Якутские алмазы»)

Через глубоко национальное поэт сумел выразить передовые тенденции современного мира, воспеть многокрасочный мир бытия человека:

Давно уже всюду
Поднялись дома.

Давно в них уже
Перебрались эвены.
Теперь понапрасну
Лютует зима,
Пургой налетая
На крепкие стены.
И все-таки пусть
Этот древний тордох,
Хотя он уже
Никому и не нужен,
Стоит возле дома.
Ведь тоже, как мы,
Спасал он когда-то
Эвенов от стужи.

(«Тордох»)

В произведениях В.Лебедева мы находим не только гражданскую лирику, но и любовную. Через глубоко личное поэт передает типичное, человеческое, которое способно волновать думы и сердца людей любой национальности. О своей любимой поэт пишет:

Друзья мои, веселые друзья,
Есть девушка — одна на целом свете
О, как горда красавица моя!
Лишь для нее пою я песни эти.
Как голосиста, длинноволоса
Румяная красавица моя!
Друзья мои, не знаю, почему,
Любимую мою я вижу редко,
О, как увижу, глаз не подыму
И для меня тесна грудная клетка[7].

Мысли о любви тесно переплетаются с философским раздумьем над жизнью и судьбой родной природы. Здесь и тревога за будущее родного края и вера в могущество человека. Какой огромной, от души идущей теплотой и нежностью проникнуты следующие строки поэта:

Даже кажется мне, что любовь
Между людьми как-то связана с тем,
Что на свете так много цветов,
Щебетанья и пения птиц,
Плеска рыб и сияния волн...
Не наступит ли время, когда
В Красной книге запишут — Любовь.
Пусть цветет все живое, поет
И хранит нас от множества бед.

(«Раздумье о природе»)

Во многих произведениях последних лет мы видим, как отражается жизненный опыт, эмоциональное состояние, общественная атмосфера в художественных образах, художественном мышлении поэта. Об этом сам поэт писал так: «Писатель должен в первую очередь повидать, пожить, передумать и, может

быть, пострадать, прежде чем его голос начнет сердце тревожить»[8].

Пусть дорога порою сурова,
Пусть измучат заносы и ямы,
Лишь движение — жизни основа,
Лишь в пути обретаем себя мы!

(«Дорога»)

В реальной жизни поэт, являясь представителем так называемого нынче обманутого поколения, видел и чувствовал разрыв между делом и словом и потому его порой мучили печальные думы:

Бывает, что годы, намокнув,
Сочатся дождями,
Сочатся слезами
Мучительной горести нашей,
Бывает, что годы
Метелью проходят над нами,
Лицо опаляя нам
Стужей своей леденящей.

(«Связь времен»)

Хотя боль, горечь, тревога иногда просачиваются в поэзию В.Лебедева, но в основном поэт настроен оптимистично, будущее рисуется в светлых тонах, хотя путь к нему не устлан цветами:

Много горных потоков
Еще мы увидим в пути,
Мы еще не одни
Проберемся ущельем скалистым.
Друг, поверь, в этой жизни
Всего нам в достатке дано —
И любви, и тоски
И мечты, и высокой свободы.

(«Дни и ночи»)

Размышляя над нелегким опытом прошлого и настоящего, абстрагируясь от жизненных сложностей, В.Лебедев в поэме «Память» подчеркивает, что право гражданства имеет только высокое искусство.

Сказитель,
Ну где ты теперь?
В подземном ли,
В верхнем ли мире?
Так где же ты теперь,
Отзовись.
Но длится и длится
Молчанье.
Как быстро
Уносится жизнь!
Как кратки
Земные свидания!
Но стоит ли мучиться тут?

Мы все преходящи на свете
Лишь песни живут и живут —
Бессмертны,
Как небо и ветер!
(«Память»)

Итак, в поэзии В.Лебедева мы чувствуем «единство лирико-гражданской тематики,— как он сам говорил в докладе на III совещании молодых писателей народностей Севера Якутии,— вытекающее из глубокого и обширного русла сыновней любви к Родине, из привязанности к родному краю, которая вовсе не лишает каждого из нас своего поэтического голоса. Иначе говоря, общий поэтический потенциал как бы растекается по многочисленным рукавам большой реки поэзии.

Вот тут-то и открывается простор для творческой индивидуальности, тут-то и выявляются характерные особенности подхода к теме, образного строя, использование тех или иных поэтических средств»[9].

У Лебедева «северное» видение мира далеко от экзотичности. Знание духовной культуры народа, его фольклора помогает поэту посредством традиционных образов и сюжетов проложить дорогу к сердцу и уму своих читателей.

В поэме «Память» лирический герой у могильного холма своих предков глубоко задумывается о прошлом и настоящем своего народа, задумывается над судьбой отдельной человеческой личности, о судьбе поэта, выразителя дум и чаяний народа.

Поэтические образы, лежащие в основе народных сказаний, придают произведениям В.Лебедева неповторимый колорит и раскрывают своеобразный духовный мир поэта, его мироощущение и настрой души. Поэт на своем круторогом олене мысленно скачет по бесконечным пространствам и слышит и видит, «как гнулись под тяжестью бед веками далекие предки». А затем его взор устремляется в век резни и битв:

В таежные дебри мои
Несчастные предки бежали,
Пусть нищий —
А все же не раб!
Разбитый —
Но непокоренный!..
Гонимые злобой врага
Они уходили тайгою
Туда,
Где буран и пурга
Бушуют над мерзлой землею.
(«Память»)

Поэт говоря «о сраженьях жестоких, о схватках в далекие дни», подчеркивает скоротечность человеческого бытия и бес-

смертие только добрых и светлых начал, которым «не страшен времени шквал».

Дальнейшие поиски более глубокого художественного постижения действительности мы замечаем в его крупном эпическом произведении «Охотник и шаман». В этой поэме мы находим противоборство добра и зла, любви и ненависти. Сюжеты и образы поэмы, основанные на фольклоре, хорошо передают особенности национального характера, условия жизни, нравственные и эстетические воззрения широких народных масс. В поэме, в которой сосуществуют фантастическое и реальное, отражены доброта и щедрость души трудового народа, жадность и тупость представителей имущих классов. В ней ощущается тесная связь прошлого и настоящего, старого и нового. В ней в центре внимания — сегодняшние проблемы, вечные проблемы добра, зла и высокой нравственности. Гражданская страстность проявляется в самой трактовке образов и форм поэтической образности. Образ смелого, отважного охотника Сэркэни нарисован светлыми красками, все симпатии автора на его стороне:

И смел, и ловок,
И добр, и честен!
Всех оделяет
Добычей щедро.
(«Охотник и шаман»)

А шаман Байды, от которого «все исходят беды», ленив и глуп. А лицо его:

Не видеть лучше!
Налилось кровью:
Глаза безумны,
Оскалясь волком,
Слюною брызжет...
(«Охотник и шаман»)

Этот хитрый шаман очень жаден и жесток. Путем лжи и обмана он увозит людей с прежнего становья и объявляет охотника Сэркэни душевно больным. Темный, забитый народ верит в чары шамана, его заклятьям. Однако в конце поэмы охотник одерживает победу над шаманом, добро торжествует над злом. Жестокая правда прошлого, отраженная в поэме, способствовала утверждению светлого и доброго начала. В конце поэмы особенно ярко передается идейно-эстетический пафос произведения:

Пусть у костра теперь шаман
В свой бубен не забьет,—
Но все идет еще идет
Война добра и зла!
Покуда в стороне любой —
Еще вступают с правдой в бой
Коварство и обман!
(«Охотник и шаман»)

Таким образом, в таких крупных поэтических произведениях В.Лебедева, как «Память», «Охотник и шаман», дореволюционный и современный мир эвенского народа отражаются в социально-философском ключе, в совокупности разных сторон человеческого бытия, в их диалектическом развитии.

В вышеупомянутых и других произведениях поэт творчески использовал устную народную поэзию, обогащая и обновляя ее содержание и образы. Так, в стихотворении «Белый олень» поэт пишет о добрых традициях своего родного народа — о почитании белого оленя — священного животного северных народов.

Долго живет белый олень
И умирает сам.
Счастье несет его смертный день
Невестам и женихам.
Если со свадьбой тот день совпадает —
Будет счастливым брак,
Будет младенец от зла огражден,
И не угаснет очаг.
Легенду, что слышал я в давние годы,
Мне не забыть и в последний день:
Ведь для поэта преданья народа —
Тоже белый олень!

(«Белый олень»)

Именно в фольклоре родного народа он черпал меткость слова и мудрость народную и поэтому для него «преданья народа»— «белый олень». Мифологические образы в поэзии Василия Лебедева помогают шире показать самобытную историю народа, выразить народное понимание красоты и добра, раскрыть сокровенные мечты и помыслы.

В.Лебедев пишет «белым»— нестрофическим стихом. Меткость и лаконизм объясняются в некоторой степени максимальной сконцентрированностью мысли в одной строчке. По воспоминаниям его друзей и близких, В.Лебедев любил японскую поэзию, у которой учился кратко и емко выражать свои мысли, главную идею своих произведений.

Стихи В.Лебедева глубоко эмоциональны, отличаются богатством бытовых и психологических деталей, в которых он раскрыл самобытный духовный мир северянина и своеобразный мир его бытия. Его лирика тяготеет к повествовательности и масштабности, в ней взаимодействуют тема современности и истории народа и потому она обладает сильным гражданским темпераментом.

Ныне в писательском активе поэта более десяти поэтических сборников стихов и поэм, написанных на эвенском, якутском и русском языках. Кроме того, некоторые его лучшие произведения переведены на английский, французский, немец-

кий, испанский и др. языки. Теперь наследие эвенского поэта Василия Лебедева звучит на тринадцати языках народов мира.

Как глубокий знаток родного языка, культуры и литературы, он вел большую общественную работу, был редактором и составителем пятнадцати сборников эвенских поэтов и писателей, репертуарных, эстрадных сборников и учебно-методических пособий.

Василий Лебедев внес ощутимый вклад в дело становления и развития литературы малочисленных народов Якутии. Он был членом Совета по работе с молодыми писателями народностей Крайнего Севера при Союзе писателей РСФСР, ряд лет руководил объединением молодых писателей Севера Якутии, был неоднократным делегатом больших писательских съездов и форумов страны. Всем сердцем и душой болел за литературу народов Севера: эвенов, эвенков, чукчей и юкагиров, всегда поддерживал первые свежие ростки талантов из народа, пишущих на родных языках народов Крайнего Севера.

Чуткое доброе отношение старшего товарища испытывали на себе эвенские писатели Василий Кейметинов, Егор Никулин, Христофор Суздалов, Андрей Кривошапкин, юкагирские писатели-братья Куриловы и др.

В одном из своих выступлений Василий Дмитриевич говорил: «Мы служим советскому народу. У нас есть все возможности работать вдохновенно и одухотворенно, наш долг — поднять свою литературу на еще большую высоту»[10]. Такой прекрасной мечтой и возвышенной целью горел Василий Лебедев.

Каждый истинный талант неповторим. Неповторим поэтический мир и Василия Лебедева. Из увиденного и пережитого поэт создавал свой самобытный поэтический мир, в котором он вдохновенно воспевал Якутию, особенно Крайний Север.

В одном из последних стихотворений В.Лебедев писал: «Я всегда шел дорогой правды и добра». Эти слова ярко характеризуют прожитую им короткую, но яркую, содержательную жизнь, характеризуют его как прекрасного человека, как истинного художника и гражданина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1] *Лебедев В.* Оран: Стихи и поэмы / Пер. с эвен. Г.Фролова.— М.: Современник, 1982.— С. 42.

[2] *Лебедев В.Д.* Обрядовая поэзия эвенов // Полярная звезда, 1982.— № 4.— С. 121.

[3] *Нижегородцев Ал.* Василий Лебедев. Оран. Стихотворения и поэмы.— М., 1982. Пер. с эвен. Г.Фролова // Звезда, 1983.— № 1.— С. 205—206.

[4] *Лебедев В.* Священный родник: Стихи и поэмы / Пер. с эвен. М.Шаповалова.— М.: Современник, 1974.— С. 40.

[5] *Лебедев В.* Родная тундра: Стихотворения и поэмы / Пер. с эвен. М.Шаповалова.— М.: Сов. Россия, 1985.— С. 35.

[6] *Бек. Т.* Как радиус от центра круга // Литературное обозрение, 1975.— № 3.— С. 50—51.

[7] *Лебедев В.* Песня о любимой / Пер. с эвен. В.Павлинова // Дружба народов, 1966 — № 9.— С. 150.

[8] *Лебедев В.* Достояние. Навстречу VII Всесоюзному совещанию молодых писателей // Литературная учеба, 1975.— № 5.— С. 25.

[9] *Лебедев В.* Капли солнца — строчки стихов. (По матер. докл. на III совещании молодых писателей народностей Севера Якутии) // Полярная звезда, 1970.— № 5.— С. 128.

[10] *Лебедев В.* Умение ценить добро // Новые горизонты якутской литературы.— Якутск, 1976.— С. 155.

Г.С.Сыромятников

РОМАНЫ С.КУРИЛОВА

В политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии указано, что «наша литература, отражая рождение нового мира, вместе с тем активно участвовала в его становлении, формируя человека этого мира — патриота своей Родины, подлинного интернационалиста»[1].

Современную многонациональную литературу составляют литературы: развитые, с многовековым опытом (русская и др.), младописьменные, возникшие в условиях революционной ситуации в России начала века (в их числе якутская) и новописьменные, рождающиеся в результате культурной революции в СССР (юкагирская, эвенская, эвенкийская и др.). Вдохновитель и организатор единения советской социалистической литературы великий Горький с глубоким интересом и вниманием следил за возникновением и ростом молодых литератур.

В приветствии литераторам Сибири в 1928 г. М.Горький подчеркивал, что русский рабочий народ, действительно, объединяет всех иноплеменных людей в одном великом деле — в творчестве новых форм жизни... Идет процесс взаимного обмена свойств и качеств, создается тип нового человека... Россия дает миру великий урок, показывая, как надо соединять разнородное в единое по духу, по цели». «Все великое начинается с малого,— писал он,— ничтожен объем зерна, из которого вырастает могучий сибирский кедр». И назвал прекрасным чувство жажды пламенной свободы, вложенное П.Ойунским в поэму «Красный шаман», горячо сочувствовал идее поэмы А.Софронова «Ангел и Злой дух»—«расплодить по всей земле бесконечное добро». «Злой дух у Софронова — это дух жадности и зависти, враг мирного труда, и этот, по глубокому истолко-

ванию Горького, злой дух жизни, капитализм Европы, в страхе потерять навсегда свою власть над рабочим народом способен разжигать племенное и расовое различие людей до ненависти, уничтожающей их», как это было в мировую войну[2].

В августе 1928 года Горький в беседе с якутским литератором А.Бояровым и русским поэтом Якутии П.Черных-Якутским заметил, что якутская литература развивается односторонне, давая пьесы, стихи и поэмы, и пожелал развития в ней рассказа, повести и романа. Он пригласил якутских литераторов принять участие в издании создаваемых им «Альманахов», содержанием которых должны служить художественные произведения национальных меньшинств, переведенные на русский язык и показывающие культурный рост национальных республик и областей, а также журнала «Наши достижения», призванного освещать колоссальные успехи Советского Союза в хозяйственном и культурном строительстве.

М.Горький добивался того, чтобы народы Севера «почувствовали и поняли, что перед ними другой мир, не тот, который отрицал их, в котором они жили слепо и немо, и что этот новый мир требует их участия в строительстве. Теперь, когда они начинают учиться свободно говорить, их голоса скорее и ясней донесутся до соседей, еще слепых и немых»[3]. По свидетельству А.Коптелова, М.Горький отводил русским писателям Сибири роль организаторов литературного развития Севера:

— Вы, сибиряки, должны помогать писателям малых народностей, край, у вас многоязыкий. Юкагир один хорошую книгу написал — «Жизнь Имтеургина-старшего». Я приехал домой со съезда, взял посмотреть и прочитал всю. А в книге страниц 150. Хорошая! До двух часов ночи читал. И поражался: огонь добывают деревянным сверлом! Вот тебе и начало двадцатого века, века электричества, радио!.. Так было недавно... А как там все описано! Совершенно неизвестная жизнь открывается перед читателем...»[4].

Это была повесть первого юкагирского писателя и ученого Н.Спиридонова — Тэки Одулока, высоко оцененная также А.Толстым, А.Фадеевым и С.Маршаком. Сборники стихов «Песни тайги» (1936) и «Полет золотой девушки» (1937), повесть «Мое детство» Н.Тарабукина основали эвенскую литературу, а стихи А.Платонова 1937—1938 гг.— эвенкийскую.

Новописьменные литературы народов Севера прочно опирались на опыт литератур социалистического реализма, бурно развивающихся в Советском Союзе, прежде всего — русской. И потому они сравнительно легко и быстро овладели искусством художественного переосмысления автобиографических и устно-поэтических данных для отображения складывающихся со-

циалистических отношений между людьми, для изображения новых черт их характера. Глубокое постижение хода исторического развития родных народов обусловило появление романов и у народностей Севера Якутии.

Ярчайшим представителем новописьменной романистики стал Семен Николаевич Курилов, автор широко известных романов «Ханидо и Халерха» и «Новые люди».

На одном из заседаний Пятого Всесоюзного совещания молодых писателей (1969, апрель) первый секретарь правления Союза писателей СССР Георгий Марков, руководивший семинаром, объявил:

— Сегодня родился новый советский писатель Семен Курилов!

Рецензируя в «Литературной газете» обсужденный на том совещании и напечатанный тогда же на русском языке роман «Ханидо и Халерха», один из старейших русских советских писателей Ефим Пермитин, тоже руководивший семинаром, писал:

«Семен Курилов приятно поразил нас живостью, образностью своего рассказа, зоркой наблюдательностью, прирожденным юмором... Встреча с Семеном Куриловым — писателем и человеком — стала праздником для семинара... Семен Курилов, пришедший в литературу, с огромным багажом наблюдений, впитанных с детства, словно удачливый старатель, намывает из золотоносной реки жизни слитки самородков»[5].

«Золотоносная река жизни» — вот исток вдохновения и долговечного творчества юкагирского писателя Семена Курилова, талант которого столь ярко сверкнул под ясным солнцем, увиденным над головой его маленького народа, как говорил писатель, «совсем недавно, каких-нибудь полвека назад».

С малых лет купался Семен в этой реке народной жизни. Ему еще и шести лет не исполнилось — отец посылал его в тундру на ночь стеречь оленей. «Кричи, пой всю ночь,— наказывал отец,— чтобы волки слышали тебя и не нападали на стадо. А если будет страшно, вот тебе спички, зажигай сухой мох»[6]. Когда умер отец, Семену было 17 лет, и он стал главой семьи. Мать старалась дать детям какое-либо образование, но Семену было не до учебы: окончил всего 7 классов и все остальное, что требуется в современной жизни и затем для большого писателя, он постигал сам.

Рыбачил, охотился, пас колхозных оленей, был монтером, радистом, киномехаником, секретарем сельского совета, инструктором районного отдела культуры, корреспондентом межрайонной газеты. Изъездил бескрайнюю родную тундру вдоль и поперек, знал каждого юкагира в лицо, владел пятью языками,

что давало ему бесценную возможность свободно общаться с соседними народами. Таковы «университеты», такова многотрудная жизнь Семена Курилова, вырастившая из него всесоюзно известного писателя-романиста.

Мы, конечно, далеки от того, чтобы воспевать хвалу тяжкой и бездольной жизни бедняков, сыновьями и дочерями которых мы являемся, свободны от ностальгии по безвозвратно ушедшей юности, наполненной трудом и заботами. Однако не следует забывать и того, что целостное постижение жизни людей ее родовой и национальной первозданности с ее здоровым и рационалистическим народным миросозерцанием всегда служило редкостным источником художественного творчества и через него, именно через это художественное творчество, обогащало все новые поколения исторической и эстетической памятью, позволяющей лучше и глубже понимать современное. В этом, как известно, нестареющее значение «старых» произведений литературы и искусства или произведений о старом, если они по-настоящему высокохудожественны и талантливы. «Миф, легенда,— пишет известный советский литературовед Лев Якименко,— обогащают нас не только историческим опытом, но и глубиной эстетического переживания. Для ряда молодых литератур фольклор не окаменевший, застывший в неизменной форме поэтический памятник, а живая реальность, характеризующая мышление и миропонимание героев»[7].

Замечательно, что Семен Курилов застал данную фольклорную и историческую реальность, но ему надо было быть именно Семеном Куриловым и никем другим, чтобы на основе этой реальности воссоздать качественно новую, художественную реальность — свой знаменитый роман. Это удача и счастье юкагирской и всей советской литературы, что родившийся и выросший в наше время Семен Курилов смог зафиксировать один из важнейших моментов в истории человечества: крушение мифологического сознания, вызванное социально-экономическими преобразованиями жизни народа. Борьба против шаманов в романе становится «одним из проявлений великой исторической битвы разума и слепой веры и фанатизма» (Л.Якименко).

С.Н.Курилов оказался подготовленным к блестящему выполнению этой художнической миссии всем укладом нашей советской действительности, подлинно братскими отношениями между народами нашей страны, бережным ленинским отношением к их культурному наследию, превратившимся в добрые традиции. Справедливо завидовал американский писатель Фарли Моуэт советскому юкагирскому народу из 460 человек, уже выдвинувшему из своей среды и писателя, и ученого, тог-

да как 10-тысячный народ Аляски не смог дать хотя бы одного писателя.

С.Курилов оказался способным воспринимать мифологические и исторические предания своего народа из уст любившего рассказывать отца не как обычный слушатель, но как поэт, художник, умеющий в другое время перерассказать это отцу в переиначенном виде, за что снижались его оценки по сравнению с теми, кто более точно излагал услышанное, как того требовал строгий отец. Сверстники вспоминают, как Семен удивлял их в томительные врмена пастьбы оленей рассказами о необычайных приключениях, которые будто бы случались с теми или иными односельчанами, а на проверку оказывалось, что это лишь весьма правдоподобные выдумки.

Тут и повстречался Семену добрый русский человек, редактор районной газеты, бывший комсомольский работник, фронтовик, Михаил Сучков, который заставил Семена впервые в 1956 году написать в газету заметку о том, как в поселке строили школу и клуб. Это он приохотил будущего писателя к сказкам и легендам, к чтению, к литературе. С.Н.Курилов вспоминал: «Вот с этого, собственно, все и началось... А потом сказал ему (Сучков ему): Пиши очерк. А что такое очерк?.. Читал и запоем, и чем больше читал, тем ярче становилась наша тундра, Россия ширилась до самого далекого океана».

Первой книгой, прочитанной Семеном после букваря, была «Весенняя пора» Н.Е.Мординова, правда, узнанная читателем позже, ибо книга была без начала и конца, оставленная в тордохе кем-то из колхозного начальства. И Семен с братом Ганей, Гаврилом Николаевичем — Улуро Адо, старались придумать, чем бы кончилась книга.

Вот уже зачатки писательства.

Как-то сказали люди, что приехал к ним настоящий писатель, и Семен побежал, чтобы увидеть писателя наяву: «Рядом с трибуной он ходил. Руки за спиной. Ветер полы длинного пальто полощет. Холодно было. А он ни ветра, ни холода не замечает. Думал о чем-то, стихи, наверное, сочинял... Потом он первый вызов мне на семинар молодых подписал, первым с выходом романа в свет поздравил». Это о Семене Петровиче Данилове, который в свое время открыл талант С.Курилова и давал ему затем свои веские рекомендации и напутствия в большую литературу. Это о нем Семен Николаевич писал потом, в 1977 году: «...о хорошем и бескорыстном якуте наши предки говорили: Якут с солнечным сердцем. Такое определение я давно отношу к Семену Данилову, который не только своей большой поэзией, но и исключительной человечностью, своим добрым сердцем согревает тех, кто охладевает к жизни, освеща-

ет своим ярким светом тех, кто слепо смотрит на мир, в минуту отчаянья»[8].

С.Н.Курилов был человек даровитый, по-настоящему восприимчивый, принимающий близко к сердцу все происходящее, впечатлительный и благодарный. Вспоминается с особенной теплотой и радостью, как он в последних числах ноября 1976 года был до глубины души взволнован, будучи принят Георгием Марковым, обласканный и окрыленный им на новые творческие дела.

Даровитость Семена Курилова всецело проявилась, конечно же, в его литературно-художественном творчестве. Его творческий взлет был в общем легким и стремительным. Начал он печататься в 1961 г. Первый его рассказ «Увидимся в тундре» был включен в сборник издательства «Молодая гвардия» «От Москвы до тайги одна ночевка». Он уже взялся за роман, который, как говорил потом автор, писался быстрее и легче, чем следующая его часть, хотя он тогда будто и не знал, что такое композиция и другие премудрости романа. Его редактор Ямиль Мустафин вспоминал, как в 1966 г. С.Курилов пришел к нему в издательство и сказал: «Вот я написал роман... Я без денег... Мне нужен договор... Ночевать негде,— волнуясь продолжает Курилов и отдает свернутые в трубку плотно исписанные фиолетовыми чернилами листки из ученической тетради... Каково же было удивление, когда я прочитал дома сырую рукопись начала будущего романа. Я читал с упоением и не верил своим глазам. Рукопись захватила меня»[9].

Отрывок из романа в 1969 г. был напечатан «Литературной газетой», в том же году, как известно, роман был издан, автор — принят в члены Союза писателей СССР. Роман «Новые люди» был выпущен на русском языке в 1975 году. И автору романов была присуждена Государственная премия им. П.Ойунского Якутской АССР в области литературы.

«Ново и отрадно,— говорил народный писатель Н.Е.Мординов 12 мая 1972 года в речи на открытии Дней литературы и искусства Якутской АССР в Башкирии,— что появляются весьма даровитые молодые писатели не только из якутского народа, но и из других народностей Якутии. Роман «Ханидо и Халерха» Семена Курилова — представителя юкагирского народа, численность которого едва превышает 400 человек, за два года трижды издан в Москве массовым тиражом»[10].

Роман «Ханидо и Халерха» вызвал впечатление феноменального открытия, было опубликовано множество радостных откликов и рецензий. Роман лег в основу глубоких научных выводов советских исследователей, изучающих пути становления и развития советских литератур, природу фольклоризма в них.

Рецензенты в один голос отмечали богатство содержания, «живопись словом», художественную пластичность в романе, насыщенность его верными художественными деталями: автор умеет не только рассказывать, но и показывать, и волшебством его художественного слова неизвестное становится знакомым и очевидным, далекое — близким, чужое — родным. Писатель подводит читателей к коренному вопросу: где же выход? где найти счастье? Не найти было счастья в старой дореволюционной тундре.

Книгу С.Курилова населяют не дикари, а личности, ибо в родовом обществе были примитивными лишь орудия производства, но отнюдь не душа, не ум, не характер, не чувства. Герои романа не являются только жертвами беспросветной жизни, они раскрывают нам, какие незаурядные духовные силы таятся в недрах маленькой народности. Пурама воплощает в себе лучшие национальные черты народа — доброту, ум, честность. Он труженик — всем своим обликом, мыслями и поступками, произносимыми словами. Богат характер Пайпаткэ с ее безудержными мечтами, сильными чувствами и бурной непримиримостью. Куриль терпит поражение, ибо народ еще не был исторически готов к тому, чтобы отринуть веру и обычаи предков. «Драматическое противоречие, драматическая коллизия, но она точно характеризует историчность мышления автора, его понимание социальных условий бытия народа. Не быт интересует писателя, а исторический смысл народного бытия» (Л.Якименко).

«Сплав культур, национальной и мировой, чувствуется у Курилова за каждым словом и мыслью... каждая фраза отточена, ясна, не загружена тяжеловесной образностью»,— писала Кира Ткаченко[11]. Здесь и результат крепкого творческого содружества автора со своим переводчиком Романом Палеховым, которому роман пришелся по душе до такой степени, что он откладывал всякую другую свою работу.

Роман переведен, кроме русского, на латышский, якутский языки, отдельные главы появлялись на английском, немецком, французском, болгарском и чешском языках. Инсценировка романа принесла успех Якутскому драмтеатру.

«Первый роман представителя небольшого юкагирского народа... С.Курилова «Ханидо и Халерха» напоминает искусную чеканку,— писал известный советский литературовед Георгий Ломидзе,— Писатель обладает незаурядной изобразительной силой. Он любит рисовать густо, выпукло, сосредоточивая свое внимание на обнажении затаенных сторон человеческих взаимоотношений, сложных и своеобразных в условиях тундры»[12].

Роман «Новые люди» заканчивается 1922 годом,— рассказывал автор,— Ханидо и Халерха действительно, становятся новыми людьми. Ханидо бросает шаманство и едет учиться, его жена Халерха тоже чувствует близящиеся перемены... Первые порывы революционной бури уже долетели до берегов Колымы, в тундру... Над второй частью романа работал пять лет»[13].

Противоречия и конфликты романа порождены периодом обращения юкагиров и соседних с ними народностей в христианскую религию. Этот переломный период осложнен в данном случае началом первой мировой войны, усугубившей народные бедствия и увеличившей число противников царского строя, которых теперь стали ссылать и на Колыму. В среду северян проникают слухи, что скоро будет «хороший русский царь», Ленин, и он «облегчит жизнь всех людей тундры».

«Этнографизм» в романе «Новые люди» вызван заботой автора рассказать о былых бедах и несчастьях людей. Нельзя читать без содрогания страницы, где описаны мор и голод, муки и страдания, где изображено отчаянное единоборство человека с суровой природой. Но человеческое в этой борьбе всегда побеждает. Народность позиций писателя проявляется, прежде всего, в четких оценках героями романа и властелина тундры Куриля, которому «толстый живот мешает» помогать людям, и бога, который «не умеет наказывать зло», и русских ссыльных, перед иным из которых «наш Друскин пень». Разные «новые» люди у героев романа: Куриль, например, «двадцать три снега» думает о том, чтобы новым юкагирским головой стал ученый человек Косчэ-Ханидо и чтобы помогал ему и служил богу свой поп, «новые» у парней те умные и образованные люди, о которых теперь везде говорят; вероятнее всего, станут «новыми» все обездоленные и недовольные на стойбищах.

В повести «Встретимся в тундре» С.Курилов показал нам уже действующих «новых», современных людей, ставших подлинными хозяевами тундры.

В произведениях, основанных на фольклорном материале, с глубоким пониманием переведенных на русский язык А.Гринесом, С.Курилов исходил из того, что «корни сказочного цветка ушли в далекое прошлое, а тонкие стебли с нежными соцветьями тянутся к солнцу сегодняшнего дня». Воссоздавая красивые и печальные юкагирские легенды о Ярхадане, он проводит идею, что равнодушие и одиночество еще никого не сделали счастливыми, что — вопреки старым поверьям — не имя предопределяет будущее человека, но что имя, всякое имя, надо беречь в чистоте. Легенды в произведения укладываются так,

чтобы одна опровергала другую и чтобы все они были превзойдены былью и действительностью.

У С.Курилова есть новелла «Костры мира», построенная на народных поучениях: «Хорошо погреться у костра доброго человека, но лучше иметь собственный и приглашать людей к себе»; «Человек не может считаться мертвым, если зажженный им огонь продолжает гореть».

И мы сегодня уверенно говорим, что костер Семена Курилова хорошо греет и светит и что будет еще долго-долго гореть на радость людям, родному народу, с кем он был неразрывен.

На вопрос о том, думает ли он перебираться в столичный Якутск, он отвечал так:

— Зачем? Знаешь, что деревья, растущие в тундре, в поселке не приживаются? Мне тоже нужен воздух тундры, встречи с ее людьми. Там мои корни, там истоки всего того, что смогу сделать в жизни... Разве от этого можно отрываться?![14]

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии указано, что советская многонациональная социалистическая культура становится уникальным явлением в мировой культуре, вбирая в себя богатство национальных форм и красок[15].

Вносят свою лепту в эту культуру и литераторы северных народностей Якутии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1] *Материалы XXVII* съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М.: Политиздат, 1986.— С. 90.

[2] *Правда*.— 1928.— 20 апр.

[3] *Горький М.* Собрание сочинений. В тридцати томах.— М.: Гослитиздат, 1953.— Т. 25.— С. 247.

[4] *Горький* и Якутия (Сочинения, письма, воспоминания).— Якутск: Якуткнигоиздат, 1968.— С. 85.

[5] *Пермитин Ефим.* Истоки вдохновения // Литературная газета.— 1969.— 26 ноябр.

[6] *Мар Н.* Один из юкагиров // Правда.— 1969.— 24 апр.

[7] *Якименко Л.* Историческая реальность и мир // Вопросы литературы.— 1971.— С. 24—31.

[8] *Курилов Семен.* Солнечное сердце // Воспоминания о Семене Данилове.— Якутск: Кн. изд-во, 1983.— С. 198.

[9] *Мустафин Ямиль.* Поэт и гражданин // Воспоминания о Семене Данилове.— С. 222.

[10] *Мординов Н.Е.* Человек и творчество.— Якутск: Кн. изд-во, 1976.— С. 384.

[11] *Ткаченко Кира.* Птицы без счастья // Литературная Россия.— 1969.— 1 мая.

[12] *Ломидзе Георгий.* Чувство великой общности.— М.: Советский писатель, 1978.— С. 54.

[13] *Мар Н.* Трое из тундры // Литературная газета.— 1975.— 23 июля.

[14] *Алешин Ю.* Сын тундры // Социалистическая Якутия.— 1977.— 31 июля.

[15] *Материалы XXVII* съезда КПСС.— С. 53.

Н.С.Сивцева

ЛИРИЧЕСКОЕ И ЭПИЧЕСКОЕ В ЮКАГИРСКОЙ ПОЭЗИИ (Г.Курилов — Улуро-Адо)

Посмотрите, люди Земли:
Юкагиры костер развели.
Пусть он жалок еще и мал,
Но как жарок уже и ал!

Но как жарок уже и ал!— слова, заявленные четверть века назад начинающим тогда юкагирским поэтом Улуро Адо, оказались знаменательными. Ныне имя первого юкагирского поэта Улуро Адо широко известно в нашей республике, во всей стране, печатаются его произведения и за рубежом. 1970 год — знаменательный для нашей многонациональной культуры: в этом году впервые вышли из печати стихи на древнем языке юкагиров. Это сборник стихов Улуро Адо «Песня звонких копыт», вышедший в Якутском книжном издательстве на юкагирском и якутском (в параллельном переводе) языках.

Сегодня мы хорошо знаем имя талантливого юкагирского писателя и ученого Тэки Одулока (Николая Ивановича Спиридонова). Он был знаком со многими выдающимися людьми, писателями, в том числе с Максимом Горьким. Тэки Одулок получил хорошее образование, стал одним из первых интеллигентов своего народа. Но он писал свои произведения на русском языке.

Наш современник юкагирский писатель Семен Курилов, автор романов «Ханидо и Халерха» и «Новые люди», завоевавших большую популярность среди читателей, писал на родном языке, Но их юкагирский вариант пока не напечатан, а перевод на русский язык делался с подстрочника.

Вот почему Улуро Адо в стихотворении, открывающем сборник «Песня звонких копыт», пишет:

Я — отголосок звука,
Который звенит в хоре радости и счастья.
Я примкнул
К каравану
Таких же, как сам, новорожденных.

...«Этот новорожденный» сборник стихов является первой книгой для взрослых читателей на юкагирском языке, первой ласточкой юкагирской письменности, юкагирского книгопечатания, юкагирской поэзии. Событие большой политической и культурной значимости»...[1]— радостно отмечал в послесловии к сборнику народный поэт Якутии Семен Данилов, много сил

и внимания отдававший становлению юных литератур народов Севера Якутии.

Улуро Адо принадлежит к талантливой плеяде писателей-северян, интенсивно вступивших в литературу в 60-е годы. Именно в эти годы с полной силой заявили о себе чукча Юрий Рытхэу, нанаец Григорий Ходжер, нивх Владимир Санги, манси Юван Шесталов, эвен Василий Лебедев.

Первые свои попытки, и вполне успешные, выразить вековые чаяния своих народов эти писатели делали в г. Ленинграде, городе больших революционных, гуманистических, культурных традиций, который по праву называют колыбелью литератур народов Севера. С 1925 г. в Ленинград на учебу приезжают дети тайги и тундры, дети охотников, рыболовов, оленеводов, морских зверобоев, дети Крайнего Севера нашей страны.

И Улуро Адо, сын оленевода из заполярной Олеринской тундры Нижнеколымского района, сам поработавший пастухом, в 1962 г. закончил Северное отделение Ленинградского государственного пединститута им. А.И.Герцена, а в 1965 г. поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, где занимался под руководством выдающегося североведа профессора В.И.Цинциус. В 1969 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сложные имена существительные в юкагирском языке». Перед молодым ученым открывалась широкая столбовая дорога в чистую науку: и материал для докторской диссертации уже определился, был основательным, и работа научным сотрудником в Институте языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР благоприятствовала этому. Но поэт и ученый избрал иной путь исследовательской работы. Не случайно своей монографии «Сложные имена существительные в юкагирском языке» (Л., «Наука», 1977) Курилов Г.Н. предпослал исполненный глубокого смысла эпиграф, адресованный молодому поколению своих сородичей:

«Ведь это речи наших дедов и улыбки наших бабушек травами поднялись над очагами старых стойбищ, поэтому ты тех трав не топчи» (из высказываний старика-юкагира).

В 50—60-е годы среди ученых не раз вспыхивали споры о том, надо ли для малочисленных народностей Севера развивать письменность, формировать национальные литературные языки. И итоги этих споров оказались печальными. Немало талантливых лингвистов перестало обращать внимание на проблемы, связанные с практическим внедрением исследований, и увлеклось «голой» наукой. Потоком защищались кандидатские диссертации по языкам народов Севера, но очень-очень мало де-

лалось для совершенствования преподавания этих языков в национальных школах.

Ученый-лингвист задался целью запечатлеть родной юкагирский язык в памяти человечества, не дать ему бесследно исчезнуть, угроза чему была вполне реальной. 10 лет труда было положено на создание фундаментального, первого в истории мировой культуры тундренно-юкагирско-русского словаря, по объему (74 п.л.), значительно превосходящего словарь языка верхнеколымских юкагиров, составленный финским ученым И.Ангере на основе материалов ссыльного народовольца В.И.Иохельсона. Трудно переоценить ту помощь, которую окажет этот Словарь лингвистам и этнографам. За это же время ученым-просветителем созданы «Проект алфавита юкагирского языка», «Проект орфографии юкагирского языка», «Словарь собственных имен юкагиров», составлен первый юкагирский «Букварь». Проекты алфавита и орфографии были утверждены Советом Министров ЯАССР 28 апреля 1983 г.; а в канун 70-летия Великого Октября в Якутске изданы экспериментальный «Букварь» для первого класса и Правила орфографии юкагирского языка. Так древний юкагирский язык получил вторую жизнь — письменную.

Г.Н.Курилов — собиратель и пропагандист фольклора родного народа. В настоящее время он работает над составлением юкагирского тома для 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», который явится первой наиболее полной публикацией образцов устного народного творчества юкагиров.

Как видно, слова «первый», «впервые» сопутствуют на протяжении всего творческого пути Г.Н.Курилова — Улуро Адо — ученого, просветителя, носителя и пропагандиста культуры, фольклора родного народа, поэта.

В 1965 году в Якутске вышел первый сборник Улуро Адо (Сын Озера) «Юкагирские костры» в переводе на русский язык, заглавное стихотворение которого «Посмотрите, люди Земли...» является программным — оно как приглашение другим народам к знакомству с древним загадочным (по происхождению) родным народом, к взаимному узнаванию и взаимообогащению:

Приходите, братья, к нашему
костру —
Наших песен вкусить
простоту.
Принесите, подкиньте дровец
В наш костер, в наш пожар сердец.

(Перевод В.Плисецкого)

Поэту предстояло в своих песнях открыть другим народам душу и сердце своего народа, ввести его в большую семью человечества, открыть перед родным народом огромный мир и самого себя этому миру. Улуро Адо решительно разрушает трафареты абстрактной северной экзотики. «Полная жизнь тундры», многообразная, сложная, динамичная, гармоничные, нравственные взаимоотношения человека и природы, связь тематики национальной жизни с более общими конфликтами исторических перемен, с богатой проблематикой человеческих чувств, переживаний, раздумий, размышлений и судеб — отличительная черта поэзии Улуро Адо.

Природа для северянина — тундра, тайга — мать. Интимное, кровное чувствование природы поэтом, для которого бесконечно родной и дорогой образ мамы и природы сливаются воедино, выражено в проникновенном стихотворении «Лицо матери».

У тебя фотографии маминой нет,—
Так сказал однажды мне друг.
Ну, а я усмехнулся ему в ответ.
Вот равнины морщинистые мои —
Это щеки мамы моей.
Травяные ресницы синих озер —
Это мамин ласковый взор!
Тальников белеющая стена —
Это мамина седина.

(Перевод Улуро Адо)

Природа для юкагирского поэта и самый близкий друг-собеседник. С природой он делится своими сокровенными размышлениями, советуется, обращается к ней в дни печали и радости, тонко чувствует, так как «сердцем смотрит и видит то, что не видно глазам» (стихотворение «Где музыка летних тропинок моих?...» перевод И.Фонякова).

Сын оленевода, поэт с детства находился в окружении напряженной работы. Труд постоянный — и днем, и ночью, и зимой, и летом — сопровождает пастуха-оленевода, его семью. Поэт и природу наблюдает как великую труженицу. В стихотворении «Капли пота» одинаковые капли пота нелегкого труда покрывают лицо пастуха и тундры-работницы:

Видел, как блестят от пота
Лица пастухов?
Это — трудная работа —
Не для слабаков.
Лишь усталости давящей
Испытавши груз,
Понимаешь настоящей
Жизни вкус.
Ничего не происходит
В мире без трудов.

Видел, как утрами сходят
С тундры семь потов?
Без великого напора
Всех весенних сил
Рассвело б еще не скоро...

Природа, олени, люди, их традиционные занятия — нерасторжимо взаимосвязаны в родном краю поэта. Ни одно звено не должно выпасть из этой цепи, обеспечивающей полноценную жизнь и ее равновесие. Хранителями основ бытия родного народа являются пастухи-оленеводы, («серьезный и выносливый народ»), скромно исполняющие свою «простую» работу. Основное их правило, помогающее выстоять и в беде, и в суровых испытаниях — «Главное на свете, чтоб не сводило жалобою рот». О сохранении природы в человеке, о нравственном опыте, завещанном предками, пишет Улуро Адо в стихотворениях «Памяти оленевода Х.Курилова», «Олени», «Пастух», «Земля» (переводы В.Сиротина).

Свой труд поэта Улуро Адо соизмеряет с трудом оленеводов-пастухов. В их сложившихся вековым опытом мастерстве, умении и поведении он черпает вдохновение и пример искусности для тончайшего этого дела — слагать песни:

Молчанье пастухов,
Их рук движенья,
Размерны для того, чтоб длился свет
Вот этого тишайшего мгновенья.
(«Я с завистью смотрю на пастухов...», перевод Б.Сиротина).

Муки творчества, поиски слова сродни неустанному бегу по мшистой тундре за исчезнувшими оленями:

Горизонт в моих руках,
Как аркана
Хлесткий свиток,
Но оленей,
С ветром слитых,
Нет,
Одни следы во мхах...
Все ищу, ищу, ищу,
Где же мой олень, красивый?
(«Все бегу, бегу, бегу...», перевод Б.Сиротина)

Поймать «красивого оленя», т.е. написать Главное стихотворение — к этому поэт стремится всю свою жизнь...

Один из стержневых мотивов поэзии Улуро Адо — смена времен года. Это течение времени — изменение, превращение, обновление — воспринимается поэтом как ритм жизни родной живой тундры, тесно соотнесенный с бытием родного народа, с духовной и трудовой жизнью его, душевным миром. И рождаются удивительные своеобразные поэтические образы, отра-

жающие специфику мироощущения и мировидения юкагирского поэта.

Так, первый снег — это «белое волнение», «это небо говорит очень мягкими словами».

Вновь земля моей страны
Ловит белое волнение,
И, огнем накалены,
Очагов шипят каменья.

Хлопья, хлопья с высоты...
И, зайдясь горячей речью,
Пламя алые цветы
Распускает им навстречу.
(«Снег», перевод Б.Сиротина).

Взлет души, вызванный весенним пробуждением мира тундры:

А лебеди поют,
Гогочут гуси:
Они, захолодавшие в ночи,
Как будто бы играют на хомусе,
Перебирая крыльями лучи.
Бесконечна радость светлых звуков,
Как жить легко,
В груди ее неся!
(«Высокий зов», перевод Б.Сиротина).

А солнце,
Колокольцами звеня,
Как золотой олень широкогрудый,
Животным дарит мох,
А для меня
Готовит песню новую над тундрой.
(«И вот опять весенняя заря...», перевод Б.Сиротина)

О нашей общенародной незаживающей ране — невосполнимых потерях войны, которая не миновала и небольшой юкагирский народ, стихотворения Улуро Адо «Скорбящие матери», «Русская береза» (переводы В.Сиротина).

Интимная лирика поэта исполнена чистоты и нежности. Возвышенно и благородно чувство к любимой, оставшейся в большом, далеком городе. Драматизм ситуации: «Я как будто привязан арканом к этой тундре, к оленям своим...». Трепетность ожидания и надежды рождают светлое заклинание необоримого чувства бесконечной преданности родному краю и любимой:

Расколдуй меня словом и взглядом,
Дуновением прохлады лесной —
Окажись на мгновенье рядом!
Окажись...
И останься со мной...
(«Город в памяти...», перевод Б.Сиротина).

Жемчужиной интимной лирики является цикл «Из писем матери» (перевод Б.Сиротина). Этот цикл, состоящий из деся-

ти писем в большой далекий город сыну,— подлинный гимн материнской мудрости, силе, вере, любви. Письма — жанр, в котором раскрывается глубоко интимное, свое, сокровенное. В письмах пожилой юкагирки доверительно открывается мир взаимоотношений родителей и детей; с проникновенной силой образности передается прелесть и обаяние подлинной атмосферы тундры и уклада жизни ее людей.

Монолог в письмах обрамлен авторским вступлением и заключением; в них — ответная сыновняя любовь к маме, признательность за ее «...огонь бессмертной детской веры в добро», заложившей большую нравственную силу в душу ее аммо (хорошенький ребенок).

Сообщаемые в письмах подробности и новости воскрешают в памяти автора впечатления детства — самые сильные связи, врачующие душу человека («Письмо — и снова детства воздух влетает в комнату ко мне»):

Сын,
Олени наши нынче ходки.
Самки наблюдают каждый день,
Как резвятся в тундре первогодки.
Лишь тобой прирученный олень,
Ничему не радуясь, устало
Вдаль глядит —
В глазах — тоски провал.
. . . .
В пастухах братишки подросли.
Заждались тебя друзья и братья,
Речка Алазея заждалась...

В «Восьмом письме» тревожное беспокойство, вызванное фотографией будущей невестки («...глаза у девушки остры. Чересчур остры глаза, упрямы, как бы сердце не было таким...») и предостережение о важности выбора верного спутника жизни мать выражает душевной осторожностью, больше пеняя на свое материнское сердце и бабушек, возрастом их объясняя придирчивость и осмотрительность:

Говорят,
(А ты не слушай, аммо!)
Что в глазах ее холодный дым.
. . . .
Ты сегодня, мальчик,
Нас не слушай,
Страхи наши —
Что собачий лай...
Трудно отогреть седые души,
Как огонь в яранге ни пылай...

Авторское понимание сыновнего долга, гражданственной ответственности перед родным народом, явный автобиографизм

цикла определили исповедальный характер его. Автор открыто, без подтекста передает тревожные мысли матери:

Хочется,
Чтоб ты большие мысли
Нашему народу подарил.
. . . .
Помни о своем народе, аммо,
Голову дурманом не губя.

В исповеди автора — гордая и преданная любовь к своему краю и его людям, еще более упрочившаяся с годами. Мать верит и внушает своему аммо:

Радуюсь,
Что ты еще сильнее
Станешь, милый аммо, среди них!
А потом
(Ведь правду говорю я?)
От тебя и к младшим перейдет
Сила та,
И молодость вторую
Обретет наш маленький народ!..

Поэтический монолог в письмах, введенный Улуро Адо в младописьменные литературы страны, открыл новые изобразительно-выразительные возможности этой стихотворной формы. Переводчик Борис Сиротин сумел нащупать верный нерв эмоционально-душевного склада юкагирского поэта. «Да и в целом,— как справедливо пишет Вл.Александров в рецензии о цикле «Из писем матери»,— при переводе такого эмоционально-мощного поэта, как Улуро Адо, Б.Сиротин проявил много вкуса, интуиции, впечатлительности»[2].

Хорошо известны произведения Улуро Адо для детей: «Рассказы Юко», пьеса для кукольного театра «Наш друг Чига», «Сказка о человеке и Красном Звере».

Собственное детство поэта — непосредственный опыт живых наблюдений и общения с миром окружающей природы. С детским восприятием в него вошло познание тайн тундры, повадок зверей и птиц, жизни растений. Из сказок Улуро Адо малыши узнают, почему в тундре деревья не растут большими, как каждой весной приходит новое солнышко, ведь зимой в юкагирской тундре стоит долгая полярная ночь, как невозможно жить в тундре без верной дружбы и взаимной поддержки. Так у малышей пробуждаются добрые чувства, любознательность, расширяются представления о мире природы.

«Помоги человеку найти себя»— доверительный и благодарный рассказ Улуро Адо о преданном делу воспитателе — педагоге, сыгравшем решающую благотворную роль в его судьбе. Привлекают внимание публицистические выступления поэта

в печати, такие, как статья «Как живешь, оленевод?» о трудной работе и во многом еще необустроенном быте оленевода-пастуха. Он остро ставит вопросы об изменении условий труда своих земляков-оленеводов в наше время научно-технического прогресса.

Улуро Адо — автор шести сборников стихотворений[3]. В центральных издательствах вышли сборники «Пока дремлют олени» (М., «Сов. Россия», 1973), «Растопленные снега» (М., «Современник», 1975). От сборника к сборнику углубляется и усложняется мировидение поэта, рождается свое, самобытное, самостоятельное. К пятидесятилетию поэта, которое литературная общественность отмечала в апреле 1988 года, Якутское книжное издательство выпустило в свет новый сборник поэта на родном юкагирском языке («Благословение реки Лабунмэдэну»). Звания заслуженный работник культуры ЯАССР, заслуженный учитель ЯАССР говорят об общественном и народном признании художника слова и ученого.

Особое место в творчестве Улуро Адо занимают поэмы: крупно поставленные проблемы и решаются масштабно, широко. В поэме «Нунни», написанной на основе поверья юкагиров о бессмертии человеческих душ, он раздвигает узкие рамки предания и придает ему новое, более широкое звучание — великую идею гуманизма, так нерасторжимо связанную с именем великого и простого Ленина в народном представлении.

Одно из последних произведений Улуро Адо — «Гул северного сияния», поэма-монолог оленьего пастуха. Это, несомненно, этапное произведение в творчестве поэта. Поэма захватывает эмоционально-мощным напором. Высокое поэтическое и гуманное настроение пронизывает монолог. Издревле поэту предназначено открывать Вечное и Неразгаданное. В неукротимых переливающихся сполохах северного сияния, манящих, вызывающих восторг и привычных автору с детства, поэту вдруг однажды приоткрывается тайна древних загадочных знаков «нявалдання» (северного сияния, «юкагирских огней» как называли его в старину якуты). По одному единственному слову возможно заглянуть в исторические глубины прошлого своего народа. Так и это древнее название северного сияния — «алайи лачипа» («алайские огни»), мелькнувшее в устах старика, поведавшего о предках юкагиров — алайцах, трагически исчезнувших в глубине веков. И «заговорили» таинственные письмена:

Аалйи лачипа...
Как лезвие ножа
Вы блещете в ночи,
И ваш кровав отлив.
К чему зовете вы?

Не к мести ли меня,
Чтоб через много лет
Хозяев боль унять?
Чтоб не метались те,
Убийц своих кляня,
А в мерзлоту могил
Легли спокойно спать.

(Перевод Вл.Федорова)

Род алайцев звали «людей не обижающими». «Потемненьем ума и болезнью Считали они, Если мог человека Ударить другой человек», «Словом мудрым и добрым Алайцы гасили огонь...», «Доброта побеждала».

Но доброта и доверчивость погубили этот могучий народ, «бедное племя добра». Поэт считает, «что всегда свои копья Не следует в землю втыкать». Огнем от подожженных на тонком льду нарт и вещей своих хотели они защититься от врага, преградить ему путь, но алайцы не успели достигнуть берега: разбитый лед провалился, «И никто из алайцев Не смог доползти до земли, И холодное дно Стало ложем последним для них».

Их Великий Огонь
Что над смертной пучиной горел,
Улетел в небеса,
Чтобы видеть оттуда людей.
Он сигналит с высот,
Упреждая опасность и зло.

Особое чувство жизни, драматизм современного мироощущения поэта взывают не об отмщении за алайцев, а к возрождению их нравственных устоев и ценностей, только это спасет человеческий род от вселенской катастрофы. Полная драматизма, поэма тревожным гулом навалданнќ (северного сияния) взывает к разуму и душе людей всего мира, к единению и взаимоответственности перед общей глобальной опасностью, грозящей уничтожением хрупкого шара — планеты Земля.

Напряженно страстно звучит эпилог поэмы.

О небесный мумдел!
Снова гул твой высокий плывет.
Снова шепчешь, горя,
на древнейшем своем
языке:
— Соберись воедино,
большой человеческий
род,
И сомкнись,
будто пальцы
в зажатой руке!
Человеческий род,
разыграться пурге
не позволь

И снегами забвенья
планету не дай замести!
Человек!
Изживи злодеянья и боль!
Пусть лишь солнце и радость
грядут впереди!

Когда раньше говорили о литературах народов Крайнего Севера нашей Советской страны, о литературе юкагиров, эвенов, эвенков, чукчей, то вспоминали строчки из стихотворения Афанасия Фета:

На льдинах лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.

Сегодня они решительно опровергнуты, ибо эти народы давно имеют свои литературы, своих писателей и поэтов. И сегодня с огромной гордостью можно цитировать другие, утверждающие строчки из этого же стихотворения Фета:

Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченный жизни цвет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1] *Данилов Семен.* Первая ласточка юкагирской поэзии. Пер. А.Шапошниковой // Данилов Семен. Поющие снега.— М.: Сов. Россия, 1986.— С. 123.

[2] *Детская* литература.— 1976.— № 2.— С. 97.

[3] *Юкагирские* костры (на рус. яз.).— Якутск, 1965.— 71 с. (В сборник помещены и рассказы Семена Курилова); *Песня* звонких копыт. Стихи. На юкагирском и якутском языках.— Якутск, 1970— 88 с.; *Пока* дремлют олени. Стихи.— М., Сов. Россия, 1973.— 111 с.; *Растопленные снега.* Стихи — М., Современник, 1975.— 79 с.; *Благословение* реки Лабунмэдэну. Стихи и поэмы. На юкагирском языке.— Якутск, 1988.— 168 с.; *Харса* оонньуур харалдьыктарым. Хоһооннор.— Якутскай, 1977.— 110 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Св. план 1990 г., поз. 45

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СЕВЕРА ЯКУТИИ

Сборник научных трудов

Редактор **Е.Ф.Молотков**
Техн. редактор **С.А.Толкачева**
Корректор **М.Б.Акиева**
Обложка **В.В.Достовалова**

Подписано в печать 05.11.90. Формат 60x84 1/16. Бум. тип. № 3.
Гарнитура журнальная. Печать офсетная. Усл.п.л. 6,98.
Уч.-изд.л. 7,2. Тираж 1000. Заказ 21. Цена 1 р. 10 к.

Якутский научный центр СО АН СССР
Подразделение оперативной полиграфии
677891, г. Якутск, ул. Петровского, 2